Томский Краевой Музей.

В. Чернецов
15/12 32.

ТРУДЫ
ТОМСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ.

Том IV.

ШАТИЛОВ М. Б.

ВАХОВСКИЕ ОСТЯКИ.

(Этнографические очерки.)

С 18 фотографиями

ТОМСК.
Издание Томского Краевого Музея.
1931.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Предисловие	I—III
Глава I. Природа	1— 12
„ II. Население	12— 39
„ III. Жилище	39— 49
„ IV. Предметы домашнего обихода и утварь	49— 58
„ V. Пища	58— 68
„ VI. Одежда	68— 72
„ VII. Средства передвижения	72— 78
„ VIII. Родовые, семейные отношения; управление, суд и обычное право	78— 98
„ IX. Общее миросозерцание и верования	98—131
„ X. Промыслы	131—164

Приложение:

1. Населенные места по Ваху 165
2. Р. Вах и его притоки. 165
3. Указатель остяцких слов и отдельных выражений . . . . . 166—170
4. Указатель собственных имен. . . . . 170—173
5. Список использованной литературы . . . . . 174—175
6. Список использованных картографических источников 175

Рисунки.

Томск, 3-я типография Запсибполиграфтреста

Горлит № 1616. Зак. № 1434. Тираж 500.

ШАТИЛОВ М. Б.

ВАХОВСКИЕ ОСТЯКИ.

(Этнографические очерки.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Содержанием настоящей работы послужили материалы экспедиции автора в 1926 году на р. Вах для хозяйственно-бытового обследования ваховских остяков. Экспедиция эта была проведена по инициативе Томского Краевого Музея через посредство Томского Комитета Севера по поручению и заданиям Главного Комитета Севера при ВЦИК-е.

Обследование это было предпринято главным образом в связи с присоединением Александро-Ваховского района к б. Томскому округу, когда для его практической административной и хозяйственной деятельности в отношении ваховских остяков потребовались всесторонние материалы о Ваховском районе. Этим об'ясняется довольно обширная программа и особые задания обследования применительно к практическим надобностям данного момента.

Основным заданием экспедиции было статистико-экономическое обследование остяков системы Ваха: 1) подворное (каждой юрты) всестороннее стат.-экономическое обследование; 2) поселенное обследование; 3) порайонное обследование основных промыслов: пушного, звероловного, орешного; 4) сбыт, потребление и бюджет.

На ряду с этим основным заданием экспедиция обязана была выявить те бытовые особенности жизни остяков, которые тесно связаны со всей системой их хозяйства. В задание экспедиции входило обследование главной артерии Ваха по возможности до последнего населенного пункта вверх по его течению, для чего экспедиция располагала временем в четыре месяца. За это время экспедицией пройдено по р. Ваху на лодке примерно до 1400 клм. туда и обратно. Экспедиция поднялась вверх по Баху до его правого притока Корельки-ёган на расстоянии до 700 клм. от устья Ваха; выше этого пункта имеется по Ваху всего одна юрта в 6-ти днях пути. Таким образом по Ваху пройдены все населенные пункты, за исключением этого последнего. Притоки Ваха (слабо населенные) р.р. Кулун-ёган, Сабун и Колбк-ёган за дальностью расстояния и недостатком времени посетить не удалось.

Экспедиция работала в составе: а) Шатилова М. Б.-этнографа—экономиста; б) Попова М. И.—статистика; в) Иглякова А. И.—переводчика (Вас'юганский остяк—студ. Ленинградского туземного Рабфака).

Пользуюсь случаем выразить признательность моим товарищам по экспедиции—Попову М. И. и Иглякову А. И., благодаря необычайной энергии которых, а иногда и самоотверженной их работе в тяжелых условиях нашей экспедиции, нам удалось выполнить возложенные на нас ответственные поручения.

Экспедицией исполнены следующие работы: проведено подворное обследование всех хозяйств, встретившихся на пути следования экспедиции к этому моменту (обследовано 108 хозяйств), затем проведено поселковое обследование всех населенных пунктов по Ваху (32) и несколько по его притокам (8)—всего 40; наконец, проведены порайонные обследования промыслов: пушного, оленного, рыболовного и орешного.

При подворном обследовании учтены и подробно описаны наиболее важные моменты семейной, бытовой и хозяйственной жизни каждого двора (юрты), как например: 1) семья—половой, возрастный состав, родной язык, грамотность, естественное движение, образ жизни; 2) земельные угодья, район промыслов; 3) скотоводство, виды скота, естественное движение, уход, болезни; 4) промыслы—техника и быт; 5) промысловый инвентарь; 6) добыча пушнины, ее виды; 7) рыболовство, добыча рыбы, инвентарь; 8) средства передвижения; 9) жилище; 10) потребление и покупка товаров; 11) задолженность; 12) налоги и сборы; 13) бюджет.

При поселенном обследовании учтены и описаны разнообразные моменты, характеризующие населенный пункт, как таковой, его административное и географическое положение, расстояния, пути и средства передвижения, экономическое тяготение, земельные и промысловые угодья и т. д.

Подворное и поселенное обследование тесно связаны и взаимно пополняют, корректируют одно другое и в то-же время составляют главный материал обследования и исходный для других работ экспедиции по обследованию отдельных промыслов.

Для обследования промыслов уже на месте во время работ намечались определенные районы, чем либо обособленные, характерные, по которым и проводилось обследование. Всего таких районов намечено было пять, по которым и проведено подробное обследование основных промыслов: пушного, оленного, рыболовного, орешного, ягодного и промысла на птицу.

а) В отношении пушного промысла учтены и описаны подробно наиболее важные его моменты, из которых можно отметить район промысла, виды и ценность пушнины, способы и условия добычи, время промысла, место сбыта, способы обработки, перспективы промысла и проч.

б) По рыболовному промыслу учтены точно так-же различные стороны промыслов, дана характеристика угодий, экономика промысла, его техника и организация, виды продукции, сбыт и потребление, перспективы промысла.

в) По оленеводству собраны материалы, определяющие количество и состав оленьих стад, инвентарь при оленях, уход за оленями, прирост, болезни, продукты оленеводства и хозяйственное значение оленей и т. д.

г) Наконец, обследован орешный и ягодный промысел и добыча птицы, по которым имеются материалы, характеризующие формы и способы ведения промысла, промысловые угодья, сбыт продуктов и перспективы промысла.

По этнографии, насколько это позволил краткий срок работы, обследована материальная, социальная и духовная культура человека, а именно: жилище, домашняя утварь, одежда, пища, образ жизни, промыслы (бытовая сторона и техника), средства передвижения, оленеводство, народное здравие и народная медицина, родовые отношения, брак, семья, административное устройство, обычное право и родовой суд, общее миросозерцание, верования и, наконец, собраны материалы по фольклору—записано 30 произведений народного эпоса. На ряду с этим велись фотографические снимки различных сторон жизни остяков. И, наконец, экспедицией собрано для Томского

Краевого Музея 162 экспоната—предметов промысла, быта, искусства и культа остяков.

Главное внимание при этнографических наблюдениях в силу указанных выше основных заданий экспедиции было обращено на бытовые моменты, тесно связанные с хозяйством остяков и им обусловленные. Поэтому более подробно была обследована материальная культура, а в отношении социального устройства и духовной культуры было обращено главное внимание на моменты, тесно связанные с системой хозяйства остяков.

Материалы экспедиции в свое время были представлены в Главный Комитет Севера при ВЦИК-е ввиде двух работ: а) „Хозяйство Ваховских остяков"; б) „Ваховские остяки" (этнографические очерки) и тогда же были предположены к изданию.

Таким образом в настоящее издание вошли не все материалы, полученные экспедицией, а только этнографические очерки, за исключением материалов по народному здравию и медицине, по народному творчеству и фольклору и хозяйству.

При ознакомлении с настоящей работой необходимо учитывать, что в основу ее легли материалы, относящиеся к 1926 году, после которого по Ваху вводится новое административное устройство ввиде особого туземного района, проводится реконструкция хозяйства ваховских остяков, целый ряд крупных мероприятий по народному образованию, а также развертывается работа по линии советской общественности, что вызывает в жизни ваховских остяков коренные перемены в отношении их бытового уклада, их взглядов и всего их мировоззрения и, наконец, вызывает изменение социально-производственных отношений в их среде на основе социалистического устройства жизни.

В заключение не могу не выразить благодарности Совету Томского Краевого Музея, изыскавшему возможности издания настоящей работы.

Томский Краевой Музей—15 мая 1931 г.

I. ПРИРОДА.

Ваховский район занимает юго-восточную часть Сургутского края, а с перечислением южной части последнего в 1925 году к бывшему Томскому округу, Ваховский район является северо-восточной его окрайной. В настоящее время он составляет самостоятельный туземный Лариакский район. Система Ваха занимает пространство между 60,50° с. ш. и 62° с. ш. и 46° и 56° меридиана, варьируя в этих пределах по очень кривой линии от истоков Ваха через вершины его левых и правых притоков к месту его впадения в р. Обь [1]) на 1933 км. от слияния рек Бии и Катуни.

Обширный бассейн Ваха мало, или вернее говоря, почти совершенно не исследован в физико-географическом отношении.

Более или менее полный картографический материал имеется только для самого Ваха и то не на все его протяжение, а лишь до правого его притока—р. Кулун-ёган, т. е. до границ бывшей Тобольской и Енисейской губерний, а между тем Вах у означенного притока имеет ширину до 80—100 м. и доступен для моторного сообщения, а отсюда, очевидно, имеет и значительное еще протяжение. Вах посещался несколькими исследователями преимущественно в его низовьях. Р. Вах с некоторыми притоками отмечается на самых старых русских картографических материалах. На первой русской печатной карте—„Чертеж Сибири Петра Годунова" (1667 г.) р. Вах мы еще не имеем, но уже во втором издании этой карты—„Чертеж всей Сибири до Китайского Царства" (1672 г.) р. Вах, как приток Оби, уже отмечается [2]).

На „Чертеже всех сибирских градов и земель" С. Ремезова (1698 г.) отмечается Вах, один из его больших притоков (видимо Сабун) без наименования и волок с вершины Ваха на приток Енисея [3]).

Еще более подробные указания имеются на карте того же Ремезова—„Чертеж Сургутского города" (1701 г.), где отмечен Вах и целый ряд его притоков: р. р. Песек. Сабун. Сумба; с вершины последней идет волок на „озеро Таз"—исток р. Таза. С вершины Ваха волок на р. Елагуй—приток Енисея [4]). С этого времени Вах с его притоками встречается на всех картах и даже иностранных, как например: „Carte generale d' Empire de Russie et de Tartarie grande et petite en Europe et Asie" (изд. Нюремберг—1739 г.) (Архив Том. Краевого Музея).

О качестве некоторого картографического материала, можно судить, хотя бы по такому примеру: на карте генерального штаба имеется большой приток Ваха в его нижнем течении с левой стороны—река „Ась-ёган", а между тем эта река является притоком Оби и впадает в последнюю несколько ниже с. Александровского, примерно на расстоянии 80 км. выше устья р. Ваха. Действительно же существующие левые притоки Ваха ни один на упомянутой карте не указан, которые могут быть нами отмечены: (сверху вниз)—Нинкин-ёган,

---

[1]) „Атлас Азиатской России"—Изд. Перес. Управл. 1914 г.
[2]) Л. С. Берг.—„Очерки истор. русск. геогр. Науки"—Ак. Наук—1928 г.)
[3]) „Атлас Аз. России" Изд. Пер. Упр.
[4]) „Чертежная книга Сибири"—Сем. Ремезова 1701 г.—Атлас издания Археогр. Ком. 1882 г.

Мохтох-ёган (между с. Лариаком и Кулун-ёганом) и ниже с. Лариака-Мох-Куль-Еган и Кулун-ёган-Игал. Правые же притоки Ваха нанесены на этой карте по подозрительно прямой линии.

Наименование Ваха происходит, как можно предполагать, [1]) от слов—„в а т"—(город) и „я х" (народ) и вот почему: по преданию ваховских остяков, о чем в другом месте говорится более подробно, они не являются коренными обитателями Ваха, они переселились сюда, еще до прихода русских с. р. Оби, где у них был городок—„в а т", почему их и стали называть на новом месте „В а т-я х"—т. е. народ из города. Поэтому и река, занимаемая ими, стала называться—„ё г а н-в а т-я х" т. е. река народа из города. В последующем два последние слова слились, при чем конечный звук первого слова „т" (от слова „ват") и первый звук второго „я" (от слова „я х") отпали и получилось слово „В а х". Приставка слова „ёган", т. е. река, употребляемая остяками обязательна для обозначения малых рек (Куль-ёган, Нинкин—ёган и т. д.), в отношении больших рек обычно отпадает, как например „Ась-ях"—Обь, Юган, Пур и т. д.

В одном из старинных зап.-европ. истор.—географ. сборников о Сибири („Staat. fon. Siberien"...Nürnberg 1720 г.) мы встречаем между прочим двоякое наименование Ваха. При перечислении сев.-восточных притоков Оби отмечается „Wah oder Wagga", т. е. „Вах или Варга". Это последнее наименование по известным нам источникам принадлежит исключительно данному сборнику. К сожалению из дальнейшего его содержания нельзя выяснить ни значения, ни происхождения этого второго наименования.

Вах берет свое начало в пределах бывшей Енисейской губернии двумя истоками, где он близко соприкасается с вершиной Елагуя—левого притока р. Енисея. Вершины Ваха и Елагуя на значительном расстоянии идут параллельно, хотя и в разные стороны. Общее протяжение (по идеальной линии) и направление Ваха определяется следующими данными: [2]) истоки Ваха находятся почти под 62° с. ш. и под 56° меридиана (ст. Пулково), а устье Ваха между 46° и 47 меридианом, при чем от устья до 52 мерид. Вах расположен в пределах бывшей Тобольской губернии, а с 52 по 56 меридиан—в границах Енисейской губернии. Направление реки в общем следующее: в верхнем течении до с. Лариака юго-западное в пределах несколько выше 61° с. ш. и от с. Лариака в почти прямом западном направлении, пересекая несколько раз линию 61° с. ш. и от юрт „Рогном—пай" (Савкины) в 25 км. от устья круто поворачивает на юго-запад от 61° с. ш.

В отношении мощности реки можно отметить, что ширина Ваха при впадении в него р. „Корельки-ёган" не менее 60—80 метр. (на границе быв. Тобольской и Енисейской губ. под 52 меридианом). До этого пункта он „условно судоходен" для плоскодонных пароходов и моторов. Ширина Ваха против с. Лариака (самый Лариак стоит на протоке Ваха) 120—140 метр. При устье Вах имеет не менее 300 м.

О протяжении Ваха точных данных не имеется. А. А. Дунин-Горкавич, бывший дважды по Ваху летом и зимой по обследованию лесных массивов и проезжавший зимним путем с Куль-ёгана (точнее

---

[1]) Это предположение не обосновано лингвистически и построено исключительно на мнении остяков, которое удалось извлечь из собранных мною преданий и других материалов.

[2]) Атлас Азиатской России—„Изд. Перес. Упр. 1914 года. „Почвенная карта Азиатской части СССР"—Изд, Акад. Наук—1927 г.

Кулун-ёгана) определяет протяжение Ваха в 700 клм., [1]) что едва-ли соответствует действительности и вот почему: общеустановленным и безспорным положением на основании опыта лодочного продвижения является, что от Лариака до устья Ваха водным путем 500 км.

Нашей экспедицией весь путь по Ваху до его притока Корелькиёган (уже в пределах бывшей Енисейской губернии) проделан на лодке с более или менее равномерным ходом, при чем нами все время велась точная запись по часам времени пути от остановки до остановки. Путь от Лириака до устья Ваха т. е. общепринятые 500 километров нами проделан (с остановками более месяца) в течение 82 часов 15 минут, что дает около 6,5 клм. в час, т. е. как раз общепринятую норму передвижения на лодке вниз по течению около 6—7 км. в час. Отсюда можно заключить, что 500 клм. есть действительное расстояние от Лариака до устья Ваха.

От Лариака до Корельки вверх по течению путь нами проделан за исключением всех остановок для работ и отдыха в течении 68 часов 20 минут, что дает при общепринятой норме продвижения вверх по реке в 3 км. в час расстояние от Лариака до Корельки 200 км., каковое расстояние соответствует всем распросным данным на местах по этому поводу. Таким образом от устья до притока Ваха реки Корельки условно можно принять около 700 клм., а в этом месте Вах еще имеет не менее 60—80 м. ширины и судоходен; очевидно до истоков еще далеко. Каково же расстояние от устья до вершины Ваха?

На плесе Лариак-Корельки-ёган имеются интересные по своему названию для данного случая юрты—„Вах-Коте-Пугол", что буквально значит—„Половина-Ваха-юрты", и остяки утверждают, что эти юрты стоят на полпути Ваха; очевидно, это так.

От Лариака до Вах-Коте-Пугол мы ехали 27 часов, что дает при скорости 3 км. в час—80 км., отсюда можно предполагать, что от Вах-Коте-Пугол" до устья 580 км., а тогда весь Вах надо исчислять не менее 1000 км. О протяжении от Лариака к истокам Ваха у нас имеются категорические показания местных промышленников, ходивших туда на обласках. По их данным, они достигали вершины Ваха, где он еще имеет не менее 10 м. ширины, от Лариака при остановках для отдыха и на ночевки в 18 дней. Если взять минимальное продвижение в 20—25 км. в день, мы имеем протяжение до места уже близкого к истокам в 480 км. Присоединяя сюда протяжение от устья до Лариака в 500 км. и неизвестное расстояние самых истоков, мы получаем во всяком случае не менее 1000 км. Приводя эти данные, мы отнюдь не претендуем на категоричность и высказываем их как предположения, основанные на практике и сведениях местных аборигенов.

Вышеприведенные исчисления подтверждаются также некоторыми литературными источниками.

В „Памятной книжке Тобольской губ." [2]) говорится, что Вах имеет „в длину до 1000 верст, в ширину до 200 саж. и глубину от 2 аршин до 6 аршин".

---

[2]) Дунин-Горкавич—„Тоб. Сев.".
[3]) „Памятная книжка Тоб. губ."—1911 г.

То же протяжение указано и в Большой Энциклопедии. В издании Упр. Водных Путей Сибири [1]) протяжение Ваха от места, где начинается сплавная его часть до впадения в Обь, определяется в 917 килом.

Попутно нельзя не заметить, что этот последний источник имеет и большие погрешности в отношении Ваха, как например—правый приток Ваха—р. Сабун, впадающая в Вах ниже с. Лариакского, указан в этом издании выше этого пункта на 212 клм.; юрты Куль-ёганские, расположенные выше р. Сабуна клм. на 100 на устье р. Куль-ёган, указаны в этом путеводителе ниже этого Сабуна на 165 клм. и т. д.

Итак все эти данные устанавливают протяжение Ваха предположительно никак не менее 1000 клм.

На своем протяжении Вах принимает целую систему притоков, из которых наиболее крупные расположены справа—с северной стороны. Правые притоки (сверху вниз): р. Кыс, Куль-ёган Корелькиёган, Котоk-ёган, Кулун-ёган (граница Енисейской губернии) Сабун, Песек, Колёк-ёган и Яль-Нельтан-ёган. Левые притоки (сверху вниз): Нинкин-ёган, Мохтох-ёган, Мох-Куль-ёган и Кулун-ёган-Игал".

Река Вах выше Лариака имеет большую протоку—„Большая Лариакская протока",—протяжением до 60 км., идущую параллельно главному руслу Ваха. Из отмеченных притоков, наиболее многоводные—Кулун-ёган (300 км.), Сабун (215 км.) и Колок-ёган (280 км.) [2]).

Они же и Корельки-ёган имеют население, остальные притоки безлюдны.

Своими истоками Вах, как уже отмечалось, соприкасается с системой Енисея через реку Елагуй—его западный приток. Вершинами южных, левых притоков Вах граничит с системой р. Тыма. Своими северо-восточными притоками—(р. Куль-ёган, Кыс, Корельки, Кулун-ёган) Вах, выходит к системе р. Таза и, наконец, своими северо-западными притоками Вах граничит с притоком Оби—р. Аган.

Территория системы Ваха представляет собою в той или иной мере всхолмленную равнину, слегка наклонную с северо-востока на юго-запад с более или менее значительными возвышенностями в его вершинах по водоразделу Ваха, Таза и Елагуя.

Берега Ваха на протяжении нами пройденном представляют собою правильное чередование низменных глинисто-песчаных отмелей, покрытых чахлыми тальниками, и противоположных берегов отвесных, в нижнем течении почти на уровне воды и, по мере продвижения вверх, все более и более высоких и покрытых сплошной стеной девственных смешанных лесов. Имеются в нескольких местах и довольно высокие берега (16—20 метров высоты) нередко с непосредственным выходом торфяных болот и даже уродливым карликовым лесом. Леса вообще по берегам смешанного характера с преобладанием хвойных и с выходом лишь в нескольких местах сплошных сосновых и кедровых пород.

В почвенно-ботаническом отношении бассейн р. Ваха, как таковой, точно также почти совершенно не исследован. Поэтому представляется возможным ограничиться в этом отношении характеристи-

---

[1]) „Водные пути Сибири"—Изд. Упр. Вн. Водн. Пут. Сообщ.—1925 г.
[2]) А. А. Дунин-Горкавич—„Геогр: очерки Тоб. Сев."

кой его, как части определенной географической зоны Западно-Сибирской низменности вообще. Позволим остановиться на некоторых указаниях по этому поводу.

Н. Л. Скалозубов [1]) делит территорию бывшей Тобольской губернии на три области, при чем Сургутский край вообще и Ваховский район в частности относится ко второй—лесной области. Область эта находится между 57° и 52° с. ш.—это „область распространения сплошных хвойных лесов, сосновых, елово-пихтовых, с примесью кедра, лиственницы".

Известный исследователь Тобольского Севера А. А. Дунин-Горкавич [2]) делит его на две географические зоны—1) зону полярного севера (севернее 64° с. ш.) и 2) зону высокоствольных лесов (к югу от 64° с. ш.).

Северная граница зоны высокоствольных лесов, начинаясь на Урале близ 64° с. ш. на восток идет за Обь до р. Назыма, затем круто опускается почти до 61° с. ш. и идет в Сургутском крае почти параллельно Оби, не далее 20 км. от нее, до устья р. Агана. По Агану поднимается до 62°, 30' с. ш., переходит на вершину р. Колок-ёгана, круто опускаясь затем снова почти до 61° с. ш. Далее до восточных пределов Сургутского уезда границу составляет р. Вах. Как видно из этих подразделений на географические зоны интересующий нас бассейн Ваха находится на границе зоны высокоствольных лесов, составляя ее северную оконечность.

Б. Г. Городков [3]) включает интересующий нас край в пятую по его классификации подзону—кедрово-болотистую лесной зоны. Южная граница этой подзоны (южнее идет урмано-болотная подзона) может быть по этому автору проведена так: „начало ее можно принять близ Назымова на р. Енисее, откуда, проходя по водоразделу р. р. Тыма и Кети (Крылов), граница пересекает Обь немного севернее устья р. Васьюгана, параллельно нижнему течению которого она следует до границ Томской и Тобольской губ., поднимаясь к юртам Айдаровским на р. Салыме и т. д.

Северная граница подзоны намечается следующая: „мы, говорит автор, считаем ее близко совпадающей с северной границей более сплошного распространения сосны, которая, начинаясь на р. Енисее близ Туруханска, направляется к „Тазовской церкви" на р. Тазе. Далее к западу последние сосновые леса встречаются в верховьях р. Ианг-Яго, притока р. Пура, затем граница проходит по водоразделу р.р. Казыма и Куновата немного севернее гор. Березова и пересекает близ Урала р. Ляпин, вероятно немного южнее 65° параллели".

Эта подзона, в которую, как видно из ее границ, входит и бассейн р. Ваха, по Городкову характеризуется следующим образом:

Рельеф края на юге равнины слабо всхолмленный, изрезанный долинами рек, на водоразделах развиты болота. В северной части много увалов и песчаных холмов, есть озера,—результаты деятельности древнего ледника. Речные системы очень развиты. Разливы рек обширны, максимум под'ема воды в конце мая, начале июня (ст. ст.). Много озер, часто заболоченных по краям. Почвы по дренированным увалам

---

[1]) Н. Л. Скалозубов—„Опис. карты распростр. ест.—истор. обл. Тоб. губ." Ежег. Т. Г. Муз." XIV—1905 г.

[2]) А. Дунин—Гаркавич—„Геогр. очерк. Тоб. Сев."

[3]) Б. Г. Городков—„Опыт деления Зап. Сибирской низменности на бот.-географич. области". Ежег. Тоб. Губ. Музея XXII—1911 г.

вдоль рек и по островам среди болот подзолистые, суглинистые, супесчаные и песчаные; последние особенно сильно развиты—в восточной половине нашей подзоны; в большей части района почвенная карта Академии Наук отмечает слабое,—вернее скрытое,—оподзоливание. По краям болот и в сильно заболоченных лесах торфяно-болотные, в долинах аллювий.

Основной ботанико-географический фактор—заболоченность грунтов, а на севере и их низкая температура (мерзлота).

Дренированные места вдоль материков и по островам среди болот покрыты лесами с преобладанием кедра и ели с некоторой примесью в южной части пихты, которая к сееру совсем исчезает. Покров почвы состоит из мхов. Травяной покров очень беден в видовом отношении, кустарник незначителен.

По менее дренированным местам часто развивается кедровник с примесью березы и других пород. По краям водораздельных болот встречаются полурямовые сосняки из довольно крупной сосны. Эти сосняки являются переходом к ряму с мелкой сосной и таким же кедром. По рямам развиты „поверхностные" озерки, чередующиеся с зыбунами.

В долинах рек в низовьях и по краям озер встречаются участки заливных лугов с преобладанием злаков и осоки; но эти луга в значительной мере испещрены кустарниковыми насаждениями преимущественно из ивы.

Выше по реке с уменьшением продолжительности стояния воды появляются заливные лиственные леса из березы и осины. В травяном покрове господствуют злаки и осоки.

Такова вкратце характеристика восточной части кедрово-болотной подзоны по Городкову.

Здесь должно заметить, что все подзоны подразделяются в свою очередь на две части –западную и восточную, при чем последняя в растительном покрове и некоторых иных отношениях приближается к Восточной Сибири, иначе говоря, и в пределах Ваха мы имеем переходные формы от Зап. Сибирской низменности к восточно Сибирской. Такой раздельной линией подзоны Городков намечает 72 меридиан от Гринвича.

Подобные же гео-ботанические показатели имеются и в некоторых картографических источниках.

Так, в картографическом издании б. Переселенческого Управления [1]) интересующая нас область отнесена в отношении почвенном к подзоне „северная часть подзолистой зоны", которая характеризуется, как „ослабление подзолистого процесса", постепенный переход к „лесотундре," а в отношении растительности тот же район относится" к подзоне—западно-сибирской болотной тайги".

В почвенной карте издания Академии Наук под редакцией академика Глинки [2]) имеются более подробные геологические показатели в отношении бассейна Ваха.

В почвенном отношении намечаются следующие области по Ваху: По верховью Ваха до впадения в него р. Корельки-ёган (примерно около 700 км. от устья) по обе стороны реки на широкое пространство идут сплошные почвы: „подзолистые маломощные—на северной

---

[1]) „Атлас Азиатской России" Изд. Перес. Управления.
[2]) „Почвенная карта азиатской части СССР" Изд. Академии Наук.

границе лесов" или, как это отмечено по предыдущему источнику, „ослабленные подзолистые почвы—переход к лесотундре".

От устья р. Корельки-ёган до следующего (вниз по течению) притока Ваха р. Кулун-ёгана (50—60 клм.) по обе стороны Ваха мы имеем почвы—„сильно подзолистые и подзолы" глинистые и суглинки.

Далее, вниз по Ваху до самого его устья справа в более широкой полосе, слева несколько уже, а также по его притокам залегают „песчаные в различной степени оподзоленные почвы, между ними (по водоразделам притоков Ваха)" торфяно-болотистые высоких моховых болот", почвы, при чем слева эти „торфяно-болотные" почвы ближе подходят к Ваху, имея в нижнем его течении выходы к самой реке.

Подобные выходы торфяно болотных залеганий нами во время пути отмечены в нескольких местах, при чем не только с левой стороны Ваха, но и с правой. Так, ниже с. Лариака клм. на 45—50 против юрт „Левке—Пугол"—Лапчинских „по правой стороне Ваха на протяжении 5—6 км. расположены крутые обрывистые, высотой до 10—15 м. берега, называемые „Коен-лёг-пеля"—Болотный берег—яр" (яр этот нами сфотографирован). Нижние слои этого обрыва глинистые. а сверху идет торфяно-болотное напластование мощностью до 3 и более метров в разрезе. По этому торфянику имеется много, так называемых, „поверхностных" небольших озер, чередующихся с сильными зыбунами. По зыбунам здесь и там разбросаны по одиночке или небольшими островками карликовые сосны.

Почвенный покров состоит из различного вида мхов. По мхам разбросаны в массе, так называемые, вечно-зеленые растения фации хвойного леса, как например, брусника, клюква, грушанка, богульник, вереск и др.

Подобного же рода торфяно-болотные залегания с непосредственным выходом к реке нами наблюдались и в нескольких других местах на протяжении Ваха.

Эти торфяные пласты, подмываемые в весеннее половодье, нередко обрываются в значительной массе вместе с лесными насаждениями от берегов и образуют, так называемые, „плавуны", или плавучие острова, небольшие экземпляры которых нам приходилось по пути наблюдать.

Известный почвовед Р. С. Ильин в одной из своих новейших работ [1]) по почвоведению между прочим о Ваховском районе говорит следующее:

„Ледниковые отложения севера достаточно богаты валунами. Б. И. Городков установил факт существования этих явлений на севере Ваховского края и дал примерную наметку их границ. Сотрудник Томского Краевого Музея В. Н. Скалон в своем отчете по зимней поездке на Вах и Таз отмечает резкие отличия рельефа северной половины края от южной. Л. П. Пудовикова дает сведения о террасах р. Вах; вдоль обоих берегов долины Ваха широко развиты песчаные преимущественно боровые пространства с увалистым характером рельефа и дюнами; на широкое развитие песков указывает и почвенная карта Академии Наук. По наблюдениям Пудовиковой и Дунина—Горкавича эти песчаные отложения по нижнему и среднему Ваху не отделены от равнины междуречья, выраженным в рельефе бортом и постепенно с

[1]) Р. С. Ильин „Об условиях почвообразования в Томском Округе"—„Труды Том К. Музея" т. III. в. 1—1929 года.

ней сливаются. Поэтому эти пески надо считать на междуречьях, зандрами, ближе к рекам—флювиогляциальными, а вдоль самого Ваха—уже древне-аллювиальными отложениями двух последовательных стадий,-вюрма?.. [1]).

Почвенная карта Академии Наук на севере Томского округа указывает" маломощные подзолистые почвы у северной границы лесов"... Первичный характер этого молодого подзоло-образовательного процесса не подлежит сомнению. Сопровождающий эти почвы бугристый рельеф благоприятствует лесной растительности. Это уменьшение заболачивания и увеличение лесистости на севере в области верхнего течения правых притоков Ваха и водосборов Таза по сравнению с сильно заболоченным югом Ваховского края,—по словам В. Н. Скалона, проехавшего зимой 1927—28 г. из с Лариакского на р. Вахе в Тазовский край,—создают у путешественника впечатление, что он едет не на север, а на юг...

В низовьях Ваха широко развиты песчаные древне-аллювиальные отложения, возможно, что они здесь переходят в отложения Сургутского предледникового водоема".

Тот же автор в другой своей работе [2]) по вопросу о заболачивании Ваховского района говорит: „Заболачивание всегда зависит от рельефа, ни в какой мере не отделимого от водного режима,—прошлого и настоящего. Например, в области северных притоков Ваха будущую судьбу болот предопределил своей работой лед; заболачивание возрастает в области моренных полей и зандров вюрма и очень ослабевает на буграх его конечных морен, почвы же здесь отличаются слабым развитием подзолообразования".

Ограничиваясь вышеизложенными литературными и картографическими указаниями почвенно-ботанического характера, мы позволим далее перейти к ознакомлению с некоторыми лесными массивами бассейна Ваха.

По этому вопросу мы обладаем некоторыми данными упомянутого выше исследователя А. А. Дунина—Горкавича и сведениями по памятным книжкам Тобольской губернии.

„Долина реки Ваха, говорит Дунин-Горкавич, [3]) достигает ширины до 8 верст. По ней раскинуты возвышенные острова и гривы хвойного, преимущественно кедрового, строевого леса. Площадь этих лесов определяется, приблизительно в 12,800 кв. км.

На всем протяжении Ваха с левой стороны (к Тыму) за долиной тянется сплошной непрерывный материк, покрытый хвойным лесом преимущественно приспевающим и молодым. Этот материк отделяется от Обского материка болотами, однако, и на них встречаются довольно значительные острова. Весь этот район, как имеющий лесистый характер, может быть отнесен к зоне высокоствольных лесов.

Совершенно иной характер имеет местность по правую сторону Ваха, представляющая собой болота и тундры, на которых за долиной

[1]) „Зандры" – песчаные наносы, отложенные на водоразделах (древних и современных) у границы оледенения водами, подпруженных ледниками, рек, вынужденных искать себе новые пути стока.

„Флювиогляциальные" наносы – отлажения талых вод ледника.

„Аллювиальные" отложения – наносы, отложенные водой на дне рек, озер.

[2]) Рост. Ильин – „Природа Нарымск. Края" – „Материалы по изучению Сибири". Изд. Т. О. Общ. Из. Сиб. 1930 г.

[3]) А. А. Дунин-Горкавич „Тоб. Сев.".

Ваха и долиной его притоков „Колок-ёгана, Сабуна, Кулун-ёгана тянутся приблизительно в направлении течения этих рек, узкие, покрытые лесом увалы, местами даже в два ряда.

В частности же расположение этих лесов таково:

За долиной Ваха, начиная от р. Колок-ёгана до р. Сабуна, увал тянется на протяжении в длину 100 км., а в ширину 1—5 км., составляя площадь приблизительно, в 300 кв. км. или 30,000 кв. гект. покрытую строевым хвойно-смешанным лесом с господством кедра.

В бассейне р. Колок-ёгана, с левой его стороны, увалы расположены в верхнем течении этой реки и по ее притокам—Суне-ёган и Лувг-ёган. Увалы эти достигают ширины 2—3 км. Общая их площадь около 300 кв. км. или 30.000 кв. гект. Она покрыта созревшей строевой сосной.

Правобережные Сабунские (по р. Сабун) увалы тянутся параллельно реки; первый в расстоянии от Сабуна до 1—2 км. на протяжении 140 км., и второй, западнее первого до 10 км. на протяжении 100 км. Площадь, занимаемая ими составляет 700 кв. км. или 70,000 кв. гект. Увалы эти покрыты хвойным лесом, преимущественно молодым и приспевающим.

С левой стороны Сабуна расположены 6 незначительных боровых увалов, поросших преимущественно приспевающей сосной. Общая площадь этих увалов приблизительно 170 кв. км., или 17,000 кв гект.

Сабунско-Кулун-ёганский материк общей площадью в 300 кв. км. состоит из сплошного лево-бережного увала р. Сабуна, лежащего на 100 км. восточнее этой реки и соединяющегося с право-бережными увалами среднего течения р. Кулун-ёгана. На этом материке лес хвойный смешанный: кедр, сосна, лиственница; лес спелый строевой. Наконец, по верхнему и среднему течению р. Кулун-ёгана и по ее притоку Лоптунтух-ёгану встречаются незначительные боровые увалы. Общая площадь около 200 кв. км. Покрыты сосной.

В обследованиях Д. А. Дунина-Горкавича мы имеем данные лишь о некоторой части лесных богатств Ваховского района;—Вах верхнего течения, начиная с Корелькн-ёгана по правую сторону, и по всему левому его берегу в отношении лесных богатств совершенно не исследован.

Климат в Ваховском районе, судя по данным в этом отношении по Сургутскому краю, вообще очень суровый. Зима суровая и продолжительная, захватывает часть весны и осени средней полосы Сибири.

Весна и осень краткие—от 1 до 1½ месяцев.

Для характеристики климата Ваховского района можно привести средние метеорологические данные за 1891—94 г.г для Сургута. Средняя годовая температура (Цельсий)—0°,6. Разность между maximum и minimum 82,2. (По Городкову 87,5°). T° ниже 0 бывает с октября по апрель в продолжении 7 месяцев—средняя температура этого периода 13,23. Средняя t° периода, когда она бывает выше 0 + 11,13. Самым теплым месяцем бывает июль, средняя t которого + 17,2 и maximum 27,2. Самым холодным месяцем является январь, средняя t которого для Сургута—25,95, maximum—50,3.

Количество осадков по временам года в процентах к общему их количеству за год распределяется так: лето 60, осень 20, весна 14, зима 6, при чем в этом отношении Сургутский район оказывается наиболее богатым осадками летом сравнительно с другими областями северной зоны бывшего Тобольского Севера.

Вскрытие рек самое раннее в Сургуте 11 мая н. с., а самое позднее 10 июня, замерзание реки самое раннее—22 октября и самое позднее 13 ноября н. с. Число дней свободных от льда 163.

Возможно ли при таких климатических условиях земледелие и огородничество в крае?

В общие неблагоприятные климатические условия вносят определенный корректив некоторые особенности летнего периода в северных зонах вообще.

Средняя температура дня летнего периода для Сургута определяется в + 14,4°. В течение лета температура возрастает весьма быстро, и, кроме того, солнце греет в начале лета в продолжении до 18—20 часов в сутки, что значительно влияет на успешность и быстроту произрастания здешней растительности. Вегетационный период для северных широт, как известно, значительно сокращается. Мне самому при поездке на Вах пришлось наблюдать поразительно быструю картину полного расцвета Ваховской природы; когда мы прибыли на Вах 21 июня, мы наблюдали еще слабые признаки весны, береза имела только мочку, кустарники были голые, талина только, только одевалась, а когда мы отправились 28 июня из Лариака вверх по Ваху, весна была в полном разгаре, цвела черемуха, кустарники, ягодники и проч. Все это развивалось, цвело и даже созревало положительно на наших глазах!

Эта краткость вегетационного периода и климатические особенности летних месяцев дают основание для некоторых опытов земледельческой культуры в пределах Сургутского края вообще, а может быть и по Ваху, хотя, вообще говоря, по Ваху, по словам местных жителей, климат более суровый, чем по Оби в Сургутском крае. Возможность культивирования озимых хлебов по Югану и под Сургутом установлена уже произведенными опытами, как это отмечает А. А. Дунин-Горкавич в своей работе.

Некоторые опыты огородничества нам приходилось наблюдать лично в с. Лариаке, где более или менее успешно произрастают: картофель, редька, а при благоприятных условиях, по словам русских старожилов, морковь и даже огурцы. Эти опыты, во всяком случае, дают основание на возможность развития в будущем культуры овощей, что значительно улучшит питание местного населения.

Весной и до половины лета значительное влияние на общее положение края как в смысле промыслов, так и в отношении скотоводства оказывает разлитие рек, колебание уровня массы воды по бассейну Ваха, который в нижнем своем плесе (от Лариака до устья) разливается на значительные пространства, затопляя все, возможные по побережьям луга.

Устье Ваха и нижнее его течение весной представляют собой необозримое водное пространство, где водные дали сливаются в голубой дымке с далекими, далекими контурами синеющего леса, или этот последний теряется совершенно и две стихии—„небо“ и вода сливаются в безбрежных далях....

И вот, уровень воды и время их спада определяет для остяка очень многое: время и виды рыбных промыслов, и добычу рыбы и, наконец, время сенокошения (для низовья Ваха) и возможность обеспечить скот—лошадей кормом на зиму. При высоком уровне воды сенокошение (в низовьях Ваха) начинается в конце августа и совпа-

дает с шишкобоем, при наличии чего взаимно ослабляется продукция и того и другого—так как обе работы строго сезонные.

Кормовые травы по заливным лугам, по отзывам местных старожилов—русских, отличаются большим содержанием влаги и чрезвычайно слабой питательностью, молоко содержит очень мало жировых веществ. Скот с большим трудом выдерживает продолжительную зиму и весну на таких малопитательных кормах. В лучшем положении в смысле питания оказываются олени, которые располагают по значительным боровым пространствам оленьим мохом-ягельником.

Совокупностью указанных физико-географических моментов и наличием определенных климатических условий определяются все естественно-производительные силы края, доступные для использования силами местного туземца, определяются все промыслы, возможные при его культурном уровне, определяется весь его хозяйственный уклад и, наконец, весь его быт; леса и воды открывают все возможности для него.

Дремучие девственные леса изобилуют различными представителями животного царства, среди которых позволим отметить лишь виды, имеющие промысловое значение. Здесь прежде всего должно отметить белку. Обыкновенная красная белка встречается в большом количестве в Сургутском крае вообще и по Ваху в частности.

Затем следуют: колонок, горностай. Бурундук живет преимущественно в кедровых лесах, не составляет предмета серьезного промысла, так как шкурка его малоценна.

Лисица обыкновенная.—По цвету шерсти часто попадается рыжевато-красная (обыкновенная), затем белодушка (со светлой грудью и брюшком) и сиводушка (на груди и брюхе темная шерсть), седобурые и чернобурые лисицы встречаются очень редко.

Выдра встречается довольно часто. Россомаха и песец встречаются по Ваху очень редко. Южной границей распространения песца вообще считается полярный круг, 66° с. ш., однако зимой он появляется много южнее. Соболь является по Ваху и в Сургутском крае вообще большой редкостью, хотя в конце 19 столетия, как говорит Дунин-Горкавич, по одному Югану, например, добывали за зиму свыше 300 соболей.

Медведь водится здесь бурый. Сургутские леса вообще и Вах в частности богат этим зверем, но остяки промышляют его редко. Обыкновенно встречаются медведи бурые, реже „черные, как уголь", последние больше по размерам. Волк и рысь встречаются чрезвычайно редко и являются здесь зверем пришлым. Лось и дикий олень по Ваху теперь совершенно не встречаются, но когда то это—„благородное и ценное животное" водилось по Ваху.

В прежнее время по Ваху водился даже речной бобер, которого там уже не встречается лет 50. Водится здесь, конечно, и заяц беляк, который однако же совершенно не имеет промыслового значения.

Из птиц, имеющих промысловое значение, можно отметить следующих: красная птица—рябчик, глухарь, тетерева, куропатки. Водяная птица: гуси, лебеди и различных видов утки.

Водная стихия Ваха и его притоков, если и богата рыбой, то малоценными ее сортами; под'емной рыбы—осетра, стерляди и нельмы по Ваху не водится—нельма встречается лишь изредка в низовьях Ваха. Местные породы рыб следующие: щука, язь, под'язок, чебак, налим, елец, окунь, ерш. По озерам в большом обилии водится карась. Отмеченными сортами рыбы и ограничивается рыбопромысловая про-

дукция Ваха, которая однако же играет очень видную роль в его хозяйстве, как в смысле продовольственном, так отчасти и в товарном отношении.

Как видим, бассейн Ваха заключает в себе большие природные богатства. Его лесные насаждения в виде больших сосновых массивов и кедровых насаждений представляют сами по себе большие ценности и в то же время являются питомниками и хранилищем различного рода пушных зверей и лесной птицы и, кроме того, в урожайные для орех годы, дают большое подспорье в виде кедрово-орешного промысла.

Водные бассейны содержат в себе большие рыбные богатства, идущие на пропитание местного населения и, кроме того, эти воды привлекают огромное количество водяной птицы.

Таковы природные богатства Ваховского края, эксплоатируемые остяками в данное время в самых примитивных формах, в большинстве случаев „хищнически". Те же природные богатства края определяют собой и весь хозяйственный и бытовой уклад ваховского остяка, который весь во власти окружающей его природы, и настолько, что эта природа в общей сложности и во всех ее проявлениях даже обоготворена примитивным сознанием остяка.

II. НАСЕЛЕНИЕ.

Прошлое ваховских остяков связано с историческими судьбами Сургутского края, а вместе с тем и всего Тобольского Севера, населенного остяками.

Занимаемая остяками страна была известна в древности под именем Югра, Югрия, Угрия, Югорская или Угорская земля.

Русские историки еще до сего времени не пришли к единогласному решению вопроса о географическом положении Югорской земли. По мнению одних ученых (Миллер, Фишер, Шлецер) Югра лежала к западу от Уральских гор, по мнению других Югра лежала к востоку от Урала. Это последнее мнение впервые высказал академик А. Лерберг, написавший специальное исследование об Югре; к нему примыкает Кастрен, Патканов, Ф. А. Оксенов. Наконец, третья группа полагает, что Югра занимала оба склона Урала, обитая сначала по западному склону, а затем восточному.

Лерберг приходит к следующему заключению о границах Югорской земли: „Древняя Югра простиралась между 56° и 67° сев. широты от самого северного конца Урала на восток чрез Нижнюю Обь до р. Надым, впадающей в Обскую губу и до Агана, который выше Сургута впадает в Обь. К ней принадлежали еще места, лежащие по нижнему Иртышу, Тавде, Туре и Чусовой. С южной стороны она граничила с татарскими владениями, а с северной с землей самоедов. Таким образом Югра занимала не малую часть северо-западной Азии". [1])

А. Оксенов, стараясь примирить мнения различных ученых по этому поводу, говорит: [2]) „с одной стороны в летописных известиях о Югре до XVI века мы не имеем ясных указаний на положение Югорской земли на запад от Урала и вообще каких либо определен-

---

[1]) Лерберг—„Записки, служащие к об'яснению древней русской истории 1819 г."
[2]) А. Оксенов—„Сношения Новгорода Великого с Югорской землей „Литерат Сборн."—„Вост. Обозр."—1885.

ных известий о географии этой страны, за то, с другой стороны целый ряд известий о Югорской земле (со второй половины XVI века до самого начала XVIII века) положительным образом свидетельствуют, что Югорская земля находилась за Уралом, по нижнему течению Оби. Поэтому, допуская, что может быть, Югорская земля до половины XVI века полагалась русскими людьми отчасти на западе от Урала, мы в то же время решаемся утверждать на основании многих известий о Югре с половины XVI в. до начала XVIII в., что под Югрою и в древнее время до XIV в. разумелась страна за Уралом, в бассейне Оби".

За последнее время В. И. Огородников старается точно также примирить различные точки зрения по этому вопросу [1]). Он говорит, что, несмотря на кажущуюся разницу во мнениях ученых по этому поводу, между ними нет существенного расхождения, все они изучают древнюю историю угров, только одни останавливаются на двух начальных периодах этой истории—азиатском и европейском, а другие занимаются позднейшей эпохой, т. е. временем обратного переселения некоторых угорских племен из европейской части снова за Урал—в Азию.

Таким образом разноречивые мнения о местонахождении Югорской земли находят свое об'яснение в различных исторических моментах, которые служили об'ектом исследования тех или иных ученых, и примирение этих мнений, как не противоречащих по существу, по нашему мнению, вполне правильно намечается в вышеизложенной точке зрения А. Оксенова.

Географический и этнографический термин „Югра" встречается уже в первых русских летописях. Так, наша первоначальная летопись под 1096 г. передает рассказ новгородца Гюряты Роговича о путешествии его „отрока в Юргу". Из этого повествования видно, что Новгородцы еще в XI веке имели торговые сношения с Югорскою землею [2]), географических границ Югорской земли здесь мы еще не имеем.

Более определенное заключение о положении Югры относится к 1364 году, под которым в Новгородской летописи находим такое указание: „6872 году с Югры Новгородцы приехали, дети боярьскии и молодые люди, и воеводы Александр Абакумович, Степан Ляпа, воевавшие по Обе реки до моря, а другая половина рати на верх Оби воеваша". Новгородская вольница „ушкуйники" добавляет к этому Оксенов [3]), с воеводами Ал. Абакумовичем и Ст. Ляпою, предпринимали поход на Югру. Из приведенного известия надо полагать, что под Югрою разумелась в те времена страна по реке Оби и ее притокам, но как далеко, этого еще нельзя сказать.

Более определенно границы Югорской земли намечаются летописными данными под 1487 годом, в сказании о походе московской рати на Югру: „В лето 6991 князь великий .... посла рать.... в Югру на Обь великую реку..... Воеводы великого князя.... пошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в сибирскую землю..... а от Сибири шли по Иртышу реце вниз... да на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей югорских воевали и в полон взяли [4]).

Как видно из этого летописного указания в это время, т. е. в первой половине XV века в Москве уже различали Югорскую землю и

---

[1]) В. И. Огородников—„Очерки Истории Сибири" 1926 г.
[2]) И. В. Щеглов Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири".
[3]) А. Оксенов—Ibid.
[4]) И. Щеглов—Ibid.

Сибирскую. Земля Сибирская была расположена южнее реки Тобола по Иртышу, так, что нижнее течение Иртыша до Тобола уже считалось землею Югорскою, но как далеко простиралась эта земля на север по этим данным еще не известно.

Точное указание географического положения Югры мы находим в „Описании Большого Чертежа", относящегося, как известно, ко второй половине XVI века, где говорится: „от устья реки Оби Обдорские грады, а выше Обдорских градов Югорские, а выше Югорских Сибирские" [1]) т. е. на севере Югорская земля граничила с областью Обдорскою, а на юге соприкасалась с землею Сибирскою.

В „Чертежной книге Сибири" Семена Ремезова, относящейся к концу XVII века точно также находятся некоторые данные о Югорской земле.

В „книге Ремезова на „чертеже всех сибирских градов и земель" указаны между прочим „жители"—„югриковы", место которых обозначено при впадении р. Сыгвы в р. Сосву, на границе земель Вогульской и Остяцкой. Далее там же встречается имя Юрацких т. е. Югорских самоедов, которые указаны между устьями Оби и Енисея. На „чертеже—земли—Тарухаиского города" та же „самоедь" указана между устьями Оби и Пура.

Обращаясь к некоторому зап. европейскому картографическому материалу того же времени, мы находим ценные показатели по интересующему нас вопросу:

На карте англичанина Антонио Дженкинсона „Изображение России, Московии и Тартарии" [2]) (1562 г) „Обдория" и Югория" отмечаются по правую сторону р. Оби по самому побережью океана, при чем на карте здесь же дается изображение жителей Югории, которые поклоняются истукану—изображению женщины с ребенком. К этому изображению имеется пояснительный текст: „Злата баба", т. е. золотая старуха свято почитается жителями Обдории и Югории"....

В картографическом исследовании немецкого ученого Dr. H. Michow [3]) мы имеем три карты „Московии" XVI века и комментарии к ним самого исследователя, а именно: на карте „Moscovia des Battista Agnese". 1525 г. имеется указание на Югру, которая отмечается восточнее „Permia Regio" т. е. Пермского царства по реке „Pecerca" под именем „Jugoria Regio silvestris", т. е. „Югорское лесное царство".

На карте Moscovia aus Seb. Münsters Cosmographie"—1544 г. отмечаются „Codori, Abdori" „и" Jugri" на запад от „Obi fl." т. е. р. Оби, при чем отмечается город „Sybir".

И. наконец, на третьей карте „Moscovia des Anton Wied"—1555 г. те же „Abdori" помещены по западному побережью „Obi fluvius" т. е. р. Оби или точнее между р. Обью и Сосвой. Западнее их по р. „Petzora" т. е. Печере помещены „Kondori" и здесь же между „Petzora fl." и „Mezen fl" „отмечаются" „Jugri".

В соответствии с картографическим искусством того времени здесь также, как и на вышеупомянутой карте А. Дженкинсона, имеется изображение этих народностей в виде людей, одетых в звериные шкуры и, поклоняющихся истукану—изображению женщины с ребенком на руках. Здесь же имеется надпись: „Solotaja Baba, hoc est aurea vetula

[1]) „Книга глаголемая „Большой Чертеж" изданная Спасским—1846 г.

[2]) „Атлас Аз. России" Изд. Перес. Управл.

[3]) Dr. H. Michow—„Die Altesten Karten fon Rusland, ein Beitrag zur historischen geographie"—1884 г.

idolum, quod hujus partis incolae adorant" т. е. „Золотая Баба—это золотое изображение истукана, которое население этой страны обоготворяет".

Комментатор к этим картам Dr. Michow поясняет, что „Diese Slata Baba „goldne Frau", war ein hochverehrtes Götzenbild der finnischen Jugrier, die etwa den heutigen Ostjaken und Wogulen entschrechen"—т. е. „эта Золотая Баба—золотая женщина была обожаемым истуканом финских югров, которые соответствуют примерно современным остякам и вогулам". Dr. Michow устанавливает таким образом тождество народа, упоминаемого в этих картах под именем „Abdori, Jugri", с Юграми или современными остяками и вогулами.

На карте изданной голландцем Гесселем Гарритсоном [1]) по известному „автографу царевича Федора Годунова", мы имеем уже более подробные и точные обозначения; здесь указаны по Оби и ее притокам Иртышу, Тоболу: Obdora, Sibiria, Samojeda, Jugoria, Pega Orda" при чем „Jugoria" помещается между р.р. Обью и Иртышем, восточнее „Sibiria", южнее „Samojeda" и севернее „Pega Orda". Под именем последних русские того времени, как известно, разумели Сургутских и Нарымских остяков, именуя их „Пегой Ордой" за носимую ими пеструю (из оленьей шкуры) одежду.

Таким образом все эти географические данные о Югре, в достаточной мере устанавливают, что Югорская земля от половины XIV века до начала XVIII в. считалась по низовью Оби и ее притокам.

В летописных материалах под Югрою разумеется не только определенная страна, как географическое понятие, но и народ.

Какой же народ подразумевался под Югрою?

По этому вопросу в нашей исторической и этнографической литературе также намечается несколько мнений: одни считают югров предками нынешних вогулов и остяков. (Георги, Лерберг, Теплоухов), другие (Миллер, Фишер) только вогулов, и, наконец, третьи (Карамзин, Абрамов, Оксенов) только одних остяков.

Но в общем должно заметить, что большинство из новейших ученых присоединяется к этому последнему взгляду [2]).

В различных исторических актах, касающихся вопроса о населении интересующей нас территории, нигде не встречается названия остяков, между тем как уже в конце XI века наша летопись говорит о самоедах и Югре, как это видно из сказания того же Гюряты Роговича по летописи Нестора за 1096 год, где между прочим говорится: [3]) „Югра же людие есть язык нем, и соседят с Самоядью на полунощных странах". Как видно, здесь совершенно определенно подразделяется два понятия: „Самоядь" и „Югра". Отсюда очевидно следует, что в те времена под Югрою не разумелись самоеды—„самоядь".

Что же касается вогулов, то упоминание об этом народе встречается впервые в летописях в 1396 году, когда при перечислении различных народов, живших по соседству с пермской землей, упоминаются между прочим и „гогуличи", т. е. вогуличи, вогулы [4]).

---

[1]) Л. С. Берг.—„Очерк истории русск. геогр. науки"—Изд. Ак. Наук.—1929 г.
[2]) А. Андреев—Обзор русск. ист. работ по изучению фин-угор. нар. СССР.—Фин. угор. Сборн. Ак. Наук—1928 г.
[3]) И. Щеглов—Хр. перечень важнейш. данных из истории Сибири 1883 года.
[4]) А. Оксенов—Ibid.

Но по западному и восточному склонам северного Урала с древних времен обитали вогулы, самоеды и остяки; имя последних однакоже долгое время в исторических актах не встречается, а упоминается наряду с „самоядью", „вогуличами „всегда" Югра".

Совершенно определенное разграничение понятий „вогуличи" и „югра", мы впервые встречаем в наших исторических актах под 1484 г., когда „весной этого года, побежденные в предшествовавшем году князья предстали пред великого князя и присягнули в верности: вогульские князья Юшман и Калпа, сибирский князь Лятик, югорский князь Пыткай... и другой югорский князь Молдан.....[1])

Из этого перечня князей, присягнувших Москве, мы видим противопоставление понятий „вогульский" и „югорский", а выше мы уже видели то же самое в отношении понятий „самоядь" и „югра". Очевидно, что под Югрою должно разуметь какой то третий народ помимо самоедов и вогулов, обитавших в Приуральской области или, как мы выше видели, в Югорской земле—по Оби.

Таким же народом издревле обитавшем в этих местах наряду с вогулами и самоедами являются остяки, которые, очевидно, и назывались в те времена Югрою, если земля, занимаемая ими, называлась Югорскою землею или просто Югрою.

Затем должно обратить внимание, что до конца XVI века, т. е. до времени покорения Кучума, которому были подвластны в свое время между прочим и остяки, в русских исторических актах эти последние под этим именем (остяки) не встречаются. И лишь с этого времени встречается новый этнографический термин—„остяки", обозначающий народ, обитающий в тех областях, где ранее обозначалась Югра, и одновременно с этим слово „Югра" теряет свое прежнее этнографическое значение, сохраняя за собой лишь историко-географический смысл.

Происходит в данном случае, как бы одновременное исчезновение одного народа—„Югра" и появление на смену его нового доселе неизвестного народа под именем—„остяков", что не имеет под собой никаких оснований. Остается приходить таким образом к заключению, что в данном случае мы имеем тождественность содержания этих двух понятий, когда одно название „остяки" пришло на смену другого-„югра" для обозначения одного и того же народа, что наблюдается в процессе исторического развития довольно часто.

Продвигаясь в зауральские области, русские впервые пришли в соприкосновение с остяками в 1581 году после победы Ермака над татарами под Чувашинской горой, когда ближайшие остяки подвластные Кучуму, во главе с князем Немьяном из'явили покорность русским, или, как говорится в летописи: „первее всех низовые остяки князьки от Кучумова повеления.... отступиша... и вогуличи тайно от заступления Кучумова убегоша" [2]).

Но вскоре, несколько оправившись, тот же князец остяцкий Немьян оказал сильное сопротивление русским отрядам, продвигавшимся по Иртышу под начальством Богдана Брязги, но все же Немьян был покорен.

Вскоре Богдан Брязга занял юрты храброго остяцкого князя Самара на том месте, где теперь село Самарово. Князь Самар во время

---

[1]) И. Щеглов—Ibid.
[2]) И. Щеглов—id. Ibid стр. 41.

сражения погиб и Брязга, устраивая вновь покоренные юрты или, как их называли русские, городки, поставил на его место князца Алача. Далее Брязга безпрепятственно дошел до устья Иртыша, откуда, считая свою экспедицию законченной, вернулся в Искер, занятый уже в то время русскими.

На следующий 1583 год Ермак отправился вниз по Оби, где покорил Кодские земли, взяв приступом остяцкую крепость при устье реки Казым [1]), и затем покорил несколько кодских городков [2]).

Постепенно продвигаясь, русские более прочно обосновались во вновь занятых землях в 1585 г., когда, по словам историка Словцова, „русское владычество в Сибири опнулось" на правом берегу Оби при впадении в нее Иртыша [3]), где было построено воеводой Мансуровым у Белых гор, близ нынешнего села Самарова укрепление—„Обской городок", названный остяками—„Руть-Ват"—русский городок.

В том же году князец приобских остяцких городков Лугуй из'явил покорность Московской Руси [4]).

„Обской городок" существовал до 1594 года, когда приказано было построить новое укрепление ближе к „Пегой Орде".

По основании „Обского городка", русские, продвигаясь вверх по Оби, столкнулись с „Пегой Ордой"—или Нарымскими остяками, бывшими под властью князя Вони, при чем русские захватили в плен его сына Урунка.

Основание нового укрепления и покорение „Пегой Орды" было возложено на князя Федора Барятинского и Владимира Аничкова, которые и основали в 1594 году город Сургут [5]) на месте, где жил остяцкий князь Бардак (ныне Бардаковы или Лямсины юрты [6]).

В наказе о постройке Сургута предписывается „вверх по Оби город ставити в Сургуте, или в лумпеках... а „обской город" разломать и сжечь и „впредь ему не быть".

Из этого, между прочим, видно, что место, где предполагался к постройке новый город, уже ранее называлось Сургутом. Возможно, что здесь был остяцкий городок того же названия. По преданию Ваховских остяков, записанному мною, здесь до прихода „руть"—русских был остяцкий городок—„Сургун-ват"—„Сургун-город".

В том же наказе о постройке Сургута между прочим говорится: „Вонина сына Урунка, взять с собой в новый город и отцу его приказать, чтобы он собирал с Пегой Орды ясак и доставил его туда же, ясак этот принять и сына Вонина отпустить к отцу; если же Воня ясак не пришлет, то, собрав людей, завоевать „Пегую орду".

Воня вначале из'явил покорность, но затем в том же году решился сам наступать на Сургут.

Для окончательного покорения „Пегой Орды" и предупреждения выступления князя Вони в 1597 году была снаряжена большая военная экспедиция.

С этого времени и должно считать окончательное покорение „Пегой Орды", а вместе с тем и Сургутской области.

---

[1]) И. Щеглов—Ibid.
[2]) Н. К. Фишер „Сиб. Ист.".
[3]) Словцов—„Ист. Обозрение Сиб."
[4]) Фишер—Ibid.
[5]) Фишер—Ibid.
[6]) И. Щеглов—Ibid.

Сургутская „землица" была населена исключительно остяками, в ней было 10 волостей: Селияровская на р. Ляме, Базняковская на Оби, Салымская на р. Салыме, Юганская Большая и Малая по р. Югану, Бардакова по р. Бардаковке (близ Сургута), Лумпокольская по Оби, Ваховская, (по низовью Ваха), Лариатская (по верховью Ваха) и, наконец, Васьюганская по р. Васьюгану.

Когда была покорена „Пегая Орда" т. е. нарымские остяки, к Сургутской земле были присоединены волости: Аслымская, Сымская, Карахонская по Оби и Тымская по р. Тыму.

Всего ясачных людей, т. е. мужчин плативших ясак, в Сургутской землице было в 1625 г.—796 человек [2]).

Занятие новых областей обычно шло путем небольших экспедиций из какого-либо укрепленного центра; посылались небольшие отряды „служилых людей", которые призывали туземцев „в вечное ясачное холопство" „лаской" и брали с них заложников—„аманатов" и, лишь в случае упорства, должны были „чинить над ними промысл", „смирять их войной". В этих новых местах обычно строились „зимовья" или небольшие „острожки на „угожих местах".

Об'ясаченные, покоренные туземцы облагались различными повинностями и главным образом уплачивали ясак, т. е. дань дорогими мехами—соболями, лисицами, песцовыми, куньими, горностаевыми мехами и т. д.

Кроме ясака туземцы обязаны были платить, так называемые, „поминки"—(как бы подарки), отбывать „ямскую службу". Кроме того они должны были разыскивать и очищать новые дороги, строить мосты, возить дрова для нужд учреждений,—платили подать рыбой, хмелем, кожами, сумами, ремнями, берестой и т. д. и вообще обязаны были, как говорится в одном акте XVIII в., „служить всякие государевы службы, куды воеводы их пошлют". [3]).

Столь разнообразно и тяжко было бремя различных повинностей вновь покоренных туземцев.

Это тяжелое бремя повинностей с одной стороны, и различные злоупотребления воевод и других местных властей—с другой приводили к различного рода осложнениям, протесту туземцев. Эта борьба туземцев принимала различную форму: жалобы, бегство на новые места и даже заграницу, заговоры и, наконец, открытые бунты и восстания и попытки свергнуть новую иноземную власть.

Приведем несколько примеров различной формы протеста остяков против политики Московской Руси. В 1596 году сургутско-остяцкий князь Воня не дал сборщикам ясака. В 1603 году от уплаты ясака отказались остяки „верхних земель, т. е. Средне-Обские. По этому поводу в грамоте сургутскому воеводе Писемскому вследствие „измены остяков верхних земель"—„Нарымской, Лумпокольской, Ваховской, Юганской, Семиярской, Салымской и др., вызванной тяжестью ясака при воеводе Барятинском, приказано—„лишних ясяков не имать". [2]).

В грамоте 15 мая (118 г.) говорится, что „били челом" остяки Салымской и др. подгородних волостей о тяжести ясака (11 соболей с человека), о сборе его даже со старых и больных, что они просят освободить от повинностей провожать хлебные и другие запасы от

---

[1]) И. Щеглов—Ibid 57 стр.
[2]) П. Н. Буцинский и „К ист. Сибири—Сургут, Нарым, Кецк до 1645 г."
[3]) П. Н. Буцинский. „Заселение Сибири и быт ее первых насельников".
[4]) П. Н. Буцинский-jbid.

Тобольска до Сургута (4 недели тянуть бичевой суда). Приказано было по этой жалобе сбавить ясак на 2 соболя, сплав хлеба продолжать. [3])

Подобного рода челобитные остяков различных волостей встречаются довольно часто.

В 1602 году кетские и нарымские остяки восстали; бунт был подавлен сургутскими служилыми людьми, когда и был заложен кетский острог. [1]).

В 1607 году березовские и обдорские остяки во главе с Кодской княгиней Анной и обдорским князем Василием окружили Березов и осадили в нем 300 служилых людей. [2]) Осажденные окопались, два месяца оборонялись, и в конце-концов остяки, не умея брать крепости, оставили осаду и восстание было подавлено. Главари были казнены, биты кнутом и проч. Анна Кодская пострадала незначительно и уже в 1608 году была на свободе. Вскоре она является вновь душой нового обширного заговора. Осенью 1608 года Анна Кодская ездила с своим родственником Чумеем в Сургутскую землю по сбору „ясака". Отсюда она с местным князьцом Неуном и волостными князцами поехала к остяцкому князю Таиру Самарову. Здесь состоялось совещание заговорщиков—цель которого—свержение русского владычества, захват русских городков, избиение русских. На обратном пути Анна Кодская вступила в заговор с иртышскими татарами, которые подговорили к тому же кондинских остяков. Зимой 1608 г.) кодские князья (Анна, Гавриил и Чумей) договорились с сосвинскими остяками,—с обдорским князем Мамруком. Весной 1609 года в заговор присоединились вогуличи и тюменско-туринские татары.

Так заговор охватил почти всю северо-западную Сибирь... Осенью 1608 года Сургутский князь Неун и белогорский Таир Самаров послали в Коду остяка Кочегама и, в качестве знака для открытия военных действий, вручили ему „изменную стрелу",—железный наконечник которой был истерт, на древке вырезано 11 божков. Каждый примкнувший, должен был дать клятву над этой стрелой. Самоеды и северные остяки с вогуличами должны были напасть на Березов, тобольско-тюменские татары с южными остяками на Тобольск, а енисейские остяки и киргизы напасть на тех средне-обских остяков, которые не примкнули бы к восстанию.

Заговор этот был открыт случайно. Посланец остяк Кочегам попался двум казакам, которые „изменную стрелу" отобрали, его пытали и он под пытками выдал всех заговорщиков. Бунт таким образом был предупрежден. В 1617 году сыновья князца сургутских остяков Бардака—Кинема и Суета Бардаковы [3]) со своими людьми совершили набег; они убили несколько служилых людей, сопровождавших воеводу Боборыкина в Томск и отняли „царскую казну".

В 1716 году мы имеем „отписку" [4]) сургутского воеводы к воеводе Березовскому о розыске березовских самоедов, намеревавшихся овладеть Сургутом и Березовым, где говорится, что „по извету. Большого Югана остяков, ясашного Нармы Емакова, захребеника Ортана Икина и по распросным пыточным речам Пимской волости ясашных остяков, что де сего 716 г. приезжали к ним Березовская самоедь и подговаривали их, чтобы им с самоедью итти и взять Сургут да Бе-

[1]) П. Н. Буцинский „Заселение. Сибири"...
[2]) П. Н. Буцинский—jbid.
[3]) Н. Н. Оглоблин „Обозр. столбц. и кн. Сиб. Прик." ч. 3—219 стр.
[4]) Памятники Сиб. История кн. 2—1713—24 г.

резов, а в них комендантских и градских людей побить всех до смерти... а с ними де было самоеди человек со ста и больше".

Отмеченными моментами открытых заговоров или бунтов сургутских и смежных с ними остяков далеко не исчерпывается вся история борьбы остяков с политикой Московской Руси, при чем этой борьбой, выражающейся в различных формах, заполнено не только первое столетие обоснования здесь русской власти, т. е. XVII век, но и первая половина XVIII века, когда продолжается, правда, более глухое брожение среди остяцкого народа.

Далее необходимо заметить, что в то же время остяки часто сталкивались с самоедами, которые нередко нападали на остяцкие „городки", разоряли их до основания, о чем также имеется много указаний в различных исторических актах. [1])

Но если Московское правительство в корне пресекало всякие попытки заговоров и бунтов, если оно обременяло вновь покоренные народы различными повинностями и ясаком, то в иных отношениях оно было более внимательно и „милостиво" к туземному населению, не трогая его веры и быта.

В отношении верований туземцев, если местные власти и допускали притеснения и насилия, то Московская власть долгое время, до начала XVIII в, проводила политику веротерпимости, не допуская насилий, но в то же время принимая ряд косвенных мер, поощряющих переход туземцев в христианство.

Воспрещалось насильно обращать в христианство—крестить следовало только тех, кои „похотят" креститься своею волею, а не из неволи, „страхом и жесточию никак не приводити". Однако же был выработан ряд мер прельщения туземцев материальными выгодами к крещению. Архиепископу вменялось быть „печальником инородцев" пред властями. Так, он мог виновных в делах „кровавых и убийственных" брать под свою защиту, если они желали креститься, „держать у себя бережно и воеводам к указу (из Москвы) не отдавати". Если туземцу не угрожала смертная казнь, то власти сами были обязаны сообщать о преступнике архиепископу, дабы тот мог „от вины отпрашивати".

Помимо этого крестившимся предоставлялись различные льготы, подарки. Так, „князьцы и лучшие люди" получали 5 р., два куска сукна, рубашки, сапоги, поступали на службу, верстались в „дети боярские".

Относительная „веротерпимость" продолжалась до Петра I, который усиленно начинает проводить политику использования церкви в интересах государства. В 1710 году [2]) им издана грамота сиб. митр. Филофею—Феодору —о березовских и сургутских остяках, где говорится:—„послать людей по Оби,.. где, найдут по юртам остяцким их прелестные мнимые боги шайтаны, тех огнем палить и рубить и капища разорить... часовни строить, иконы поставлять... и остяков приводить ко крещению". В 1714 году Петр I в подобной же грамоте говорит: „а кто учинит противность—казнить". Вместе с тем и положение крещенных ухудшалось, льготы отменены, крещенные приравнивались к крестьянам со всеми их повинностями.

[1]) Н. Н. Оглоблин.—Ibid.
[2]) П. Н. Буцинский—„Заселение Сибири"...

Таким образом положение туземцев ухудшилось и только в последующее время оффициально проводилась некоторая терпимость...

Русская власть не трогала обычаев туземцев, их суда и управления. Воеводам наказывала „ясачных люд ей судом и управой ни в каких делах не ведать", а передавать дела князьцам, которые судят по их обычаю.. „Но практически власти вмешивались в суд и управление, а князьцы злоупотребляли.

Московская власть принимает меры к ограничению злоупотреблений. Устанавливается размер исков подсудных русским властям—до 5 р. Малые уголовные дела решал свой родовой князь; дела более важные суд из 6 туземцев—суд этот был окончательный",—о чем осудят, на том стоять". В смешанных делах судили русские. По крупным уголовным делам (убийство, разбой, поджог) был введен русский суд, но по местным обычаям; так убийца уплачивал „головное" (вознаграждение) родственникам убитого.

Туземные князьцы были и судьями и правителями—собирали ясак, отправляли разные повинности и т. д.

Вообще Московское правительство XVII века, покоривши Сибирь, стремится заслужить расположение и доверие у туземцев.—В наказах воеводам часто встречаем: „держати к ним (туземцам) ласку и привет.. а напрасные жесточи... и налоги не чинить... и тем бы их не оскорбить... разговаривать с ними тихо и ласково". [1]) Мало этого, в случае жалобы туземцев на торговых и „иных людей", давать суд... „безволокитно", а, при жалобе торговых людей на туземцев",—без государева указу им суда и управы не давати". Но отношение местных властей к туземцам было иное... Права и обязанности воевод точно не были регламентированы.. Воеводы управляли „смотря по тамошнему делу, и по своему высмотру, как будет пригоже и как его бог вразумит".—Отсюда наблюдался произвол, хищничество и беззакония. К тому же фискальный характер сибирского управления требовал „во всем искати государевой казне прибыли с великим радением".—Кроме того власти старались о наживе, что сказывалось особенно при сборе ясака, когда допускалась надбавка 1—2 соболей на человека „для своей бездельной корысти".

Должности сборщиков сдавались воеводами на откуп, за что воеводы от них получали „прокормление".

Кроме сего пушнина при сборе ясака расценивалась ниже ее стоимости. Власти отбирали лично себе лучшие меха, утаивали „подарки в почесть государю", отправлялись в раз'езды по волостям с своими семьями „на прокорм" и т. д.

Воеводы и другие власти захватывали „лучших" людей и выпускали за выкуп..., производили нападение вооруженное на стойбища туземцев, брали—„ясырь" и обращали их в рабство, отнимали жен, дочерей, обращали их в наложницы и продавали другим... и всячески истязали туземцев— „били батоги", заковывали их в цепи и колодки, подвешивали и т. д.

Большим злом было холопство. Указами 1624 года [2]) холопство в Сибири было запрещено, но в половине XVII в., когда крепостное право упрочилось в Московской Руси и было признано в „Уложении Алексея Мих.," правительство допускает холопство и в Сибири,

---

[1]) П. Н. Бушинский—„Заселение Сибири"..
[2]) П. Н. Буцинская—Ibid.

где разрешается иметь холопов всем, кроме воевод и приказных. Средством закабаления,—были плен и покупка.

В XVII в. продолжается та же политика и холопов лишь запрещается вывозить за пределы Сибири „для умножения там (в Сибири) народа".

Итак, в двух важнейших вопросах „русско-инородческих" отношений московская власть оказывалась бессильна оградить туземное население от насилий, грабительства со стороны местных властей.

Правительство снаряжает целый ряд ревизий, комиссий, издает указы, грозит жестоким судом; так в 1733 г. в Сибирь посылаются особые власти, которым „велено в инородческих раззорениях и обидах не токмо жестоко разыскивать, но пущих раззорителей и смертью казнить", но все это действует слабо...

Безчинства властей продолжаются, и в своих „отписках" власти оправдываются „шатостью" инородцев.

Таково в общих и кратких чертах многострадальное прошлое остяцкого народа вообще, и в частности населения интересующего нас края, т. е. ваховских остяков.

Обращаясь к историческому прошлому Ваховского района в частности, приходится заметить, что в этом отношении мы располагаем всего лишь некоторыми незначительными указаниями в наших государственных исторических актах с одной стороны, и некоторыми изустными преданиями и местными архивными материалами, извлеченными нами в выписках—с другой.

Все эти данные намечают лишь некоторые слабые вехи прошлого ваховского края и получают подкрепление, дополнение и освещение в связи с общим историческим прошлым всего остяцкого народа вообще и Сургутского края в частности.

Так, прежде всего должно остановиться на предании ваховских остяков, записанном нами, о их переселении в глубокую старину с заливных лугов по Оби на р. Вах и их борьбе с самоедами.

Ваховские остяки по их преданиям не являются коренными обитателями реки Ваха; их предки в далеком прошлом, еще до прихода в эти места „руть" (русских) или „наги-кан" (белого царя) обитали по реке „Ась-ях" по Оби, близ „города"—„ват", где и занимали обширные заливные луга—соры—„лар".

По месту их прежнего обитания они и получили общее наименование—„лар-ях"—народ с заливных лугов—соров—(„лар"—заливной луг—сор и, „ях"—народ) или, иначе, они себя называют городскими, пришедшими из городу—„ват-ях"—(„ват"—город—и „ях"—народ).

По первому признаку—„лар-ях" получили наименование как все местные остяки „лар-ях" народ с сора, лариакский народ, так и селение Лариакское—адм. центр. Ваха, и, наконец, идущая от этого пункта вверх по Ваху „Большая Лариакская" протока и расположенные на этой протоке и Большом озере „Алле-Лариях-Эмтер" наиболее населенные юрты—Большие Лариакские юрты—„Алле-Лариях-Пугол" имевшие в старину, по преданиях, около ста „дымов" т. е. юрт.

В силу неизвестных нам общих передвижек населения среднего течения Оби незадолго до прихода сюда русских интересующие нас остяки вынуждены были оставить свои заливные луга—соры по берегам Оби, где у них была очевидно „крепостца—город" ват, и двинуться на приток Оби реку Вах, где они столкнулись с жившими там

до этого самоедами. Народная память сохранила предания о борьбе остяков с самоедами за обладание Ваховским краем. Некоторые из них и позволим привести по нашим записям:

1) „Было два богатыря (Матур—богатырь), водились тогда дикие олени. Когда весь народ пошел на охоту за дикими оленями, то Богатыри остались здесь на бору, знали, что придут войной самоеды.

Они узнали, что скоро придут самоеды с войсками, стали припасать много древесной серы, набрали ее целый обласок, а также приготовили много сухой осенней травы и повесили ее в юрте, а облас с серой поставили на крыше юрты.

Богатыри оделись в плохие заячьи шубы. Пришли самоедские войска и говорят: „только два старика, пусть они накормят нас олениной, а потом мы убьем их".

Один богатырь стал готовить обед в юрте, а другой будто бы пошел колоть еще оленя, а сам залез на юрту и поджег серу в обласке.

Когда тот поджег обласок, другой старик соскочил и побежал, самоеды его схватили за рукав, рукав оторвался, схватили за полу шубы, пола оторвалась—шуба была заячья, старая. Старик выбежал и притворил дверь в юрту, а другой с крыши через дымоход спустил в юрту весь облас с горящей смолой.

Сухая трава в юрте загорелась, самоеды начали метаться, кто в землю закопался, кто куда. Так все и сгорели".

(Арсений Гаврилович Прасин—Юрты. „Огорт-юх-пугол").

2) Во время лета приходят самоеды с войсками. Орехов было много. Набьют остяки орехов и сидят по юртам щелкают орехи, а огней по юртам не разводят, боятся самоедов. Сидят и щелкают.

Подкрадываются самоеды и слушают, а в юрте темно, орехи щелкают, они и говорят „никаких стариков нету, вода только капает, капает" (щелкает).

И так войска отходят от юрт. Так много раз приходили сюда и уходили.

Когда пришел сюда народ „белого царя"—„ях-нагин-кан", то самоедов прогнали далеко за урман на другую реку. Остяки стали звать народ этот—„руть"—русские".

3) „По большим сорам, по высоким травам, у большой воды жили два богатыря—(каткан матуркан). Они были братья. И весь народ—„лар-ях" с ними жил по большим сорам, у большой воды.

Пошли богатыри на охоту, один пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше облака текучего. Другой пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше, выше темных туч...

Ходили, ходили, ходили.... Убили большого, большого орла.

Много орлиных перьев досталось им на стрелы.

Пришли богатыри в юрту ночью, было темно. Как вынули перья из оленьяго мешка, в юрте стало светло, как днем. Одно орлиное перо горит огнем ярче солнца, светлей луны. Перо это было золотое.

Стали богатыри спорить, кому взять золотое орлиное перо.

Один возьмет золотое орлиное перо, другой спорит. Другойвозьмет золотое орлиное перо, этот спорит.

Долго-ли спорили, дрались-ли, никто не знает. Один богатырь остался на больших сорах, у большой воды, где был у них город „ват-пугол" (город—юрты). У него и осталось золотое орлиное перо. А другой богатырь пошел на другую реку. С ним пошла и половина

народа из города. Так и стали народ этот звать „в а т-я х“—народ из города.—(Е. С. Прасин—юрты—„Н я г а л-ю х-п у г о л“). Таковы предания.

Что действительно самоеды в те времена (ко времени прихода русских) обитали частью в Сургутском крае об этом имеются указания и в исторических актах... Так например, в наказе Сургутскому воеводе С. М. Лобанову—Ростовскому от 1597 г. [1]) говорится о „приводе под государеву руку Сургутской самоеди, с которой собирает ясак князь Бардак“.

Самоеды, надо полагать, обитали в Сургутском крае не по Оби, а в стороне, по ее притокам, так как русские, продвигаясь здесь по Оби, нигде не встречают самоедов. Одним из таких притоков и был Вах, где остяки и могли вести борьбу с самоедами, очевидно, еще до прихода русских.

Сохранила народная память, правда, очень смутное представление о борьбе ваховских остяков и с „белым царем“—„наги-кан“, с русскими—„руть“.

В двух часах езды на лодке от устья Колун-ёгава вниз по Ваху в него впадает справа небольшая речка „Яль-Нельтан-Игал“ -„Войска поклялись—речка“. С этой то речкой и связано предание о борьбе остяцкого царя с русскими—„С а р н я н г-а в т а в-к а н т а х-к а н“ т. е. „Золотоволосый остяцкий царь“.

В виду крайней бедности исторических данных ваховских остяков, мы позволим привести это, записанное нами, предание полностью: „На речке“ Яль-Нельтан-Игал“ жил в старину Золотоволосый остяцкий царь—„С а р н я н г-а в т а в-к а н т а х-к а н“. Он был могучий богатырь—Матур“, он бегал быстрее оленя по крепкому насту. Лук его был из кремлевого дерева, лук его был из гривной березы; пускал он стрелы, оперенные орлиными перьями, выше темных туч; пустит стрелу по низу, вихри поднимаются, деревья клонятся, как трава, по воде валы пойдут.

Пришли войска из далеких краев, из за большой воды, с края моря далекого.

Войска его боялись, если выстрелить в него мимо, то всем конец...

Вышло время такое—подошли войска, побросали оружие и говорят: мы подходим к тебе без всего, без оружия, что хочешь, то и делай с нами. Давай мириться“.

И говорит он: „ну, если вы пришли с миром, что буду делать с вами, давайте мириться“.

Тут они ворожили все семь суток и войска поклялись—(„я л ь-н е л ь т а н“), что воевать больше не будут. А когда они ворожили, то жена богатыря царица—„к а н-н и“ посмотрела один раз, посмотрела другой раз на богатыря тех войск, надела шитую рубашку, надела соболью шубу и все смотрела на него.

И подговорил богатырь тех войск царицу погубить ее мужа.

Когда войска поклялись, то Сарнянг-автав-кантах-кан ушел с реки на северную сторону, в урман.

Вот, раз лег он спать и царица легла с ним. Вот, она ему и говорит: „сними с себя кольчугу тяжелую, сними с себя кольчугу железную“. Он послушался и снял, и он заснул. Она взяла его острый нож и посредине надрезала лук так, что он держался на одной бере-

[1]) Н. Н. Оглобляи—„Обозр. столбцов и книг сиб. приказа“.

сте [1]) и положила его около спящего мужа. Она была худая женщина—„а т ы м-н и". Вдруг проснулся царь и слышит, что войска идут на него,—уже подошли. Вскочил царь на ноги, схватил лук из кремлевого дерева, схватил лук из гривной березы... Хотел пустить стрелу, натянул лук, а он сломался на две части. Осердился царь, бросил лук в войска, много народу побил... Хотел надеть кольчугу, а в это время ему в бок вошло большое копье „пальмо". Царь отломил ручку копья, надел кольчугу и побежал.

Долго, долго бежал по урману, где бежал, дорогу проложил.

Бежал, бежал и упал, где урманный остров—„О р т о-в е л е м-п а й" (Убитые старшины). Поднялся, сел на колоду, хочет снять кольчугу и не может. Подходят следом войска. Он и говорит им: „подходите ближе, снимите с меня кольчугу". Те не подходят. Тогда он из последних сил снял с себя кольчугу и бросил ее на землю и она вошла в землю на семь ручных саженей.

Царь бросил кольчугу и сам упал.

Тогда войска отрезали его голову с золотыми волосами и увезли ее далеко, за большие воды, на край моря к другому белому царю—„Н а г и-к а н". Увидал „Н а г и-к а н" голову с золотыми волосами и разгневался, загремел оружием и говорит: „войска мои, зачем вы убили его, лучше бы живым взяли и привезли ко мне, а то остяцкого царя убили, золотоволосого остяцкого царя„—С а р н я н г-а в т а в-к а н т а х-к а н" убили"!

И велел царь казнить те войска и, поклялся больше не воевать в тех местах. Так и называется эта река—„Я л ь-Н е л ь т а н-И г а л" „Войска заквялись речка". (С е г е л ь е т о в П а в е л С т е п а н о в и ч, 56 л е т, юрты К о л о к-ё г а н-П у г о л).

В данном случае, как и в первых приведенных нами сказаниях, мы, возможно, имеем предания об определенных исторических моментах, опоэтизированные с течением времени народной фантазией, когда то или иное историческое лицо, как и в данном случае, какой нибудь остяцкий „князец", превращается в богатыря, обладающего сверхестественными силами.

Так именно понимает подобного рода произведения остяцкого народного эпоса С. Патканов в своих известных работах по этому вопросу [2]).

Обращаясь к историческим актам, мы также находим указание на борьбу ваховцев с русскими, на отказ их уплачивать ясак в самом начале проникновения к ним русских.

Так, ко второй половине 1603 года относится грамота о „новой переписи остяков Ваховской волости для переобложения их ясаком и об-облегчении их подводной повинности"... [3])

Таким образом на седьмом году, со времени основания Сургута, мы уже имеем, судя по этой грамоте, второй учет ваховских остяков для переобложения их ясаком. Очевидно, первый учет был значительно ранее, так как на почве неправильностей учета и обложения, как увидим далее, возникла „измена" ваховских остяков. Далее, из той же грамоты мы видим, что ваховцы отбывали уже в то время подводную

[1]) Коромысло остяцкого лука обычно склеивается из двух, трех пластинок разных пород дерева, и затем оклеивается вокруг тонким слоем бересты.

[2]) С. Патканов. - „Тип остяцкого богатыря". Стр. 72—73. Его-же—„стародавн. жизнь остяков и их богатырей"... (т. с. 1891 г.). S. Patkanov—„Die jrtysch nstjaken".

[3]) Н. Н. Оглоблин—„Обзор столбцов и книг Сибирского Приказа". Ч. 3.—стр. 214.

повинность. Возможно, что уже в то время русские проникли в целях „приискания новых землиц" в верховья Ваха, где они впоследствии, как увидим ниже, открыли пути и волок на р. Елагуй и Енисей.

В том же году мы встречаем уже данные об „измене" ваховских остяков.

В грамоте Сургутскому воеводе Ф. Головину и голове Г. Писемскому от 23 ноября 1603 года вследствие „измены" Нарымской, Лумпокольской, Ваховской, Юганской, Семиярской, Салымской и др. волостей... предписывается „лишних ясаков не имать" и т. д. [1]). Как видим уже к 1603 году Сургутские власти не только знали Ваховскую землю, но и успели уже своими действиями вызвать „измену" Ваховской волости. В это время, очевидно, весь Вах составлял одну Ваховскую волость, так как иначе в перечне волостей обвиняемых в „измене", мы несомненно имели бы и другую волость по Ваху—Лариакскую.

Если же Ваховская и Лумпокольская волости и другие числились в „измене", то трудно предполагать, чтобы Лариакская волость, (если бы она в то время уже была), не была в „измене". Если же она в списке таковых не числится, то, очевидно, в то время этой волости еще не было.

Появляется она, надо полагать, несколько позже, когда уже по Ваху упоминается две волости: Лариакская (по верхнему Ваху) и Ваховская (по нижнему Ваху).

В 1626 году в грамоте Сургутскому воеводе Н. Пушкину говорится о невзимании ясака с остяков Ваховской волости, пожалованной отцу остяцкого князя („Березова города князя") Михаила Алачеева. [2])

Как видно, Ваховская волость в указанное время являлась вотчиной остяцкого князя Михаила Алачеева, который вообще являлся крупным „вотчинным владельцем" в Березовском и Сургутском уездах, как это видно из его челобитных" от 1628—32 г. г. [3]) о злоупотреблениях при описании „княжеских вотчин" в Березовском и Сургутском уездах. Князь Михаил Алачеев был крещен, „поверстан в государеву службу" и награжден вотчинами в целях поощрения „за верность" Москве.

Вотчинные владения сохранялись даже и вообще за родом князей Алачеевых, как это видно из „челобитных" от 1632 г. и 1650 г. по тому же поводу сына Мих. Алачеева Дмитрия и внука—Садара Алачеева. Этот последний, между прочим „ходил в походы" на остяков, как на „государевых изменных людей".

В челобитной Садара Алачеева упоминается уже одна вотчина—Кодская волость, при чем Садар жалуется, что его двух сыновей переписали" из службы в „ясачный оброк", а также записали в „ясачный оброк" и его дворовых людей. Жалоба Садара была удовлетворена в первой части, т. е. сыновья его были вновь записаны в „государеву службу", а дворовые люди зачислены на общем основании „в ясачный оброк". Таким образом мы видим уже стремление Москвы покончить с „вотчинами" князей Алачеевых и, надо полагать, что Ваховская волость к этому времени уже не была „вотчиной" Алачеевых, а состояла на общем „ясашном оброке".

[1]) Н. Н. Оглоблин.—„Обзор столбц. и кн. сиб прик." ч. III стр. 214.
[2]) Н. Н. Оглоблин—ibid—ч. III. стр. 217.
[3]) Н. Н. Оглоблин—ibid. ч. III стр. 285—287.

„Ваховская волость" тех времен находит свое отражение и в старинной русской картографии. Так, на чертеже „Сургутского города" Семена Ремезова [1]) указывается „волость Ваховская" по всему Ваху. На устье р. Сабуна юрты „Лопукольци". В вершине Ваха отмечены „волости Тазовские", откуда идет „волок на р. Елагуй". Отмечены на этой карте также правые притоки Ваха—„Песек, Сабун, Сумба;" с вершины последней идет волок на „озеро Таз"—истоки р. Таз. При впадении Ваха в Обь слева идет протока „Куртугольская", влево от которой юрты „Лундакульские" и „Лумпокольские". На острове между Вахом, протокой и Обью—юрты „Магаевы" и „Ганаевы".

С проникновением на Вах русских связано одно из мест по Ваху. Несколько пониже с. Лариака, на устье р. Сабуна—по правому берегу Ваха находится яр, на котором когда то, по преданию, был построен первый русский дом по Ваху—„руть-кат"—русская юрта. Возможно, что это место является действительно местом историческим, как первый опорный пункт проникновения русских на Вах.

Яр этот давно уже смыт рекой и каких либо остатков от этого жилья—„руть-кат" не сохранилось.

Проникновение русских в среду остяков воспринималось, сознанием последних, как проявление какой-то грозной силы, сверхестественной силы, дающей в руки русских „гром и молнию" (огнестрельное оружие). И вот, место первого русского дома и есть обиталище особого духа „пеля-руть-ката-лунг"—„Яра русской юрты дух".

Высокий песчаный яр, где теперь среди кедровника расположено с. Лариакское или, как его называют остяки—„Торум-кат—пугол"—„божья юрта,—юрты"—было в старину большим священным местом, где обитал особый дух—„Вонт-ике"—Урманный старик,—получивший впоследствии имя „Микола-Торум" и занимающий второе место в Ваховском пантеоне.

Здесь же было древнее кладбище—„лян-каса-яга-пугол"—„юрты покойников".

Возможно, что это место было наиболее почитаемым по Ваху, почему русские миссионеры, желая поразить воображение остяка, и избрали это место, как опорный пункт в своей деятельности для построения церкви—„Торум-кат"—юрты Торума, которая, очевидно, в сознании остяка мало чем отличается, а первое время и совсем не отличалась от их родного жертвенного места.

Ваховские остяки к моменту прихода русских по преданию, записанному Дунаным—Горкавичем [2]), были некоторое время подчинены приобскому князю Танга, который помимо того подчинил себе и Салымских остяков, но затем был убит Пимскими остяками.

Юганскими остяками управлял князец Каюла Сапоркан, живший в юртах Купландеевских.

Приобскими остяками района самого Сургута управлял, как уже отмечалось, князец Бардак.

Ваховские остяки также несомненно имели своих князей—управителей. но, к сожалению, народная память не сохранила их имен и они выступают в былинном эпосе в виде богатырей—Матур—без имени. Лишь одно предание, записанное нами, говорит о ваховском

---

[1]) „Чертежная книга Сибири" С. Ремезова 1701 г.—Изд. Археогр. Ком. 1882 г.
[2]) А. А. Дунин—Горкавич—„Тоб. Сев."—т. III.

князе „Сарнянг-авгав-кантах-кан" — Золотоволосый остяцкий царь.

Между прочим, здесь можно высказать предположение, что Ваховские остяки могли принимать участие в постройке укреплений „Томского города" или „острога", о чем можно заключить на основании наказа ц. Бориса Годунова Сургутскому голове Писемскому и Тыркову о постройке „Томского города" в 1604 г., [1]) где, между прочим, говорится, что для постройки города—„взять сургутских служилых людей и сургутских остяков".—Отсюда можно предполагать участие ваховцев в постройке „Томского города", так как различного рода повинности обычно распределялись на всех остяков данной округи, почему при наборе „сургутских остяков" на постройку „Томского Города" могли быть взяты и ваховские остяки.

Приведенными выше выдержками из некоторых исторических актов, а также преданиями в некоторой мере устанавливается участие ваховских остяков в общем историческом процессе всего Сургутского края.

Эти сведения мы можем несколько дополнить некоторыми материалами в выдержках из архива Лариатской церкви, с которым нам удалось ознакомиться. В этом архиве имеется, между прочим, собрание печатных и рукописных указов, приказов и проч. за 1775 по 1830 г.г.; более старые материалы, по словам старожил, погибли в 1920—21 г.г. Из этих материалов, между прочим, также устанавливается, что в те времена по Ваху было две волости—Лариакская (верхний Вах) и Ваховская (низовье Ваха), при чем волости эти в некоторых случаях называются управами. В трудах Дунина-Горкавича расположение этих волостей указывается обратное, т. е. Ваховская (по верховью) и Лариакская (по низовью).

Во всех документах нами осмотренных, адресованных в Лариакскую церковь, она определенно причисляется к Лариакской волости или управе, а например в указе от 5 июня 1823 года Тоб. дух. консистории Березовскому благочинному говорится, что „ясашные Томской волости и живущие по р.р. Куль-ёгану и Корельки [2]) оставлены в приходе Лариакском, остяки же живущие ближе к устью р. Ваха—в юртах Тарховых, Сороминых, Полиных Ваховской волости относятся к приходу Ваховской Богоявленской церкви". Ясно, что Ваховская волость находилась в низовьях Ваха и по Оби вблизи Ваха, где и было село Ваховское.

В тех же документах мы встречаем любопытные указания на царившие злоупотребления в отношении остяков, поборы и торговлю среди них даже со стороны местных духовных лиц. Все это настолько было развито, что власти вынуждены были запретить совершенно в'езд в остяцкие юрты даже духовным лицам по своей инициативе. Так, в указе от 1793 г. Сургутского духовного правления, Сургутского заказа лариакской знаменской церкви свящ. Якову Кайдалову читаем. „Сургутский Народныа Земский Суд прописывает, что до сведения оному суду дошло, что свящ. церк. служ. чины ездят в ясашные волости без зову ясашных во всякое время, а особливо в зверопромышленное, выменивают у ясашных мягкую рухлядь на разный товар"... Далее идет пространная ссылка на инструкции секунд-майора Щер-

[1]) „Томск в XVII веке" Матер. ист. гор. П. Головачев.
[2]) Притоки верхнего Ваха.

бачева о переобложении в Сибири ясака и о запрещении в'езда кому бы то ни было в ясашные места во время сбора ясака с товарами .. „того ради Сургутское Дух. Прав. определило: прописанное сообщить церквам Сургутского заказа... Помнить указы, коими велено... в ясашные волости без зову ясашных во всякое время, а паче в зверопромышленное... отнюдь не в'езжать и торгов с ясашными никак не производить „1793 г. окт. 15 дня застоятель закащика свящ. Мих. Вергунов".

В Указе Сургутского духовного правления в 1783 г. по этому же поводу говорится: что на основании требования Сургутского Нар. Зем. Суда Тоб. Дух. Консистория „приказали... чтобы священники... во всякое время без зову сами собой отнюдь ни под каким видом в ясашные места не в'езжали, но только бы по зову и по просьбе ясашных ездили и, исправив требы, немедленно возвращались и торгов бы с ними, остяками никаких не производили. Священнику Лариакской церкви Якову Кайдалову",

Как видно из этих актов, торговля местных властей вообще и духовных в том числе с остяками была обычным явлением и, очевидно, она протекала в таких условиях, что нашли нужным запретить в'езд в остяцкие юрты даже духовным лицам.

За этими указами кроется безпощадная эксплоатация остяцкого населения в самых различных формах в те времена.

Находим и некоторые указания в материалах того же архива на время проникновения сюда христианства и некоторые мероприятия в связи с этим.

Как указывалось выше, решительные меры по обращению остяков в христианство принимались по указу Петра I Сибирскому Митр. Филофею от 1700 г. о березовских и сургутских остяках, где предписывается „прелестные мнимые боги шайтаны—огнем палит и рубить.. капища раззорить... часовни строить, иконы поставлять и остяков приводить ко крещению", а в грамоте от 1714 г. говорилось по тому же поводу", „а кто учинит противное—казнить".

К этому именно времени и можно отнести крещение ваховских остяков, постройку сначала часовни, а затем в скором времени и церкви на месте нынешняго с. Лариакского.

Крещение по местному преданию происходило близ села на озере, с западной стороны кедрового леса.

Постройку первой церкви в Лариаке можно отнести к первой четверти XVIII века, по следующим соображениям: Из указа Сургутского Духовного Правления от 19 сентября 1830 г. о расследовании злоупотреблений Лариакского священника при постройке новой церкви видно, что еще в 1812 году было разрешено строить в Лариаке новую деревянную церковь вместо „ветхой" старой церкви, грозившей разрушением.

Если же в 1812 году, как видно из этого указа, была нужда в постройке новой церкви вместе „ветхой", устаревшей, то, надо полагать, что старая церковь должна была простоять по меньшей мере 80—100 лет. Отсюда и постройку первой церкви можно отнести ко времени за сто лет до упомянутой в указе даты—1812 года т. е. к первой четверти XVIII века.

Но наличие церкви—„Торумкат"—„божья юрта", как ее называют остяки, и крещение остяков, конечно, имело лишь внешнее формальное значение; об обращении в христианство, как таковом, по

существу говорить конечно не приходится. Остяки оставались и остаются до сих пор, как это будет видно при обозрении их верований, шаманистами.

В указе Сургут. Дух. Прав. от 1783 г. сообщается, что остяки при похоронах в гроб кладут табак, трубку и другие вещи, которыми пользовался покойный при жизни, а также по совершении похорон совершают ворожбу.

По указу Сургут.Дух. Прав. Лариакской церкви от 1799 г. предлагается сообщить, какую веру исповедуют остяки—в указе говорится: „велеть вам учинить точнейшее описание веры, какие у вас исповедуются дикими народами и оные (описания) доставить в здешнее управление". Как видно из этого указа в конце XVIII века еще не все остяки по Ваху были обращены, хотя бы оффицильно, в христианство, если Сургутское Дух. Правление запрашивает, какую веру они исповедуют.

Народ, населявший интересующий нас край, остяки в древности назывался по русским историческим актам, как выше отмечалось, угрою, югрою, угричами, югричами.

Сами себя остяки в древности, по словам Абрамова, называли—„ар-ях"—(ар-много и „хо" человек).

После покорения Иртышских и частью приобских остяков татарами (в XIII в.) остяки начали сами себя называть—„хондихо" т. е. (хон-(хан)-цар и „хо"—человек, т. е. ханские люди) Татары же называли остяков „уштяками"—что знаит грубые, дикие. По некоторым предположениям это слово „уштяки" затем было перефразировано русскими в слово „остяки".

По другим источникам остяки называли себя „Ась-ях", т. е. „ась" Обь, „ях" народ, что значит—Обской народ. Отсюда могло произойти и русское название—„остяки".

Все эти названия. как разновидности наименований остяцкого народа, приводятся и в новейшем издании Академии Наук, где перечислены наименования;—„ась-ях", „ханды", „хондихо" и „уштяки"[1]) Ваховские остяки сами называют себя различно: „канта-ку"—„кан"-хан и „ку"—человел—ханский человек или „ась-ях"—(обской человек), но в большинстве случаев они называют себя „Канта-ку" [2]) Представление о других народностях у ваховцев довольно слабое знают они только своих ближайших соседей.

Вначале люди, по их преданиям, не делились на отдельные роды или племена, но в последующее время люди разделились на отдельные народы, когда и появились таким образом: остяки „канта-ку" или „ась-ях"; названин „остяки" дано, по их словам, им русскими; самоеды „еркан-ку", тунгусы „тункис" или „пенго-кан-ку" и, наконец, русские—„руть" или „наги-кан-ку" т. е. белого хана люди. Есть еще, по мнению остяков, и другие народы на земле, но какие—этого они не знают.

Остяки, самоеды и тунгусы живут в холодной, полунощной стороне—„Ылен-Торум-пелек"—на северной божьей стороне, а русские—„руть" живут на полуденной стороне—на юге—„котл-ер-пелек"—на полуденной стороне.

---

[1]) Список народностей СССР Ак. Н. 1927 г.
[2]) Оба слова—„ях" и „ку" значит „человек".

Все живут по главной большой реке—„а л л е-ё г а н", называемой „А с ь-я х" или на Оби и на разных ее больших „а л л е" и малых притоках „Игал", при чем русские обитают в верховьях—„т у й" реки—„А с ь-я х", т. е. Оби. Кроме „Ась-ях" есть еще большая вода „а л л е-и н к" или море—„ч а р а с"—„без лесу вода, без травы вода". У этого то моря—„ч а р а с" и живут неведомые остякам народы.

В какой стране живут остяки об этом в верхнем течении Ваха в массе представления почти не имеют, выражаясь просто—„живем в полуденной стороне" или „живем на земле белого царя"—„м ы г-н а г и к а н" „или еще" „р у т ь-м ы х"—русской земле. В нижнем же течении,—от устья до с. Лариака страну называют „Россий" или „Сабирь" (Сибирь), а отсюда русских здесь иногда называют—„С а б и р-к у" т. е. сибирский человек.

Остяки принадлежат к семье финно-угорских народов, при чем они являются самой северо-восточной отраслью этой этнической группы.

Являясь отдельной, единой отраслью финно-угорских народностей, остяки в свою очередь по их наречиям, а отчасти и образу жизни подразделяются на несколько групп по месту их обитания, по речным бассейнам, занимаемым той или иной группой.

Остяки, занимающие определенный речной бассейн, обычно ведут одинаковый образ жизни и говорят на одном наречии, отличаясь в том или ином отношении от остяков соседнего речного бассейна, с которыми они в силу изолированности каждого бассейна слабо связаны. Поэтому у многих исследователей остяцкого народа принято деление остяков в отношении наречия по главным речным бассейнам или зонам главной речной артерии—Оби.

В системе народностей в издании Ак. Наук указывается для остяков: „язык остяцкий в семи наречиях и русский [1]) И. Н. Шухов отмечает, как особое наречие остяков, язык остяков р. Казыма, резко отграничивая казымское наречие от языка верховских обдорских и ваховских остяков [2]).

Л. Р. Шульце отмечает особое наречие для остяков р. Салыма, приближая это наречие к иртышско-остяцкому наречию вообще. [3]).

Дунин-Горкавич делит остяцкий язык на три главных наречия—иртышское, сургутское и березовское. [4]) Первое господствует по всей остяцкой области Иртыша и от его устья вверх по р. Оби до р. Салыма, где существует наречие, переходное к сургутскому. Сургутское наречие по Оби и ее притокам от р. Салыма вверх до границ бывшей Томской губернии, захватывая и Васьюганский район. Сургутское наречие он в свою очередь подразделяет на три наречия: юганское или нижнее, ваховское или среднее и васьюганское или верхнее.

Березовское или нижне-обское наречие подразделяется: на кондинское и обдорское, при чем в первом заметно влияние вогульское, а во втором самоедское.

Из этих основных наречий сургутское является наиболее чистым наречием, свободным от посторонних наслоений в силу большой изолированности края от смежных влияний.

---

[1]) „Список народностей СССР"—Ан. Н.—1927 г.
[2]) И. Н. Шухов—„Р. Казым и ее обитатели"—„Ежег. Тоб. губ. Муз."
[3]) Л. Р. Шульце—„Салымские остяки". Записки Тюм. Общ. Н. Из. местного края"—в 1—1924 г.
[4]) Дунин-Горкавич—Тсб. Сев." Т. 3.—стр. 2.

По той же причине, в силу наибольшей изолированности края среди сургутских наречий является наиболее чистым наречием ваховское, отличающееся довольно резко от смежных ему наречий юганского и васьюганского.

Самый физический тип ваховского остяка также несколько отличается от приобских остяков, которые по общему отзыву исследователей роста ниже среднего, худощавы, вялы, не поворотливы и старообразны; ваховцы выгодно отличаются от этого типа во всех указанных отношениях.

В антропологическом отношении остяки вообще остаются до сих пор очень мало изученными, а ваховские остяки тем более, как живущие в стороне от главной водной артерии, чаще посещаемой исследователями.

В отношении описания физического типа остяков мы замечаем большое разнообразие. Достаточно привести несколько примеров.

Известный путешественник Паллас говорит: „роста остяки большею частью среднего и даже малого, слабосильны, сухопары и тонконоги. Лица почти у всех неприятные, бледные и плоские, без особенного характерного выражения. Еще более безобразят их рыжеватые и беловатые волосы. [1]).

По Антиксону, как это отмечается у А. А. Ивановского [2]) „остяки племя малорослое, слабосильное, с тонкими ногами, лицо гладкое, волосы рыжеватые".

В „памятной книжке Тоб. Губ." [3]) остяки описываются так: мужчины большею часть роста ниже среднего, худощавы, не поворотливы и старообразны; глаза имеют узкие, лицо круглое, плоское, нос широкий, волосы черные, висящие космами по плечам, бороды нет. Женщины по наружному виду ничем не отличаются от мужчин, черты лица их грубы и они еще неприятнее мужчин".

Хотя бы из этих примеров, дающих по некоторым признакам диаметрально противоположные характеристики остяков, видно, что все эти описания основаны на субъективных впечатлениях, частичных наблюдениях, а отнюдь не на массовых наблюдениях и точных антропологических измерениях.

Первые работы подобного рода в отношении Сургутских остяков были произведены доктором С. М. Чугуновым в 1893 году, производившим измерения живых особей по юганской Оби и имевшим 22 остяцких черепа.

На основании этих наблюдений Чугунов [4]) приходит к заключению о наличии двух типов сургутских остяков: один долихоцефал — длинноголовый,—другой брахицефал—короткоголовый.

Первого характеризует в общих чертах следующее: большой, широкий лоб, широкозатылочность, узкоскулость, широконосость. Второй тип: малый и узкий лоб, высокоголовость, узкозатылочность, большая или меньшая широкоскулость, узконосость.

Антропологические измерительные листки Чугунова были обработаны А. А. Ивановским, [5]) который и дает еледующие в обших чертах показатели: цвет кожи двоякий—смуглый и белый. Волосы у

[1]) Паллас „Путеш. по Лапландии, Сев. России и Сибири".
[2]) А. А. Ивановский—„Сургутские остяки".(Русск. Антропол. Журн." 1915 г. кн. 3.
[3]) „Пам. кн. Тоб. губ."—1884 г.
[4]) С. М. Чугунов—„Материал для антропологии Сибири"—1893 г.
[5]) А. А. Ивановский—„Сург. остяки"—„Русск. Антр. Журн." № 3—4, 1905 г.

малолетних светлорусые, у взрослых в большинстве случаев темнорусые и черные. Цвет глаз различный—голубой, серый, но больше темно-карий. Таким образом, как в цвете волос, так и в цвете глаз доминируют темные тона.

Большинство сургутских остяков низкорослы, рост выше среднего встречается у 10%, а высокий только у 2%.

По головному указателю сургутские остяки представляют собой смешанную народность, среди них почти равномерно встречаются долихоцефалы и брахицефалы. Существуют местные различия в головном указателе сургутских остяков: наиболее длинноголовыми—долихоцефальными являются юганские остяки, а наиболее брахицефальными ваховские, среди которых долихоцефалы совершенно отсутствуют.

В результате сводки всех наблюдаемых моментов автор приходит к следующим общим определениям: темнорусый цвет волос, с значительной, однако, примесью русых и светлорусых волос; карий различных оттенков, а нередко и серый цвет глаз, низкий или ниже среднего рост, средней величины голова по горизонтальной окружности, смешанный головной указатель—долихоцефалы также часты, как и мезоцефалы и брахицефалы; средняя длина лица с уклоном к большим размерам его; средняя округлость груди и средняя, а иногда и большая относительно длина рук. Для ваховских остяков, в частности, Ивановский намечает следующее наиболее характерные антропологические признаки: резче выраженная низкорослость и брахицефаличность, короткая сравнительно длина лица, отсутствие платиринии (широконосость), наибольшая относительно ширина нижней челюсти и меньшая по отношению к росту окружность груди".

Этими чертами, основанными на точных антропологических измерениях более определенно намечается антропологический тип сургутских остяков вообще и ваховских в частности.

Приступаем, наконец, к ознакомлению с статистическим материалом о населении Ваховского района. Сургутский округ, в пределах которого находился до 1925 года Ваховский район, является краем с ярко выраженным туземным населением, как по количественному соотношению туземной и русской части населения, так отсюда и в отношении наименьшего влияния русских на местное остяцкое население. Из туземцев в Сургутском крае числятся исключительно остяки. Всего населения в Сургутском крае по данным 1904 г. [1]) числится 9137 чел.; из них русских—2375 человек, т. е. 26% и остяков 6762 чел. или 74%. Как видно из этих цифр, Сургутский край является ярко выраженным остяцким районом.

Еще в большей мере эта черта сказывается в отношении Ваховского района, где единицы русских, как увидим далее, буквально теряются в массе остяцкого населения. Если к тому же учесть, что эта незначительная часть русского населения вся пришлая, с краем не связана, что русские живут всего в двух пунктах—с. Лариаке и юртах Охтын Урье, что почти все это—агенты факторий или же бывшие местные торговцы, то Вах можно признать краем совершенно изолированным от внедрения русского населения, краем исключительно остяцким. Кроме указанных пунктов по Ваху не встречается ни одной заимки русских, или хотя бы временного промыслового жилья русских.

---

[1]) Дунин-Горкавич. „Тобол. Сев".

О количественном составе населения Ваховского района и его географическом распределении мы располагаем официальными данными Александро-Ваховского райисполкома в отношении всей системы Ваха и материалами нашего статистического обследования в отношении самого Ваха и данными государст. переписи 1927 г.

По данным Александро-Ваховского рика числится по Ваху и его притокам всего 40 населенных пунктов, 276 хозяйств, в которых всего населения 1721 чел., за исключением ваховских остяков, кочующих вре-

менно по притокам Таза и в Енисейской тайге, которых числится 172 чел.

Нашей экспедицией было подвергнуто сплошному статистическому учету население реки Ваха оказавшееся на пути следования экспедиции от устья Ваха, до его притока р. Корельки на протяжении 700 км., выше которой остался не обследованным лишь один населенный пункт в составе 4-х хозяйств.

По статистическим данным экспедиции численный состав населения Ваха выражается в следующем:

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ.

РАЙОНЫ	Числится по данным Алекс. Вах. Райисполкома			Зарегистрировано при обследовании		Всего обследовано				ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ									Количественный состав хозяйств обследованных			Должно быть исчислено всего населения			
							В них хозяйств			Русских			Остяков			Всего							Всего хозяйств			
	Населен. пунк.	Хозяйств	Всего населения	Населен. пунк.	Хозяйств	Населенных пунков	Русских	Остяков	Всего	М.	Ж.	Об п.	М	Ж.	Об. п.	М.	Ж.	Об п.	Всего хозяйств	Населения в них	В среднем на 1 хоз чел.	Зарегистрировано	Числится	Средн. хоз.	Всего населения человек
Р. Вах и Корельки-Еган (1 нас. пункт)	24	205	1173	33	200	32	4	104	108	7	6	13	286	231	517	293	237	530	118	530	4,8	200	—	4,8	1600
Р. Колок Еган	4	20	132	7	19	7	—	14	14	—	—	—	31	28	59	31	28	59	—	—	—	19	—	—	130
Р. Сабун	8	45	232	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45	—	225
Р. Кулун Еган	4	35	184	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	175
Кочуют по р. Тазу и Енисейской тайге	—	—	172	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ВСЕГО	40	305	1893	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	219	55	—	1530[1]

Примечание: 1) По данным обследования (точному учету) среднее хозяйство имеет 4,8 чел., а по данным Рика 6,2 чел. Данные обследования, как результат точного учета, должны быть положены в основу исчисления общего количества населения с округлением в среднем состава хозяйства до 5 чел.

Как видно из этих данных, экспедицией обследовано 32 населенных пункта по самому Ваху и 7 пунктов по его притоку р. Колок-ёгану. Здесь прежде всего необходимо обратить внимание на расхождение по приводимым данным в количестве зарегистрированных населенных пунктов.

По данным Рика до р. Корельки по Ваху числится всего 24 населенных пунктов, а нами зарегистрировано 32 пункта; отмечено таким образом 7, не числящихся по официальным данным, населенных пунктов. По реке Колок-ёгану по данным Рика—4 пункта, по обследованию 7 пунктов.

Всего по 32 отмеченным пунктам по Ваху обследованием зарегистрировано 180 отдельных хозяйств без выяснения количественного состава населения в них. К этому количеству зарегистрированных хозяйств, занимающихся промыслом и подлежащих в дальнейшем нашему учету, должно присоединить еще 20 семей русского не промыслового населения в с. Лариаке, в количестве 116 человек. Таким образом всего хозяйств по Ваху должно исчислять до 200.

Из этого количества хозяйств (180) подвергнуто точному статистическому учету 108 хозяйств, оказавшихся к моменту путешествия на пути следования экспедиции, т. е. подвергнуто обследованию 66% всех хозяйств, а значит и всего населения, что дает вполне законные основания для обобщений и некоторых выводов на основе полученных статистических данных.

По притоку Ваха р. Колок-ёгану по 7 населенным пунктам всего зарегистрировано 19 хозяйств, из которых обследовано 14 хозяйств. (Это хозяйства, вышедшие к моменту нашей работы на Вах для рыбного промысла).

Исключая из общего количества 108 обследованных хозяйств 11 хозяйств, зарегистрированных в с. Лариаке, мы получаем на 31 на-

[1]) По данным государств. переписи 1927 г. в том же районе исчислено 1615 чел. Таким образом недочет при нашем обследовании всего в 85 чел.

селенный пункт 98 хозяйств, что дает в среднем на 1 населенный пункт 3, 1 хозяйства. Но здесь должно заметить, что это отнюдь не значит, что каждый пункт имеет примерно до 3-х отдельных „дворов", так как по Ваху часто встречается несколько (2—3) хозяйств, пользующихся одной юртой.

Среди обследованных по Ваху хозяйств 104 туземных хозяйства и 4 русских, при чем в них населения: русских—13 чел. и туземцев 517 человек, а всего 530 человек (имеющиеся в с. Лариаке помимо 4 обследованных русских хозяйств еще 8 дворов русских не вошли в обследование, как элемент пришлый и не занимающийся промыслами, служащие и бывшие торговцы). Всего населения таким образом на 108 хозяйств зарегистрировано 530 человек, что дает в среднем на хозяйство 4,8 человека. Эту среднюю величину, как основанную на точном учете всех обследованных хозяйств, можно положить в исчисление всего населения по Ваху и его притокам, исходя из официальных данных о количестве хозяйств по притокам Ваха и количестве хозяйств, зарегистрированных нами по самому Ваху.

Таким образом, распространяя эту среднюю на все хозяйства остяков, мы получаем на 200 хозяйств по Ваху всего населения 1000 человек. По р. Колок-ёгану на 26 хозяйств, мы, исходя из той же средней, получаем 130 человек. По р. Сабуну на 45 хозяйств мы имеем 225 человек и по р. Кулун-ёгану на 35 хозяйств—175 человек. Остальные притоки безлюдны. Всего по Ваху с его притоками 1530 человек. Помимо этого по сведениям Райисполкома числится кочующих по р. Тазу и Енисейской тайге ваховских остяков 172 человека, а всего таким образом 1702 человека.

В дальнейшем подвергается анализу количественный состав лишь туземного населения.

В приведенной таблице помимо исчисления общего количества населения по Ваху мы имеем лишь одну интересующую нас величину-это половое соотношение остяцкого населения, а именно: из общего количества в 517 человек мы имеем 286 мужчин и 231 женщину, что дает 55,1% мужчин и 44,9% женщин. Это неравномерное соотношение на ряду с некоторыми другими условиями порождает, как увидим далее, целый ряд особенностей чрезвычайно неблагоприятных в жизни местных остяков.

Переходим далее к рассмотрению сведений о количественном составе семьи, семейном положении, возрастном составе, культурном состоянии и, наконец, естественном движении населения.

СЕМЕЙНОЕ и КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ.

РАЙОНЫ	Количественный состав семьи		Семейное состояние							Дети				Культурное состоян. (остяков)			
	Всего обследовано семей	В них населения	Средняя семья (чел.)	Мужчин			Женщин			1—8 лет	8—16 лет	Всего	В среди на семью (чел.)	Владеющих русск. языком			Грамотных
				Женатых	Холостых	Вдовых	Замужн.	Незамуж.	Вдовых								
Р. Вах . .	138	530	3,8[1])	136	45	11	125	11	16	98	77	175	1,2	18	3%	4[2])	0,3%

[1]) Количественная разница средней семьи (3.8 чел.) и среднего хозяйства (4,8 ч.) об'ясняется наличием у остяков сложных многосемейных хозяйств.

[2]) Грамотных 4 человека—дети школьного возраста—в с. Лариаке в 1926 г.

Культурное состояние ваховцев в смысле их грамотности к моменту обследования определяется поразительными данными—мы имеем всего 0,3% грамотных. Таково тяжкое наследие прошлого строя! В последующие годы на Томском севере вообще и по Ваху в частности были приняты решительные меры по народному просвещению и вообще культурному строительству. По Ваху в с. Лариаке создана „Культурная База", в которую включается врачебный пункт, радио-приемник, кино-передвижка, школа-интернат, библиотека, народный дом и др. Развита также и работа советской общественности. В школе учатся десятки остяцких детей, имеется пионер-организация, комсомол и парт-ячейка. Просвещение и советская общественная работа приводит несомненно к крупным переменам и бытового уклада остяка и особенно положения остяцкой женщины.

В связи с приведенной таблицей прежде всего должно отметить, что остяцкая семья в среднем по составу далеко не соответствует среднему остяцкому хозяйству.—В то время, как остяцкое хозяйство в среднем имеет 4,8 человека, средняя остяцкая семья значительно ниже в количественном отношении, а именно 3,8 человека. Эта количественная разница средних величин семьи и хозяйства об'ясняется наличием у местных остяков с одной стороны „сложных" многосемейных (3—4) хозяйств патриархального типа и маломощных (2—3 чел.) семейств с другой стороны. Средняя остяцкая семья в 3,8 чел. значительно уступает средней крестьянской семье русского населения по Томскому краю, которая определяется в 5,5 чел.

Отмеченным выше половым соотношением определяются некоторые данные семейного положения населения. Здесь мы видим большое несоответствие количества холостых мужчин и незамужних женщин (девиц). В то время как на 135 женатых мужчин приходится 9 вдовцов и 43 холостых, на 125 замужних женщин насчитывается 14 вдовых и всего лишь 9 незамужних (девиц). [1]) Таким образом на 43 холостых мужчин приходится всего лишь 9 незамужних женщин, так как 14 вдовых женщин все оказываются в возрасте небракоспособном. Далее обращает на себя внимание возрастной состав холостой части населения. В то время как незамужние женщины имеются в возрасте лишь от 14 до 18 лет, мужчины же холостые имеются от 18 до 39 лет. Эти данные в достаточной мере говорят о ненормальном положении остяков в брачном отношении; острый недостаток женщин влечет значительное безбрачие мужчин, неравномерные в возрастном отношении браки и преждевременные для женщин (с 14 лет) браки, а отсюда преждевременная смертность и старость для женщин, а также значительные материальные затраты, связанные с заключением брака, в виде „калыма". Более подробно этот вопрос освещен мною в специальной части работы; здесь же считаю необходимым лишь отметить такие, например, явления: семья—в которой мужу 50 лет, а жене 16—18 лет или, примерно, наоборот; нередкость бывают также браки для женщины с 14 лет. когда девушка, особенно северной полосы, является совершенно неразвившейся, не подготовленной к супружеской жизни и нормальному деторождению.

Подобное семейное состояние на ряду с другими бытовыми условиями влечет слабую детораждаемость и малочисленный состав семьи, ее

---

[1]) Сюда включены и 14 летние девушки, так как брак в этом возрасте по Ваху в силу особых местных условий в обычае.

бедность детьми, как это мы видим из таблицы, а именно: на 138 семей (обследованных) приходится 175 детей в возрасте 0—16 лет, что дает на семью в среднем 1,2 чел. детей. По возрастному составу дети распределяются так: 0—6 лет (до школьный)—93 чел. и 8—16 лет (школьный)—72 человека.

В связи с отмеченными явлениями, а также в зависимости от всего хозяйственного и бытового уклада, физиологических причин и физ. географических особенностей края стоит вопрос о естественном движении населения.

На общее количество обследованного населения в 530 человек мы имеем за 1925 год рождаемость 26 человек и смертность 18 человек, что дает рождаемость на 1000 человек—50,4 человека и смертность 35,5 человек, т. е. естественный прирост на 1000 человек—14,9 человек в год.

Разумеется, эти данные полученные всего лишь за 1 год, возможно принимать, как показатель в указанном смысле, с большой осторожностью и условно в связи с другими какими либо показателями в этом же роде.

Принимая с такими оговорками эту цифру прироста, мы видим, что ваховские остяки имеют, хотя и пониженный, как увидим далее но все же положительный прирост населения.

Естественный прирост населения по западной Сибири и в пределах бывшей Томской губернии за 1910—1914 г.г выражается в следующем:

Для Зап. Сибири имеем прирост от 19 до 24 на тысячу за год и для бывшей Томской губернии—от 21—26 чел. на тысячу, что говорит о более пониженном приросте населения по Ваху. где мы имеем всего лишь 14,9 человека Здесь не безинтересно отметить, что полученные нами цифры смертности совпадают с подобными же данными по Нарымскому краю, где смертность у остяков 35,5 человек. Данные Нарымского края говорят нам и о прямой зависимости смертности от условий жизни, культурного уровня и т. п Так, в пределах Нарымского края смертность: у остяков 35,5 чел. на тысячу, у старожилов-крестьян 26,1 чел. и у новоселов 18,9 [1]) и далее эти показатели варьируют для тех же групп населения в зависимости от изменяющихся для них условий жизни, как например: у остяков, живущих в русских селениях смертность снижается с 35,5 до 25,1 чел., а у новоселов, живущих среди остяков смертность повышается с 18,9 до 31,6 человек, т. е. почти до средней (35,5) смертности среди Нарымских остяков вообще.

Итак влияние экономического положения, общих бытовых условий и физико-географических данных на естественное движение населения не подлежит никакому сомнению. Как увидим ниже, не только смертность, но и рождаемость обусловливается указанными моментами в гораздо большей степени, чем национальными различиями.

Оказывается, что различные группы одного и того же племени в различных культ-экономических условиях больше разнятся в отношении прироста, чем отдельные племена между собой.

Патканов в своей работе о движении туземного населения в Сибири приводит между прочим следующее сопоставление степени обеспечения детьми (% детей до 5 лет включительно на наличное населе-

---

[1]) Пониженный показатель смертности у переселенцев об'ясняется омоложенным составом их семей на местах водворения.

ние) у отдельных народностей в зависимости от физико-географических и экономических условий, а именно: [1]).

Местности:

1) С худшими экономическими условиями.	2) С лучшими экономическими условиями.
а) Якуты—% детей до 5 лет включительно:	
(Колымский округ . . . 13,3)	(Якутский округ . . . . 16,8)
(Верхоянский окр. . . . 14,1)	(Туруханский окр . . . . 18,0)
б) Тунгусы:	
(Колымский округ . . . 13,1)	(Гижигинский окр. . . . . 19,1)
(Охотский округ . . . . 14,8)	(Якутский окр. . . . . 17,0)
	(Туруханский окр. . . . 18,3)
в) Русские:	
(Колымский округ . . . 14,7)	(Гижигинский окр. . . . 20,1)
(Охотский округ . . . . 15,8)	(Петропавлов. окр. . . . 19,7)
	(Туруханский округ . . . 20,3)

Эти цифровые данные замечательно ярко иллюстрируют высказанную мысль о зависимости движения населения от социально-бытовых условий его жизни.

Мы здесь видим, что процентное соотношение детей до 5 лет возрастает у разных народностей,—русских, тунгусов, якутов, находящихся в одинаковых экономических и физико-географических условиях, почти одинаково и то же соотношение у одной какой либо народности, но в различных местностях, в разных экономических и физико-географических условиях, резко колеблется.

Таким образом, как в отношении смертности, так и в смысле обеспечения детьми решающую роль, как видим, играют экономическое положение населения, его бытовые особенности и физико-географические условия его жизни.

И если в отношении Ваха мы имеем несколько пониженный прирост населения, то все же вопроса о катастрофическом положении ваховских остяков в этом отношении нет и вопроса о их вымирании таким образом не ставится. Мы здесь имеем положительный прирост населения, который по мере улучшения хозяйственно-бытовых условий жизни, как мы это видим на выше приведенных примерах, пойдет несомненно в сторону возрастания и приближения к общей норме прироста в новых бытовых и социально-экономических условиях нашего времени.

III. ЖИЛИЩЕ.

Основным типом жилища ваховских остяков является юрта—„кат". Этим понятием „кат" об'емлются все возможные вообще виды жилых строений,—юрта, русская изба и даже церковь, которая именуется тоже „кат", т. е. юрта, но с добавлением „божья"—„Торум-кат"—божья юрта.—и это понятно: Ваховские остяки в части своей, не подвергшейся влиянию русских (выше Ларнака) и не знают иного типа жилища.—Этот основной вид жилья—„кат" варьирует в зависимости, как от

[1]) Патканов—„О приросте инор. населения Сибири".

времени года, так и от целого ряда бытовых условий и промысловой жизни остяка.—Эта вариация сказывается, как в отношении самой конструкции жилища, так и в смысле построечных материалов. Основное подразделение типов жилища—это юрты зимние, весенние и летние.

Зимние юрты—„телех-кат" в свою очередь подразделяются на юрты земляные и бревенчатые. Господствующим видом зимних юрт являются юрты земляные, как наиболее упрощенные по своему устройству.

Земляная юрта „мыг-кат"—представляет собой сооружение, несколько выдающееся над землей лишь своей верхней частью—крышей, основа же юрты—это известной глубины яма в земле. В основание такой юрты вырывается в земле яма длиной 5—6 м. шириной 4—5 м. и глубиной 40—50 см. Стенки этого углубления являются и стенками будущего жилья. Затем над этой земляной выемкой устанавливается деревянный остов крыши, опирающийся на 4 столба с перекладинами. Эти столбы-подпорки устанавливаются по краям поперечных стенок ямы, на некотором отдалении ( ) от углов ямы, на эти столбы кладутся как в поперечном направлении, так и в продольном перекладины—это как бы „матки" будущего потолка, с одной стороны и подпоры стен с другой. К этим перекладинам устанавливается ряд бревен с промежутком 70 см. с некоторым наклоном под углом примерно в 20°—30°. Два встречных бревна противоположных стенок соединяются деревянной перекладиной Боковые бревна в половине их длины скрепляются во всю длину будущей стены юрты боковой перекладиной. Таким образом устанавливается решетчатая основа потолка и стенок. Затем на эту основу с боков устанавливаются вряд жерди и покрывается такими же жердями потолок.

Взаключение эта деревянная основа строения покрывается землей—и юрта готова. Стенами—„кат-пуным" юрты являются таким образом стенки земляного углубления и, как продолжение их, деревянно-земляные стенки надстройки.

В общем поверхностная часть земляной юрты имеет таким образом вид усеченной несколько продолговатой пирамиды.

В одной из стенок, расположенной, как видим, несколько в наклон, устраивается деревянная, почти квадратная дверка „охне", которую, как по величине, устройству, так по ее положению несколько в наклон в соответствии с отвесом стены, скорее следовало бы назвать западней в погреб. Такая дверь открывается не в бок, а вверх.

У правой стены от входа расположена обычно печка—чувал—„тюгал". Чувал имеет три стенки, заднюю и две боковых; задняя стенка 70—80 см. ширины, боковая 30—40 см. Вышина чувала до 1 м. Таким образом чувал в общем имеет вид как бы камина с тремя стенками и совершено открытой топкой. Стенки чувала устраиваются из плетня, обмазанного глиной, толщиной до 10 см. Как продолжение чувала вверх по прямой линии идет огромная труба „тюгал-ун"—чувала труба. Труба эта делается тоже из плетня, обмазанного глиной, или в верхней своей части из досок, обмазанных глиной. Ширина трубы в нижней части соответствует ширине чувала 50—60 см. и вверх несколько суживается, доходя до 30—40 см. в поперечнике.

Труба эта после топки чувала закрывается пуком травы, укрепленным на палку. В передней части чувала устанавливается на сошках

перекладина для подвешивания чайника, котлов. Дрова в чувал кладутся или стоимя в наклон к стенке чувала или кучей, как обычно на костре.

Посредине крыши имеется квадратное отверстие 30—40 см. в поперечнике.—это единственное окно зимней юрты—окно—„итневес". Это отверстие—окно обычно закрывается гладкой прозрачной льдинкой—ледяное окно—„юнг-итневес". Очень реко, встречается застекленное окно—„кюх-итневес".

Вот и все, что может быть отмечено в отношении устройства зимней земляной юрты.

Вторым видом земних юрт является зимняя юрта деревянная—„пегартелех-кат", которая бывает двоякого рода. Первая по своему устройству близка к земляной.

В основании такой юрты, как и в устройстве юрты земляной имеется некоторое углубление в земле 40—50 см. глубины во всю площадь юрты,

Юрта имеет совершенно квадратную или несколько продолговатую форму до 6 м. длины, 4—5 м. ширины. Стены юрты деревянные, из бревен не очищенных от корья. Поверх земли стены имеют всего три звена. Передняя и задняя стена имеет сверх трех звеньев свое бревенчатое завершение в виде треугольников, являющихся в то же время основанием для двухскатной крыши юрты. Вышина этих стенок 1½ м. Звенья в зимней юрте кладутся на мох, при чем однако же при прокладке мха между бревен обычной в таких случаях выемки в поверхности бревна у остяков не делается.

Крыша „кат-корр"—в зимних юртах двухскатная, имеющая своим основанием, как указано выше, переднюю и заднюю стенку в их завершении в виде треугольника. Остов крыши: на выступы треугольника передней и задней стен юрты с одной стены на другую кладутся жерди во всю ширину ската крыши. Затем поперек этих жердей настилается сплошной накатник из жердей, который иногда покрывается еще берестой.

Взаключение деревянная кровля покрывается пластом земли.

В передней стенке юрты имеется небольшая из тесаных плах деревянная, лишь несколько продолговатая дверь „охне" до 1 м. высоты,

Справа от входа у стены, как и в земляной юрте, устраивается подобного же рода чувал. В крыше, в противоположной от чувала стороне имеется окно подобного же устройства, как и в земляной юрте—ледяное или застекленное.

Как видим, зимняя деревянная юрта по своим удобствам мало чем отличается от земляной юрты и юрту подобного рода можно бы назвать „полуземляной" юртой.

Более совершенным видом зимнего жилища является второй тип деревянной юрты, по своему устройству приближающейся к русской „курной" избе.

Юрты этого рода имеют деревянные стены вышиной до 8—10 звеньев, положенных на мох, рубленных „в угол".

Крыша двухскатная, но более пологая, почти плоская. Способ настила крыши однотипен с пред'идущим, поверх настила покрывается землей. Дверь и печь подобного же устройства, как и в пред'идущих юртах. Окно устраивается не в крыше, как это мы видели ранее, а в стене юрты; небольшое квадратное (20—30 см.) окно—ледяное или

застекленное. В уровень верхнего звена в такой юрте от передней стены к задней по бокам от входа идут на некотором отдалении от боковых стен две бревенчатые балки, которые служат скрепой стен. Этот третий тип зимней юрты является по своему устройству более совершенным, но он встречается реже, чем первые два вида юрт.

Весенняя юрта берестяная имеет коническую форму—„пурр-кат" острая юрта.

В основание такой юрты устанавливаются конусообразно жерди, 15—20 жердей, вершинки которых скрепляются в пучек ремнем или веревкой. Этот остов покрывается затем большими полотнищами, изготовленной особым способом, бересты, „тиски", начиная с основания юрты и с таким рассчетом, чтобы верхнее полотнище частью покрывало нижнее так, чтобы не протекал дождь в юрту.

Поверх тиски устанавливаются жерди, но несколько реже, чем в основании юрты. Эти жерди иногда скрепляются вверху веревками.

В верху, в месте смычки вершин жердей оставляется отверстие, служащее дымоходом. Для входа в юрту оставляется небольшое отверстие, не закрывающееся основным полотнищем бересты. Эта примитивная дверь закрывается или особым листом бересты или же холстиной.

Чувала или другой печки в этих юртах не имеется.

Посреди юрты отводится место для камелька, где и поддерживается все время костер.

Коническая юрта—это более легкий тип берестяных юрт. Более сложной и более совершенной берестяной юртой является четырехугольная берестяная юрта—„тонтох-кат". Эта юрта обслуживает остяка наряду с конической и весной, но главным образом летом и осенью при его перекочевках.

Летние юрты „лун-кат" бывают двух родов—деревянные и берестяные.

Деревянная летняя юрта—„пегар-лун-кат" немногим отличается от деревянной зимней юрты. Отличается она кладкой бревен и устройством крыши. В то время, как в зимней юрте мы имеем кладку стен на мох, в летних юртах моховой прослойки не имеется.

Крыша в летней юрте не земляная, как в зимней, а деревянная и более сложного устройства.

Крыша в деревянной летней юрте двухскатная, имеющая своим основанием переднюю и заднюю стенки юрты—в их завершении в виде треугольника. На выступ этих стенок юрты с одной стены на другую кладутся жерди во всю ширину ската крыши. Затем поперек этих жердей настилаются сосновые дранки на 10 см. одна от другой длиной во всю ширину ската крыши. Таким образом получается решетчатый остов крыши.

По этому остову настилаются сплошные полотнища бересты-тиски— „тонток". Сверх бересты повдоль ската крыши кладутся жерди параллельно нижнему ряду жердей, с концами которых этот верхний ряд жердей и скрепляется лыковыми веревками или деревянными шпилями. Дверь в деревянной юрте бывает или деревянная, как в зимней, или в большинстве случаев холщевая ввиде занавески.

Окном в летней юрте служит дымоход—квадратное отверстие (30 × 30 см.) в средине крыши. Отверстие это ничем не закрывается. В исключительных случаях в стенах юрты бывает одно-два небольших окошечка—незастекленных.

Чувал в летних юртах не устраивается, но посреди юрты отводится специальное место, где всегда поддерживается костер или курево для дыму. Дым идет в отмеченный выше дымоход—„кат-кон", расстилаясь однакоже предварительно в значительной мере по всей юрте.

Вторым видом летнего жилища является квадратная берестяная юрта „тон-тох-кат"—берестяная юрта.

Юрта эта имеет квадратную форму с плоской в два ската крышей, в общем на подобие деревянной летней юрты, отличаясь от этой последней построечным материалом.

В основе юрта эта имеет остов из кольев, жердей, таловых прутьев и сосновых дранок. Для устройства подобного остова по линии будущих стен юрты устанавливаются колья на расстоянии 70—80 см. по боковым стенкам, по задней же и передней стенке высота кольев постепенно возрастает в направлении от углов юрты к средине стены настолько, что средний кол имеет длину от 1½ до 2 м. Затем по линии кольев поперек их укрепляются три жерди, в основании, посредине и в верхней части создавая таким образом крупно-решетчатую основу стенки. В передней и задней стенке юрты кроме того подобные же жердочки идут по верхней окрайне кольев, создавая таким образом основу для укладки будущей крыши.

Далее на эти жерди передней и задней стенок юрты кладутся жерди (три) в направлении от передней к задней стенке, образуя таким образом остов для двух скатов крыши.

Затем поперек этих жердей или из дранок, или—чаще—из таловых прутьев кладутся перекладины, чем и создается решетка крыши.

Устроенный таким образом, остов юрты покрывается широкими длинными полотнищами бересты—тисками— „тонтох".

Стенки юрты обычно покрываются одним, двумя полотнищами бересты во всю длину стенок, ширина полотнища бывает до 1½ м. и длина 10 м. Затем подобным же образом берестяными полотнищами покрывается и крыша юрты в поперечном направлении, т. е. от одной боковой стенки к другой по решетке двух скатов крыши.

Снаружи береста как стенки, так и крыши укрепляется у стенок колышками, веревками или на крыше жердями, положенными поперек полотнищ. В передней стенке такая юрта имеет дверь из бересты, или холщевую занавес.

Окном и дымоходом в такой юрте служит квадратное отверстие в крыше. Чувала нет. Посреди юрты кострище. При перекочевках обычно остов юрты оставляется и на новом месте, если там остов готов, юрта устанавливается в 20—30 минут

В отношении внутреннего устройства и отдельных частей юрты вкратце можно заметить следующее:

По бокам от входа у передней стены устраиваются особые полки—„лемы" до 40 см. ширины на высоте 60 см. от земли—на этих полках расположены предметы домашней утвари. Под этими полками устраивается нечто вроде неглубоких закромов, где помещаются на ночь собаки—зимой от холода, летом от гнуса. Это помещение для собак так и называется—„амп-кат"—собачья юрта.

Против входа, посреди юрты имеется проход „кат-пеле"—до 1 м. ширины.

Посреди юрты, где оканчивается проход, имеется место для кострища (в летних юртах)—камелек „тугот-пуркой"—огонь—курево.

По бокам от прохода юрты расположено место, где проводят остяки время днем, сидя или полулежа и, где располагаются на ночлег; называется оно „кат-пелек"—половина юрты. Противоположная от входа часть юрты называется—„кат-пета"—„перед юрты" и служит частью местом для домашнего скарба, запасов провианта, муки, сушеной рыбы и, если позволяют размеры помещения,—местом для ночлега. Считается это место также и более почетным, почему и предлагается гостям

В передней части устраивается во всю длину стены широкая полка для домашнего скарба—„кат пете-леме"—„перед юртой полка".

Пол—„пеле" в юртах земляной и застилается обычно сухой травой.

При описании жилища и его отдельных принадлежностей необходимо остановиться несколько на описании особых печей на открытом воздухе. Как мы уже видели, в юртах имеется или камелек или чувал. Помимо этого устраивается особая печка недалеко от юрты. Печка эта устраивается или непосредственно на земле или чаще на особых стойках, четырех столбах, высотой до 70—80 см. На этих стойках устраивается деревянный настил из накатника шириной до 70—80 см., длиной до 1½ м. На этом настиле или на земле кладется глинобитная продолговато-овальная печь, длиной до 1 м. шириной до 60—70 см. и высотой до 40—50 см. Печка эта не имеет трубы, а с обратным через цело дымоходом. Когда печка протапливается, цело закрывается как бы заслонкой, дощечками, укутывается травой для сохранения тепла в печи. Эти печи встречаются не везде и кладутся специально для выпечки кислого хлеба, почему и носят специальные названия „нянь-верте-кар"—„хлеб делать печка". Над этими печками иногда устраивается небольшой берестяный навес.

Указанными типами юрты исчерпываются все виды жилища ваховских остяков в верхнем течении Ваха т. е. выше с. Лариака, куда еще не проникла, хотя бы и упрощенная, русская крестьянская изба.

В нижнем же течении Ваха остяки наряду с отмеченными выше видами юрт имеют и избы—„рутъ-кат"—русская юрта.—Это—изба, обычного крестьянского типа с более примитивным лишь устройством некоторых принадлежностей жилья. Так, обычно остяки в таких избах не знают вторых зимних рам. Печка по образцу русской обычно глинобитная. Называется она—„нянь-верте-телег-кар",—что значит-„хлеб делать зимняя печка" или—„рутъ-кар"—русская печка, но не редко ограничиваются в избе и железной печкой—„вох-кар".

Вместе с русской избой остяками усвоена и некоторая русская обстановка –стол, лавки и даже стулья и кровать.

В деревянных летних юртах здесь уже встречаются небольшие застекленные окна, что приближает эти юрты к русской курной избе.

Отмеченными типами жилищ ваховские остяки пользуются в местах более или менее постоянного своего жилья, хотя бы и при перекочевках по сезонам года.

Во время же частых скитаний на рыбные промыслы и особенно при дальных и продолжительных зимних поездах на пушной промысел остяки пользуются и более примитивными видами жилья.

На рыболовных промыслах в таких случаях устраивается или нечто вроде русского шалаша, который покрывается берестой или еще проще устраивается некоторое прикрытие из бересты лишь с одной подветренной стороны.

На время же зимних пушных промыслов остяками устраивается нечто вроде конической юрты, покрывающейся в редких случаях шкурами оленя, обычно же хвойными ветками, холстинами. Стенки такой юрты забрасываются снегом.

Применяется и еще более примитивное жилье—яма в снегу, покрытая сверху жердями и хвоей—или шалаш, крытый хвоей и снегом.

Среди нежилых построек, обслуживающих нужды ваховских остяков можно отметить амбар „л а б а з" и юрту—пригон для оленей—это в верхнем плесе Ваха.

„Лабаз"—это особого устройства небольшой амбар для хранения предметов домашнего обихода, одежды и орудий промысла и т. д. Это небольшие, несколько продолговатые амбары от 2 до 2½ м. длины, 1½—2 м. ширины—1—1½ м. высоты. Главной отличительной чертой этих сооружений являются особого рода стойки, на которых устанавливается амбар. Стойки эти (от 4 до 8 стоек) высотою до 1 м. представляют из себя толстое бревно особого устройства, а именно: на расстоянии 30 см. от верхнего конца бревна оно кругом запиливается в глубину под прямым углом на 8—10 см. затем с нижней стороны от этого зареза по направлению к нему затесывается на протяжении до 50—70 см. Стойка таким образом в своей средней части с'уживается, образуя выемку в своей верхней части под прямым углом и получает форму как бы рюмки опрокинутой вверх дном. Это устройство стойки с своей выемкой имеет большое практическое значение; выемка эта крутым зарезом препятствует попадать в „лабаз" грызунам, что предохраняет от гибели хранящиеся там вещи.

В своей передней части лабаз имеет небольшой поднавесик под общей с лабазом крышей и некоторый выступ, настил на тех же стойках.

К этому выступу, как бы крылечку лабаза, приставляется в наклон бревно расколотое повдоль и имеющее на выпуклой стороне зарубины,—это бревно и служит лесенкой лабаза, оно обычно по миновании надобности в нем убирается. Лабаз имеет небольшую, почти квадратную дверку. Лабаз имеет двухскатную крышу, к р ы т у ю по решетнику из жердей или дранок или берестой или тонким накатником, крытым дерном. Лабаз является необходимой принадлежностью каждой юрты—на летних или зимних стоянках и имеет большое практическое значение в жизни остяка, являясь хранилищем всего его достояния, а также нередко и предметов его почитания, прикладов и т. д.

Подобного же рода лабазы устраиваются и на священных местах, где в них хранятся приклады—жертвы молящихся какому либо духу.

Вторым видом нежилых строений остяка является юрта—пригон для оленей—„в е л и - к а т"—юрта оленей.

Она представляет собой обычную летнюю деревянную юрту, куда олени загоняются от „гнуса"—комаров, где, в целях ограждения оленей от комаров, все время поддерживается в разных местах курево.

Пригоны эти встречаются очень редко, мы наблюдали их в верхнем плесе Ваха всего в четырех местах. Отмеченные нежилые строения встречаются, как уже указано, в верхнем течении Ваха. В нижнем же плесе кроме лабазов, которые бывают и здесь, встречаются в зимниках—зимних юртах пригоны для лошадей, иногда имеющие стены из тонких бревен „взабор" и крышу.

Иных каких либо, так называемых, надворных построек или изгородей для двора остяки не имеют.

Из обзора основных видов жилища ваховских остяков следует их определенная градация, как в смысле давности их „бытования", так и в отношении удовлетворения элементарным требованиям человеческого жилища.

Прежде всего в разсмотренных типах жилища мы имеем некоторую последовательность и преемственность от почти первобытной землянки в виде земляной зимней юрты или снеговой ямы при пушных промыслах до жилья, приближающегося чрез целый ряд промежуточных ступеней к русской крестьянской избе.

Наиболее древними видами жилища ваховцев из описанных выше несомненно являются зимняя земляная юрта—„мых-телех-кат" и весенняя коническая берестяная юрта „пурр-кат".

Описание земляной юрты мы встречаем в древнейших былинах остяков Тобольского Севера по материалам известного исследователя остяцкого былинного эпоса С. Патканова. Судя по этим описаниям, ваховская земляная юрта, наблюдаемая нами, мало чем отличается от этой древней былинной юрты, в подтверждение чего и приводим небольшие выдержки из работы С. Патканова: [1])

„главный тип жилищ прежних остяков были землянки. Они назывались просто „домом" („хот", „хат") [2]).

Теперь они вывелись в Тобольском округе и в южной части Березовского и кое где сохранились в его северной части да в Сургутском округе.... Землянки называются теперь—„мыг-хот" земляными домами [3]).

Они предетавляли из себя четырехугольную яму, куда отпускают небольшой деревянный сруб, и имели крышу из жердей, крытых дерном и землей. Крыша была не сплошная, а имела с боку или посредине довольно большое отверстие для выхода дыма и для света. Подобные жилища.... окон не имели. На ночь это отверстие обыкновенно чем нибудь закрывалось, пучком сена, пучком тростника или шкурой.

С одной из сторон землянок был устроен ход, к которому вел ряд ступенек или просто спуск. Вход был защищен небольшой досчатой дверью. Около жилищ находились амбарчики на высоких ножках..... Внутри землянок.... очаг или чувал...."

Таково в общих чертах жилище остяков времен былинного эпоса, а давность его С. Паткановым определяется не менее как 300 лет, т. е. до прихода в Сибирь русских [4]).

Тем же временем (minimum) исчисляется и давность бытования подобного рода жилища, а значит и наблюдаемых и до настоящего времени по Баху зимних „земляных" юрт—„мыг-телег-кат", как они описаны нами выше. Такова сила консерватизма материальной культуры ваховцев!

О подобном же устройстве остяцкого жилища мы находим указания в трудах историка Миллера при описании городка около с. Самарова: „Внутри видны следы двух изб по двум ямам, над которыми те избы до половины в земле и до половины сверх земли из досок были сделаны и землею осыпаны как то в старину у остяков в обык-

---

[1]) С. Патканов. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям

[2]) По ваховскому наречию—„кат"—юрта.

[3]) По ваховскому наречию—„мыг-кат" земляная зимняя юрта

[4]) С. Патканов, Ibid.

новении было." Описывая так подобное жилище, Миллер заключает: „Ныне таких юрт у них весьма мало осталось" [1]). Очевидно Вах в его среднем и верхнем течении является наиболее изолированной областью остяков, так как подобного рода жилища у них не только сохранились, но и являются почти единственным зимним жилищем.

В истории жилища вообще земляная юрта, развившаяся из первобытной землянки или пещеры, является одним из первых моментов перехода кочевого народа к оседлости, хотя бы частичной—на зимнее время [2]). Таким образом из зимних жилищ по Ваху земляная юрта должна быть признана наиболее древней, имеющая своим прототипом землянки и даже пещеры.

Из летних жилищ ваховцев древнейшей формой является берестяная коническая юрта „ӈурр-кат" круглая юрта, которая под именем шалаша некоторыми этнографами признается эмбрионом развития жилища. Шалаш является эмбрионом развития жилища вообще среди кочевников;—„кочевой быт, как и быт охотничий требует частых перемен мест остановки уже поэтому, говорит Н. Харузин [3]), является возможным признать a priori, что первобытная форма жилища должна или быть легко переносимой или по крайней мере легко устраиваемой на новом месте остановки. Шалаш в том и другом виде является формой широко распространенной"...

Из упрощенного шалаша мы получаем конусообразную из жердей юрту, крытую берестой или шкурами животного.

Описания подобного рода юрт мы встречаем у целого ряда путешественников и исследователей Сибири—как например; у Паласса, Миддендорфа, Разлова, Ядринцева, Григоровского и многих других. Все они рассматривают конусообразную юрту, как приближающуюся по своей форме к первобытному шалашу, как более древнюю форму жилища сибирских туземцев.

От этих двух основных видов исходных моментов жилища—первобытного шалаша через конусообразную юрту и от землянки или пещеры через зимнюю земляную юрту, мы далее наблюдаем целую градацию постепенного развития жилища у ваховских остяков в современных нам формах включительно до упрощенного типа русской избы.

Как дальнейшее усовершенствование и развитие круглой берестянки и земляной юрты мы имеем квадратную берестяную юрту „тонтох-кат" с одной стороны и, с другой вначале полудеревянную зимнюю юрту—„пегар-телег-кат" и затем квадратную бревенчатую юрту—„пегар-лук-кат" и, наконец, упрощенную русскую избу—„рутьь-кат".

Одновременно с этим мы наблюдаем и постепенное развитие как отдельных частей юрты, так и вспомогательных, служебных пристроек и построек около юрты.

Отдельные части юрты и ее принадлежности: окна, двери, пол, очаг, дымоход и т. д. развиваются постепенно в соответствии с типом жилища.

---

[1]) Миллер—„История Сибири" стр. 129.

[2]) Н. Григоровский—„Описание Васьюганской тундры". Записи Зап Сиб. О. Г. О. кн. VI—1884 г.

Н. Харузин—„История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России".

Н. М. Ядринцев „Начало оседлости." Литер. Сборн. изд. Вост. Обозр. 1885 г.

[3]) Н. Харузин—Ibid.

Окно, начиная с простого отверстия в крыше юрты, закрываемого зимою льдиной, постепенно видоизменяется—на смену льдине появляется животный пузырь и, наконец, застекленная небольшая рамка.

С изменением формы жилища в квадратной бревенчатой юрте меняется и местоположение окна, оно устраивается не в крыше, а в стене в виде не большего квадратного отверстия, закрытого одним из тех же способов и, наконец, оно получает форму современного окна в русской избе.

То же мы наблюдаем и в отношении дверей. Коническая берестяная юрта имеет двери ввиде небольшого отверстия в стене юрты, закрываемого или приставным куском бересты, или холщевой занавеской.

В квадратной берестяной юрте также занавеска, береста или легкая из драничек дверка. В земляных юртах более тяжелая деревянная дверь, но маленькая, почти квадратная, как бы западня, полунаклонная по линии наклона стенок юрты. В квадратной деревянной юрте уже более продолговатая деревянная дверь и, наконец, в русской избе обыкновенного типа дверь.

Пол во всех видах юрты мы имеем земляной и лишь с переходом к русской избе остяк устраивает и пол деревянный.

Очаг и дымоход точно также градирует в постепенном своем развитии. В круглой юрте очаг посредине юрты просто ввиде кострища, при чем место это ничем не ограждается от остальной площади юрты. В квадратной юрте очаг уже имеет квадратное ограждение в виде невысоких деревянных брусьев по сторонам кострища.

Дымоход как в первой, так и во второй юртах в виде открытого отверстия в крыше юрты.

В зимней юрте мы имеем уже чувал с особым дымоходом. Затем имеем особую глинобитную печь около юрты.

С появлением русской избы наблюдается уже русская глинобитная печь с соответствующим дымоходом.

Та же самая картина постепенного развития наблюдается и в отношении более мелких, второстепенных частей жилья в соответствии с изменением самого типа жилища.

Подобный же ход развития мы имеем и в отношении некоторых пристроек, „надворных" построек остяцкого жилища. Так на зимниках мы наблюдаем простые конусообразные из жердей шалаши для хранения припасов и некоторую защиту из простой загородки из жердей и хвои перед дверьми от снежных заносов. Больше никаких надворных построек здесь мы не встречаем.

В летниках мы имеем амбарчики—„лабазы" на высоких стойках для хранения домашнего скарба и иногда особую загородь бревенчатую с крышей, как бы юрту для оленей.

Лишь с переходом к русской избе остяк начинает устраивать изгородь около дома и некоторые надворные постройки в виде открытых и иногда даже крытых пригонов и амбаров по русскому образцу... Такова в общих чертах градация постепенного развития жилища ваховских остяков, как в целом, так и в отдельных его частях; она строго соответствует общему закону развития жилища, в некоторых своих формах граничит с первобытным жилищем и свидетельствует о необычайном консерватизме материальной культуры ваховского остяка в силу его особой изолированности от других народностей.

В силу такой многочленной градации жилища ваховского остяка и наличия здесь древнейшей формы жилья ваховские остяки в этом отношении представляют известный научный интерес.

IV. ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА И УТВАРЬ.

Предметы домашнего обихода и утвари ваховского остяка строго соответствуют его бытовому укладу и являются продуктом обработки различных видов растительного и животного мира.

Деревья различной породы, их корневища, бересто, кора, гнилушки, травы, кожа, волос и кости,—все это в той или иной обработке, в известной комбинации дает все предметы домашнего обихода ваховца.

Наибольшее значение в домашнем обиходе имеет бересто „тонтох". Прежде всего бересто является, как мы уже видели, построечным материалом для летних юрт, где берестой покрываются стены и крыша берестяной юрты и крыша деревянной юрты.

Береста для этих надобностей в начале лета, когда береза сочится, снимается иногда во всю длину дерева сплошным полотнищем (дерево срубается) шириной 2—3 четверти, смотря по толщине дерева. Верхний, шероховатый покров с бересты снимается и затем береста подвергается обработке для придания ей особых качеств—мягкости и гибкости, для чего береста долгое время особым способом проваривается в больших котлах в кипятке. Береста свивается в толстые свертки, которые и устанавливаются в котле стоймя во всю площадь днища котла. Котел внутри по стенкам, обкладывается пихтовой корой, при чем корье это своими верхними краями значительно выступает выше стенок котла. Приготовленный таким образом котел со свертками бересты заполняется до краев водой. Для того, чтобы береста пропарилась, сделалась мягкой, свертки ее покрываются сверху сплошь мохом, а затем все это завертывают выступающими над котлом концами, упомянутого выше пихтового корья, которым окончательно и закрываются свертки в кипящем котле. Укупоренную таким образом бересту кипятят не менее дня, а иногда и больше. Обработанная таким образом береста получает гибкость и эластичность кожи; легко свертывается, сгибается, хорошо сшивается волосяными нитками и не так хрупка на морозе, не так ломается, как в натуральном виде. Смотря по надобности нешироκие полотнища сшиваются, два—три в одно полотнище шириною до метра и более.

Края полотнища несколько подгибаются и подшиваются. Для скрепления и подшивки берестяных полотнищ употребляется нитка из оленьей (мелко раздробленной) жилы или (по нижнему Ваху) из конского волоса. Такие полотнища хранятся ввиде отдельных свертков и, как мы видели, очень быстро, легко и практично применяются при постройке юрты.

Таже береста в полотнищах употребляется, как брезент для покрытия каких либо продуктов от дождя, клади в лодках и проч.

Далее из бересты изготовляются многие предметы домашнего обихода, как например: черпачки для воды, ведра, люльки и различного рода кузовки, лукошки и проч.

Особого внимания заслуживают изделия из бересты в виде коробов, кузовков и лукошек. Берестяной короб, в котором обычно остяки держат продукты питания—хлеб, сушеную рыбу или мелкие вещи, имеет

цилиндрическую продолговатую форму; вверху короб этот имеет берестяную вкладную крышку.

По верхнему краю короба и в его основании снаружи и внутри он стягивается, как бы обручами из черемуховых дранок—„Кысьве", изготовляемых особым способом, которые пришиваются к бересте таловым лыком. Кузова эти, иногда вместимостью до 10 ведер, употребляются специально для сушеной или толченой рыбы, заготовляемой на зиму в десятках пудов.

Кузовки или лукошки бывают двух родов, одни по подобие русских туясков, другие же имеют квадратную форму с несколько закругленными углами.

Первого рода лукошко—„мальты",—имеет цилиндрическую форму, невысокие до 20—30 см. Стенки лукошка сшиваются из небольшого берестяного полотнища. К полученному таким образом цилиндру пришивается берестяное дно (иногда двойное), упомянутым уже черемуховым лыком „кысьве". В верхней части и в основании стенки лукошко имеет тоненькие обручки черемуховые, которые пришиваются через край очень прочно тоненьким таловым лычком.

Крышка лукошка вставная, она имеет узенький—шириной в два-три пальца ободок в соответствии с цилиндром лукошка, к этому ободку пришивается тем же способом крышка из бересты.

Иногда эти лукошки имеют ременные завязки, или особого рода ременные застежки.

В подобных лукошках держат мелкие домашние вещи, принадлежности рукоделья, хлеб и чайную посуду.

Кузовки второго рода—„ёлен-соган" или куженьки, как их зовут русские, совершенно иного устройства.

Самый кузовок изготовляется из четырехугольного квадратного или несколько продолговатого куска бересты, края которого сшиваются и на углах свертываются, заходя один за другой, в этом месте углы короба прошиваются лычком. Получается таким образом совершенно непроницаемый для жидкостей коробок с несколько закругленными углами. Верхняя закрайна стенок коробка подгибается и прошивается.

Крышка куженьки совершенно особого устройства,—она не только покрывает самый короб—сосуд, но и вмещает его под собой.

Крышка эта состоит из берестяных стенок шириной соответственно высоте стенок самого коробка и пришитой к ним таловым лычком берестяной крышки. Таким образом получается как бы второй коробок, который и надевается сверху на первый.

Кузовки эти, или куженьки—„ёлен-соган"—служат для тех же нужд как и лукошко, но кроме того в них держат и подают к чаю, как лакомое блюдо, рыбий жир и другие какие либо жидкие кушанья, так как нижняя часть кузовка, состоящая, как мы видели, из цельного куска бересты, совершенно не протекает.

Лукошки—„лек-мальты" и кузовки, куженьки „ёлен-соган" являются непременной принадлежностью каждой юрты или вернее, каждой отдельной семейной пары. Между прочим предметы эти обязательно приносит молодая жена в качестве приданного в дом мужа, а также нередко они служат подарками между родственниками. Таким образом они имеют не только большое хозяйственное значение, но и играют определенную роль в семейно-бытовых отношениях остяка.

Наружная сторона лукошек и куженек обычно орнаментирована—украшена различными узорами. Украшения эти—узоры очень разнообразны, как по способу их исполнения,—вырезные, накладные, тисненые, так и по их форме, рисунку и внутреннему смыслу—содержанию, что заслуживает особого внимания, как в смысле этнографическом, так и с чисто художественной стороны, как одна из форм народного творчества остяков.

В тесной связи с изготовлением изделий из бересты, находится изготовление некоторых перевязочных средств, как-то: тонкие ленты из черемуховой древесины, кедрового корня и талового лычка.

Кроме того кедровый корень и таловое лычко идет на изготовление веревок.

Ни конопля—покупная, ни кропива, которые употребляются остяками во многих местах [1]), по Ваху для этой цели не применяются.

„Кысьве" из черемухи изготовляется из молодых побегов этого дерева—не толще пальца, длиной 1—2 метра.

Свежее дерево размачивается и сначала раскалывается на несколько частей, а затем из них ращепляются очень тонкие ленточки, которые для хранения свертываются в кружок, а перед употреблением снова размачиваются.

„Кысьве" из черемух идет на изготовление берестяных лукошек, кузовов в качестве обручей и других связующих средств.

„Кысьве" из кедрового корня приготовляются подобным же способом. Корни кедра собираются летом по обрывистым подмывным берегам рек. Перед обработкой корневища долгое время размачиваются в реке. Корневища расщепляются таким же способом, как и древесина черемухи.

Корневища кедра, как известно, очень извилисты, почему полученные из них ленты требуют еще особой обработки, их необходимо разгладить, для чего применяется очень простой инструмент. Берется продолговатая дощечка, на одном конце которой делается небольшое возвышение с желабком, как бы седельце. Для разглаживания ленты ее постепенно протягивают через это седельце, сильно нажимая на нее острием ножа позади седельца.

Некоторые ленты приходится таким образом пропускать через эту расправилку несколько раз. Обработанные ленты также связываются в кружок и перед употреблением размачиваются.

„Кысьве" из кедрового корня идет на изготовление веревок, на плетение некоторых рыболовных снастей и особых остяцких сундучков—„корневатиков". Корневатики эти имеют различную форму—квадратную, продолговатую или округлую. Крышка корневатика прикрепляется к нему как бы на шарнирах. Плетутся корневатики „в пешку", они отличаются большой прочностью. За последние годы они изготовляются все реже и реже, так что остяки чрезвычайно дорожат имеющимися у них экземплярами.

Лычко—„кысьве" из таловой коры изготовляется проще.

Для этого таловая кора снимантся с дерева во время его „сочения". Содранную с дерева ленту очищают от верхнего слоя и употребляют в дело только внутреннюю часть лыка—таловый луб. Даль-

[1]) С. Патканов—„Тип остяцкого богатыря"...
А. А. Дучин-Горгавич: „Тобольский Север".
Сирелиус „Домашние ремесла остяков и вогулов"—Ежег. Тоб. губ. Муз. 1906 г. в. XVI.

нейшей обработки кроме расщепления на более тонкие ленты не требуется. Хранение и употребление лычка подобное же, как указанно в отношении других видов „кысьве".

Как уже выше упоминалось, из ленточек кедрового корневища и талового лыка остяки изготовляют веревки.

Наиболее упрощенный и почти первобытный способ витья веревок следующий: для витья употребляются очень примитивные орудия колышек и веретено. У колышка в верхнем его конце имеется расщепленная развилинка, а нижний конец заострен. Веретено представляет собой палочку с поперечными брусками по концам.

Работающий, сидя, около себя укрепляет в землю колышек, затем берет два лычка или ленты кедрового корня и свивает их в руках с одного конца. Этот конец, начатой таким образом бичевки, он ущемляет в развилине колышка и продолжает свивание лент, пока не получит желательной длины бичевку, которая постепенно наматывается на веретено. Скрученные таким образом две или три бичевки далее свиваютсл подобным же образом в веревку.

Изготовляются остяками веревки и в три бичевки также заранее скрученные.

Кроме этого, наиболее простого ручного способа витья веревок нам пришлось наблюдать по Ваху и более совершенный способ, очевидно, уже заимствованный в идее от русских, а именно: начало скручивания бичевки, а затем и веревки производится подобным же ручным способом, как описано выше. Когда таким образом скручивается бичевка или веревка длиной до метра и более, то ее начинают накручивать на особый прибор для витья веревки. Этот прибор „юмат-синь"—колесо для витья веревки состоит из стержня—жерди длиной метра 1½—2, на которую с одного конца насаживаются две деревянных крестовины на расстоянии одна от друго до 50 см. оконечности крестовин соединены перекладинами, которые имеют на концах небольшие шпинечки.

Прибор этот своим стержнем устанавливается перпендикулярно на развилинки двух кольев, вбитых в землю. К противоположному от крестовин концу стержня прибора приделывается локтеобразная ручка. В таком положении прибор этот за ручку вращается как колесо, при чем веревка постепенно наматывается на перекладины соединяющие крестовины прибора, а части веревки или, вернее, бичевки или лычко, еще не поступившие на эти перекладины, при вращении прибора при этом быстро и прочно свиваются. Противоположный конец бичевки или лычка постепенно спускается из рук одного из работающих, а другой вращает прибор.

Этот прибор—„юмат-синь" является несомненно значительным прогрессомв технике изготовления веревок ваховскими остяками, как в смысле быстроты и продуктивности работы, так и в отношении прочности скручивания веревки.

Веревки из ленточек кедрового корневища или талового лычка—„синь-тонтох" в очень большом ходу в домашнем обиходе остяка, на промыслах и особенно при рыбном промысле различными ловушками и сетями, где подобного рода веревки, по мнению остяков, оказываются более практичными, чем обычные покупные веревки, которые, хотя и изредка, но все же встречаются по Ваху.

Вышеприведенный способ витья веревок посредством вращающегося прибора—„юмат-синь", как позаимствование у русских оче-

видно сравнительно недавнего происхождения, и очень редко встречается и, например, известный исследователь быта остяков и вогулов И. Д. Сирелиус в своих работах, при описании домашних занятий остяков, останавливаясь на изготовлении остяками веревок более упрощенными способами, совершенно не упоминает описанного нами способа [1]). Очевидно остяки вообще и ваховские в частности в его время еще не знали этого прибора „юмат-синь".

Переходим к описанию некоторых видов самодельной посуды. Из самодельной посуды можно отметить деревянные долбленые чашки, корытца, ступки для соли, ведра из бересты и вырезные деревянные ложки, черпаки, хотя должно заметить, что некоторые из этих предметов, как, например, ведра нередко заменяются уже покупными.

Долбленая деревянная, продолговатая чашка—„анах" является непременной принадлежностью хозяйства—она служит хлебальной чашкой, из которой едят уху или вареную рыбу, а также в ней заводится тесто.

Берестяное ведро делается из целого куска бересты также, как и кузовок, куженьки,—ёлен-соган", т. е. края бересты завертываются на известной широте, составляя стенки ведра, и на углах эти края заходят один за другой, где и сшиваются „кысьве"—лычками.

Получается четырехугольный, с несколько округленными углами сосуд, непроницаемый для воды, закрайны его подшиваются.

Ведерко это имеет деревянную ручку.

Особенное распространение имеют деревянные вырезные ложки и черпаки для вычерпывания рыбы или рыбьяго жира из котла.

Ложки и черепаки—„люй" эти бывают различной величины, начиная с обычной крестьянской деревянной ложки и, кончая черпаком в диаметре до 20 см. Ложки эти представляют собой округлую деревянную плоскость, слегка углубленную с толстыми закрайнами и длинной ручкой. Ручка иногда имеет рельефную резьбу и даже сквозные прорези в рисунок, являясь таким образом предметом, так называемого, бытового искусства.

В связи с этими предметами должно отметить особый чайный или обеденный столик—„пйсан" Это небольшой столик длиною до 50 см., шириной 30 см., на четырех коротеньких ножках—до 10 см. Этот столик также является непременной принадлежностью семьи, так что сразу по количеству столиков в юрте во время чая можно определить сколько здесь семей. Чайная и обеденная посуда споласкивается водой и вытирается особой вехоткой из древесных стружек—„чивак".

Такими же стружками вытирают руки и лицо. „Чивак" изготовляется из промерзшей древисины черемухи или рябины, когда она несколько оттаивает, отходит. Стружек этих заготовляется масса. Получается таким образом очень гигиеническое „полотенце", так как после употребления кусок „чивака" обычно бросается и каждый раз берется новый, изредка „чивак" заменяется мохом.

Для приготовления нюхательного табака употребляется небольшая деревянная, долбленая ступка „лувн-ругота-кёгыл"—„ступка молоть табак". Это небольшая, круглая из цельной чурки ступка в диаметре до 10 см. глубиной до 10 см. Табак толчется или, вернее, раз-

[1]) И. Д. Сирелиус—„Домашние ремесла остяков и вогулов" (с немецкого (Ежег Тоб. Губ. Музея—1906 г. вып. XVI.

малывается большим деревянным пестиком—„юх"—(дерево). Длина и тяжесть пестика обусловливает нажим, силу давления при работе.

Женщины для мелких принадлежностей рукоделья имеют или небольшие лукошки—„мальты" или специальные рукодельные сумочки—из оленьей кожи или шкурки неплюя—оленьяго теленка; стенки этой сумки бывают расшиты в узор нашивками оленьей шкурки, разных тонов, также украшены бисером или бусами—форма таких сумочек приближается к устройству саквояжа.

В связи с некоторыми изделиями из бересты, а также с изготовлением обуви стоит употребление ниток из волос конского хвоста или из сухожилий оленя.

Нитки из лошадиной гривы или хвоста вьются с золой из трех волосков на обнаженной коленке—„вäрес-синь-тонтох"—„волосяная нитка для бересты"—употребляется для шитья изделий из бересты, берестяных полотнищ для юрты.

Нитка из сухожилий оленя употребляется для шитья верхней зимней одежды из оленьяго меха и обуви из оленины, а также полотнищ бересты—„токтох".

Для изготовления таких ниток сухожилия оленя сушаться, затем расщепляются ножом и, наконец, разбиваются на тончайшие нитки деревянной колотушкой Полученные таким образом тончайшие волокна расчесываются деревянным гребнем и затем из них вьются нитки тем же самым способом, как и из конского волоса. Получается чрезвычайно крепкая нитка.

Умеют остячки прясть и льняную нитку из готовой купленой кудели. Для прядения нитки употребляется особый прибор, как бы веретено, который состоит из круглого стержня длиной 12—15 см. Пряжа идет из куженьки через особый крючек продольного бруса в юрте, спускается с него и здесь накручивается на стержень веретена, которое быстро вращается в воздухе все время двумя пальцами мастерицы. По мере скручивания, нитка наматывается на веретено выше дощечки, затем закрепляется на конце стержня, затем продолжается скручивание следующей части нитки, которая идет из куженьки вверх через крючек и вниз. Таким образом здесь мы имеем своеобразную прялку.

Далее необходимо отметить, что не менее видную роль в жизни остяка играют и такие простые предметы, как рыбные отбросы, камыши, древесная кора, некоторые травы и даже гнилушки.

Рыбья шелуха, кожа и кости заготовляются для выварки очень крепкого рыбьяго клея.

Для изготовления клея эти отбросы долгое время кипятятся в котлах с некоторой примесью воды.

Получается сероватая мутная масса—клей, который для сохранения „впрок" сливают на деревянную доску, где он и застывает. Потом его разрезают на куски и так сохраняют.

Перед употреблением клей необхдоимо растопить, для чего кусочки клея кладут в берестяную воронку, вставленную одной стороной в расщелину деревянного колышка. Эта воронка и устанавливается у легкого огня, пока клей не растопится. Этот клей отличается большой клейкостью и имеет широкое применение в обиходе ваховских остяков. Так он идет на скрепление отдельных пластинок, из которых делается „составной" лук, для склеивания музыкальных инструментов, подклейки к лыжам шкурок и т. д., а также этим клеем протирается,

пропитывается тетива лука, струны домбры для придания им упругости.

Идет в употребление очень часто и камыш, из которого остяки плетут коврики циновки—„нарва-пям" для подстилки под постель из оленьих шкур.

Циновка эта плетется на весьма примитивном „станке", на жердочке, положенной на развилки двух деревянных кольев, вбитых в землю.

Жердочка эта имеет во всю длину поперечные желобки, через которые перевешиваются лыковые бичевки, имеющие на концах некоторый груз—деревянные небольшие чурбашки. Эти бичевки и являются одним из основных элементов будущей циновки.

Вторым составным материалом циновки является камыш.

Для плетения циновки повдоль указанной выше жердочки, а значит и поперек перекинутых через нее бичевок кладется пучек камыша и затем бичевки, высящие с двух сторон камыша перекладываются в обратные стороны—получается переплет камыша бичевками, затем опять кладется пучек камыша, перевивается тем же способом бичевками и так далее, пока не получится циновка определенной ширины. Остающиеся свободными по концам циновки, оконечности камыша сплетаются вместе ввиде закрайны циновки.

Нередко встречается циновка в рисунок,—темными полосками, в клеточку или шахматами. Достигается это вплетением в соответствующих направлениях в общую массу материала, из которого работается циновка, талового лыка или камыша, предварительно долго выдержанного в болотной почве до черна.

Более сложных способов плетения циновок, известных иртышским, нижне-обским остякам [1]), ваховцы не знают, да и этот способ плетения знают не все.

Далее необходимо упомянуть некоторые травы, имеющие обиходное значение для остяка.

Трава осока—„песлих-пăм", чесаная деревянным гребнем, употребляется, как онучи в зимней обуви, прекрасно предохраняя ноги от холода и сырости.

В тех же целях употребляется трава пырей—„кун-пăм", из нее делаются стельки в зимней обуви.

И, наконец, гнилое дерево и то идет в дело у остяка; стружки из гнилушек служат подстилкой „тэв" для ребенка в люльке, она прекрасно впитывает в себя влагу. Далее, те же стружки насыпаются в меховые рукавицы и чулки зимой для предохранения рук и ног от холода.

Из „березовой губы"—„сугма-сянек" делается „трут"—для добывания огня посредством кремня и огнива.

Этот способ добывания огня и теперь имеет большое применение у остяков в силу особых бытовых условий их жизни, особенно во время их промысловых кочевий, когда спички нередко отказываются служить вследствие их отсыривания.

Переходим к ознакомлению со способом и материалом окраски.

Красящие вещества остяки получают также из окружающей природы, из органических веществ самым примитивным способом; так, для окрашивания оленьей кожи, холстин или сетей употребляется кора лиственицы или черемухи.

---

[1]) Спрелиус.—„Домашние ремесла остяков и вогул „Еж. Тоб. Муз.—1906".

Для получения краски приготовляется из коры густой отвар путем кипячения, в который прибавляется для закрепления окраски зола из пережженой березовой губы. Получается очень прочная окраска, долго не выцветающая. Лиственичная кора дает светло-коричневую окраску, черемуховая более темную. Иных способов окрашивания, как напр. корнем подмаренника, нередко встречающегося у других остяков и русских крестян, ваховские остяки не знают.

В связи с описанием красящих веществ стоит вопрос о малом запасе слов, обозначающих цвета у остяков и вообще у северных туземцев, или даже о их неспособности различать некоторые цвета один от другого. Этой крайней точки зрения придерживается Миддендорф, об'ясняя незначительный запас слов для обозначения цвета, так называемой, „ахраматопсией" или цветовой слепотой.

Упомянутый уже выше Сирелиус, возражая Миддендорфу, однако же указывает, что остяки располагают всего лишь четыремя словами для обозначения отдельных цветов, а именно: белого, черного, красного и зеленого. Остальные же цвета они обозначают описательно, в подтверждение чего автор приводит любопытный опыт с одним остяком устья реки Ваха. Одного остяка, говорит Сирелиус, [1]) из области устья Ваха, где жители остались вообще на степени прямо первобытной, спросили о цвете зеленого воротника кафтана; он указал на тождество этого цвета с цветом желчи рыбы. Зеленовато-голубой коробке он приписал цвет неба. Светло-зеленое он определил, как цвет молодой травы, а серовато-коричневое, как окраску коры березы и т. д.

Из приведенных примеров можно с достаточной очевидностью сделать вывод, что остяки хорошо различают оттенки цветов, хотя и не имеют для них специальных названий.

Здесь, кстати, мы можем отметить, что нам удалось записать по Ваху, помимо отмеченных выше Сирелиусом, еще названия цвета синий—„вӑрты" и желтый—„помм-той". О их способности различать цвета и даже довольно тонкие переходы говорит и искусство бисерного шитья (по Ваху это искусство теперь уже встречается редко), где мы видим самые различные тона, помимо отмеченных Сирелиусом, как уже наиболее освоенные остяками и кроме этого, эти тона мы имеем не в случайном сочетании, а подчиненными определенному художественному чутью.

Бедность же слов, обозначающих цвета, об'ясняется вообще бедностью языка остяков и вообще северных туземцев в соответствии с их культурным уровнем.

Так, ваховцы не имеют слов для обозначения многих понятий, имеющих первостепенное значение в их жизни, как например: у них нет даже такого слова как „промысел", а они говорят „ваях-кенте", „зверя ловить". Понятие о разводе они выражают описательно—„расходись в разные строны"—„селя-мен-секам" и т. д.

Таким образом и в интересующем нас положении мы имеем лишь недостаток слов, бедность языка и отнюдь не явление „ахраматопсии" или цветовой слепоты.

Возвращаемся к описанию предметов домашнего обихода.

---

[1]) Сирелиус—„Домашн. ремесла остяков и вогулов" (пер. с нем.) Ежег. Тоб. Г. Муз." вып. XVI—1906 г.

Здесь остается отметить, что предметы собственного кузнечного производства ваховских остяков уже не употребляются кроме ножей из подпилков, обломков литовки и железных наконечников стрел из железных обломков, кровельного железа и так далее.

Кузнечное ремесло отошло в область преданий, покупные предметы вытеснили собственное производство.

Литье точно также уже не встречается по Ваху и оловянным и медным литьем, оставшимся от прежних времен. ваховцы чрезвычайно дорожат.

Ножи „кочик" имеют различную форму, но в общем надо заметить, что остяцкие ножи собственной выработки отличаются по сравнению с покупными или вообще русскими крестьянскими подобного же рода ножами более узким лезвием и что, особенно характерно, одна из сторон лезвия, если нож двухсторонний, выковывается круто выпуклой. Эта сторона служит для обстругивания дерева.

Ручка ножа делается из древесного корня или рога оленя.

Иногда ручка обшивается кожей, украшается жестяными накладками, гвоздиками с медной шляпкой. Изредка ручка ножа, предназначенного для женщины, украшается подвесками из бус.

Ножи носят в деревянных ножнах „сатев", привязанных особыми ремешками к поясу. Делаются ножны, составные из двух пластинок с выемкой в них соответственно форме ножа. Ножны обычно украшаются резьбой по их стенкам, накладками из жести, меди или обкладываются кожей. В недалеком прошлом ножны прикреплялись к поясам, украшенным бисером или металлическими накладками. Теперь по Ваху таких поясов уже не встречается.

В заключение необходимо отметить некоторые самобытные орудия обработки дерева.

Сюда должно отнести долотья, рубанки и коловорот.

Для выдалбливания обласков употребляется особого рода долото или пазник—„сугол" с изогнутым полукругом лезвием. В заднем конце долота имеется трубка, в которую и вставляется деревянная рукоятка своим небольшим отростком под прямым углом.

Рубанки, „волтав", которыми обстругивают, сглаживают дерево по Ваху встречаются двоякого рода.

Для небольших работ,—для обстругивания шестиков, древка стрелы и т. д. остяки пользуются упрощенным, легким рубанком, который представляет собой сделанный из дерева или оленьяго рога желобок длиной 10—15 см. шириной 3—5 см. с округлой обратной стороной.

Желобок этот имеет на округлой стороне поперечные прорези насквозь. При обстругивании дерева в эту прорезь вставляется лезвие ножа, которым и обстругивается дерево, при чам форма желобка предопределяет округлую форму обрабатываемого дерева.

Для обработки более крупных предметов употребляется иного рода рубанок—„волтав", который состоит из деревянной рукоятки и узкого лезвия ножа без ручки.

Рукоятка—это немного выгнутая дощечка с округло-продолговатым отверстием. К выпуклой стороне этой рукоятки повдоль отверстия укрепляется изогнутый нож с таким рассчетом, чтобы лезвие его несколько отступало от линии выпуклой поверхности рукоятки. Лезвие ножа обоюдо-острое. Работа таким рубанком производится также, как и обычным русским рубанком.

Коловорот представляет собой довольно остроумный аппарат на подобие прибора, которым первобытный человек добывал огонь путем быстрого вращения острия дерева о поверхност другого дерева. Коловорот этот состоит из рукоятки, ремешка и лучка. В нижней части круглой рукоятки имеется отверстие, в которое продевается ремешок, а на верхнем конце рукоятки подвижная катушка. Ремешок дважды опоясывает нижнюю часть рукоятки, а концами своими привязан к оконечностям лучка. При работе коловоротом в левой руке держат катушку, вращающуюся на стержне рукоятки, а правой двигают быстро лучек взад и вперед, отчего рукоятка с железным лезвием на конце вращается.

Этими видами орудий обработки дерева и исчерпываются наблюдаемые нами по Ваху самобытные орудия; другие же орудия, как топор, пила, долото и проч. обычно бывают покупные.

Заканчивая этим описание предметов домашнего обихода, утвари и орудий обработки дерева, нельзя еще раз не отметить поразительной их примитивности и почти совершенной первобытности некоторых из них, но в то же время нельзя не признать, что все эти предметы отличаются практической целесообразностью в общем примитивном укладе жизни остяка.

Практическая изобретательность на ряду с крайней простотой орудий и материалов. терпеливое выполнение всех мелочей в работе, стремление использовать местные продукты для хозяйственных нужд—вот что мы можем наблюдать при ознакомлении с предметами домашнего обихода ваховского остяка.

V. ПИЩА.

Пища ваховских остяков определяется, как и другие моменты их жизни, условиями физико-географическими, историко-культурными. Те и другие условия определяют собой как самые продукты пищи, так и их обработку—изготовление пищи.

В отношении основных продуктов питания должно сказать, что в соответствии с природными условиями края главным продуктом питания является рыба, второе место занимает мясо, и третье растительная пища—хлеб и очень редко ягоды.

Все сорта промысловой рыбы по Ваху идут и в домашнее потребление—сюда относится щука—„сарт", окунь—„ёг", язь—„аграненке", под'язок—„кул-мог", (рыба—детеныши), чебак—„кильси", налим—„сёх", карась—„мугы", елец—„мюгтек", ерш—„ярых", очень редко встречается нельма—„саман-кул".

Способ приготовления рыбы для пищи довольно разнообразный.

Рыба употребляется вареной, вяленой, сушеной, сырой, поджареной, мороженой и, наконец, толченой в виде порошка.

Сырая рыба—„кярек-кул" употребляется летом и зимой.

Очень часто свежую рыбу летом только что пойманную едят так: потрошат, срезают голову, затем насаживают рыбу срезанным местом на деревянный колышек, воткнутый в землю. Установленная таким образом рыба очищается; с нее целиком, распоротая лишь по брюшку, снимается кожа, после чего постепенно тонкими длинными пластами во всю длину рыбины срезается мясо. Обрабатывается рыба таким образом очень искусно, остаются от нее одни кости—скелет целиком. Срезанные одна за другою ленты рыбьяго мяса без соли

едятся таким способом: берут конец такой ленты—пласта в рот, поддерживая левой рукой, а правой обрезают кусочек рыбы ножем снизу вверх,—затем берется в рот опять конец ленты обрезается и т. д. проделывается это чрезвычайно быстро.

Зимой употребляют сырую рыбу главным образом мороженую—„патам-кул"; едят ее, срезая мясо пластами. Употребляют остяки и строганину, т. е. замороженную рыбу, мясо которой строгается ножем повдоль тонкими пластиками, как бы стружками. Строганина употребляется как лакомство перед чаем.

Сырой и мороженой идут в пищу главным образом крупные сорта рыбы—щука, налим, иногда нельма.

Вареная рыба употребляется всякая—мелкая и крупная.

Варят в железных котлах. Для варки крупная рыба очищается от кишек, а чешуя обычно не снимается, мелкая же рыба варится совсем неочищенной. Рыба варится слегка, особенно ее не проваривают. Когда рыба скипит, ее черпаками вынимают в деревянную чашку или куженьку (берестяный сосуд) и едят; самую же уху в большинстве случаев не едят. Более вкусной наварной считается уха из свежей, живой, неочищенной рыбы—„ыляв-кул-некар-инк"—„уха из свежей рыбы". Неочищенная с рыбы чешуя действительно дает особый навар.

Приготовляется также уха из рыбьих головок, которые обычно запасаются впрок, при сушке рыбы. Наконец, варится уха из сушеной рыбы—„пянтем-кул-некар-инк" и толченой рыбы—„порсы". В котел с кипящей водой кладут сушеную рыбу или порсу, без соли и, немножко поварив или вернее только разварив—размягчив таким образом сухую рыбу, едят ее:

Сушеная на солнце рыба, позема—„пянтем-кул" приготовляется так: свежая рыба потрошится, распластывается вдоль, не нарушая однакоже спинки рыбы, так, что обе ее половинки потом опять соединяются. Затем рыба надрезывается ножем с внутренней стороны поперек во всю ширину полосами чрез 1 см., и несколько пошире повдоль. Получаются таким образом квадратные надрезы по всей распластанной рыбе, в каком виде она и сушится на солнце на особых шестах—сушилках.

Приготовленная таким же способом рыба, несколько подсушеная на солнце, затем подвяливается на особых щитах—сушилках на легком огне на кострищах—получается вяленая рыба.

Жареная рыба—„тэр-кул"—приготовляется следующим образом очищенная от потрохов, рыба насаживается с хвоста на вертело и поджаривается у костра: мелкая рыба поджаривается целиком, крупная кусками. Поджаривается рыба довольно слабо; хорошо прожаренную рыбу остяки не любят—не так сочная. Мелкая рыба насаживается на вертело через бочек в количестве 10—20 рыбок. Получается то, что известно у нас в народе под именем „сорок душ на палочке.— Такая рыба, слегка поджареная, затем подвяливается на сушилках на слабом огне: эта рыба заготовляется в прок в большом количестве. Головки от такой рыбы обычно отделяются и засушиваются особо; они, как мы видели, идут потом на варево.

Эта же поджареная и сушеная рыба кроме того идет и на изготовление особого рыбного продукта—порошка, муки из рыбы „тюнь" или, как его называют русские в Сибири „порса".

Приготовление порсы—„тюнь": мелкая рыба очищается, потрошится, головки отделяются и рыба поджаривается на вертеле, затем она делится на части, очищенные от крупных костей, и мелкими кусками подсушивается на особой сушилке на кострище—„кул-пянельте-леме"—„рыбу сушит сушилка".

Сильно подсушенная рыба далее толчется в порошок деревянным пестиком в особом корыте—„пют-семете-юх-куро—„рыбу толочь деревянное корыто".

Корыто это—„юх-куро"—(деревянное корыто) выдолблено из колодины длиной 1—1½ м., шириной 30—40 см., глубиной 20—30 см. Деревянный пестик длиной до 1½ м.м. рукоятка длиной до 1 м.м. и затем самый пестик клинообразной формы, ширина клина до 20 см., конец пестика тупой. Толкут рыбу таким пестом стоя, держа пестик двумя руками.

Сушилка для просушки рыбы—„кул-пянельте-леме" представляет собой на стойках настил длиной до 3 мм. шириной 1 м. с кромками из досок высотой до 20 см.

На стойках высотой до 70 см. кладется настил из тальника, т. е. переплет из тонких сосновых дранок. Рыба рассыпается на этот настил и подсушивается на легком огне. На всю длину жильника под ним из длинных лесин раскладывается костер, на котором поддерживается легкий жар, но без огня.

Сушится рыба таким образом день, два. Над жильником устраивается легкий навес, крытый берестой.

Истолченую порсу просушивают на том же жильнике с берестяной подстилкой, затем ее ссыпают в большие берестиные кузова, или куженьки, где она и хранится. В среднем на семью заготовляется кгм. 100—150—„тюнь".

Для получения 16 кгм. порсы идет 60—70 кгм. сырой рыбы.

Заготовляется порса также из одних рыбьих головок специально для замешивания на ней хлеба; рыбные головки, а значит и порса из них содержит больше жиру.

Порса имеет большое применение у остяков; едят ее с чаем вместо хлеба варят похлебку, едят перемешанную с сушеной ягодой, как лакомое блюдо и, наконец, пекут заведенный на ней хлеб.

Порса очень удобна, как продукт питания, в смысле заготовления ее впрок, ее хранении и особенно удобна при кочевках на промыслах, где она очень легко и быстро дает горячую пищу и заменяет хлеб. Поэтому заготовление порсы занимает видное место в жизни остяка; это своего рода „страда", когда все от детей до дряхлых стариков принимают то или иное участие в этом деле. Заготовка „порсы" происходит в июле месяце.

Теперь позволим себе остановиться на отдельных частях рыбы, идущих в пищу или на другие домашние потребности.

Наиболее лакомыми частями рыбы считаются брюшко и потроха, которые часто особо вырезаются и с'едаются сырыми. Ими, как лакомым блюдом, нередко угощают гостя.

Икра „мярек" занимает в питании остяка также немаловажное значение. Икра—обычно выделяется и сушится кусочками. Связанная нитками в пучки она в таком виде подвешивается где нибудь под крышей юрты, где и хранится. Сушеную икру толкут, размачивают водой и на полученной из нее жиже заводят хлеб—„пянтем-мярек-нянь"—„сушеной икры хлеб".

Заводят хлеб и на сырой икре. Кости рыбы, головки и кишки не всегда бросаются. Головки, как мы уже видели, идут на порсу специально для изготовления на ней хлеба.

Кроме этого головки, кости и кишки идут на выварку рыбьяго жира.

Для приготовления жира—„в о й" в большой котел кладется масса из рыбьих кишек, головок и костей; масса эта несколько предварительно заквашивается и в таком виде кипятиться на большом огне, в продолжении нескольких часов. Вытапливающийся из этих отбросов рыбий жир, постепенно снимается большими деревянными черпаками—„л ю й". Рыбий жир хранится в куженьках и имеет большое значение в питании ваховских остяков. Вываривается жиру до 30—40 кгм. на семью.

Жир этот едит с чаем ложками и помакивают в него кусочки хлеба, поливают жиром вареную рыбу, подливают в порсу, в тесто и, наконец, поджаривают на нем лепешки или варят в нем хлебные колобки и кусочки. Этот продукт является в питании остяка единственным жировым продуктом, так как покупное масло употребляется очень немногими и в ограниченном количестве и то непосредственно после ярмарки, когда остяки его покупают.

Лакомым блюдом также считаются щучьи и язевые кишки. Кишки варятся, вынимаются из котла и затем обливаются рыбьим жиром и в таком виде потребляются.

Засаливают рыбу остяки лишь для сбыта на ярмарке, сами же соленую рыбу почти не употребляют.

Приведенные примеры приготовления рыбы, несомненно не исчерпывают всех возможных способов заготовки и потребления рыбы, но они в достаточной мере характерны, своеобразны и отличаются практической целесообразностью в довольно примитивных бытовых условиях остяка.

Одна из характерных особенностей приготовления рыбы—это полное отсутствие каких-либо приправ и очень редкое употребление соли.

Мясная пища в питании ваховских остяков не играет большой роли,—имеет место лишь изредка в случае удачной охоты и особенно во время пушных промыслов.

Мясная пища—„н о г о"—(„м я с о") состоит почти исключительно из дичины; домашних животных кроме оленей ваховцы не имеют, а так как оленей мало, то их закалывают для пищи в исключительных случаях.

Из дичины употребляют оленя, сохатого, медведя, белку, зайца; из птиц всю водяную птицу, за исключением гагар, чае«—„мартышек" и, наконец, всю, так называемую, красную урманную птицу—глухаря, т,етеревей, рябчиков и т. д.

Способы приготовления мяса менее разнообразны по сравнению с приготовлением рыбных блюд.

Мясо употребляется в различных видах—сырое, вареное поджаренное и сушеное. Готовятся из мяса и похлебки.

Если все описанные способы приготовления рыбы нам приходилось наблюдать по Ваху непосредственно, то с приготовлением мясных кушаний мы встречались на нашем пути всего лишь несколько раз, почему позволим себе остановиться на этом кратко и притом пользуясь главным образом распросными сведениями.

Любимым сортом мяса у остяков считается мясо дикого оленя.

Домашний олень ими расценивается в этом отношении уже ниже, так как дикий олень прежде всего имеет специфический вкус дичины, а затем он считается чище домашнего оленя, который подбирает, ест отбросы и нечистоты около юрты.

Сырое мясо оленя—„н о г о - в е л и" (мясо оленя) употребляется как лакомство тотчас после убоя; мясо вырезается пластами из ляшек, разрезается на кусочки и без всяких приправ потребляется.

Также во время убоя и непосредственно за ним употребляют кровь, которая собирается в сосуды и затем частью остяки пьют ее в сыром виде, частью же приготовляют ее различными способами. Так из крови изготовляется колбаса—„в е р - с о л"—(кровь-кишка), для чего кровь наливается в кишку, оконечность которой завязывается ниткой и в таком виде варится в котле до сгустка крови. Затем свежую кровь варят в котле с мукой—„в е р - ч о к к а"—(кровь-каша); кровь проваривается до сгустка и получается таким образом кашеобразная масса. На свежей крови заводится также хлеб.

Особо лакомым блюдом считаются некоторые отдельные части из оленины, как например: мозги, язык, носовая часть—ноздри и мясо повдоль хребта.

Первые три части обычно употребляют в вареном виде, а последнюю, т. е хребтовое мясо или сырым или жареным на вертеле.

Кишки распарываются, подвяливаются на солнце, а затем начиненные салом, варятся—„когартем-польты"—(вареное сало в кишках).

Мозги костные иногда едят сырыми, разбивая кости обухом топора или камнем;—как это приближает ваховского остяка к первобытным временам—способ употребления костного мозга и его добыча однородны

Вареное мясо занимает уже второе место после указанных кушаний. Мясо варится в воде обычно без всяких приправ, не доваривается несколько, так что из него сочится кровь. Самый бульон употребляется редко и его в таком случае пьют чашками, запивая, с'едаемые при этом кусочки мяса.

Приготовляется оленье мясо и вяленым—„с у н г а - п я н е л ь т е н о г о"—(на солнце вяленое мясо); мясо вырезывается из оленины продолговатыми тонкими пла́стами и развешивается на особых жердочках на шестах.

Подвяленое мясо нередко затем поступает на особые сушилки над костром, где из него получается уже сушеное мясо—„п я н е л ь т е н о г о"

Приготовляется остяками также и мясо копченое—„п я н е л ь т е т у г у н а - н о г о"—(копченое на огне мясо), для чего мясо, нарезанное продолговатыми ломтями, подвешивается над легким кострищем, дающим дым.

Жарят оленье мясо на кострах на вертеле.

Тоже в общих чертах можно сказать и относительно употребленя мяса сохатого лося—„н о г о - к ю х" (мясо лося).

Здесь необходимо заметить, что глаза и сердце этих животных в пищу не употребляются, а сжигаются по мотивам религиозным; в том и другом органе по верованиям остяков, обитает дух животного.

Водяная и урманная птица—„т о г л а н - в а я х"—(крылатый зверь) идет почти исключительно на варево. Очищенную от пера птицу потрошат особым способом через надрез около горла, вытягивая таким образом с горлом внутренности. Затем делаются надрезы по бокам.

Водяная птица иногда идет в засолку.

Совершенно особо стоит в смысле потребления у ваховских остяков мясо медведя—„в о г о - и х".

Прежде всего мясо медведя поступает в пищу лишь после целого ряда ритуальных актов, после сложного религиозно-общественного акта, так называемого медвежьяго праздника, подробно о чем говорится в дальнейшем.

О способах приготовления медвежатины можно сказать следующее:

Прежде всего остяки никогда не едят сырое медвежье мясо и не употребляют ни в каком виде медвежьей крови.

Не едят также сердце медведя и глаза, так как в них и в крови по воззрениям остяков дух медведя, а медведь, как известно, у остяков обоготворяется. [1]).

Медвежье мясо приготовляют почти исключительно вареным, при чем, если оленину остяки не доваривают, то медвежатину варят настолько, чтобы она отнюдь не отзывала сыростью, кровью.

Помимо этого медвежатина употребляется сильно провяленой и сушеной, тем же способом, как и солонина.

О способах употребления медвежьяго мяса остяки вообще говорят чрезвычайно неохотно, избегая называть медведя его именем „их", упоминая о нем лишь в третьем лице—„он", „у него" и т. д.

Все это об'ясняется особым представлением остяков о медведе, его исключительным положением в их общем мересозерцании.

Мясная пища ваховских остяков, как занимающая незначительное место в общем их питании, отличается меньшим разнообразием по способам приготовления, и не запасается в большом количестве „впрок".

Из растительной пищи главное место в питании остяка занимает мука, изредка крупы и, как редкое лакомство, сырые или сушеные ягоды.

Никаких огородных овошей ваховский остяк еще не знает.

Муку остяки получают в обмен на пушнину в факториях.

Употребление хлеба—„нянь", как полагает С. Патканов, позаимствовано остяками от зырян, у которых взято и слово „нянь", где оно произносится более твердо—„н а н". Во всяком случае с хлебом остяки были знакомы до прихода в Сибирь русских, как это видно из былинно-остяцкого эпоса [2]).

Способы приготовления хлеба—„н я н ь" довольно разнообразны при чем можно отметить, что господствует хлеб пресный, кислый встречается вообще изредка, более часто в нижнем течении Ваха.

Хлеб заводится различно—на воде и на рыбном бульоне (ухе), на икре и, наконец, на крови.

Затем следует различать хлеб печеный, поджареный и вареный.

Хлеб приготовляется так: в плоскую деревянную, долбленую чашку—„а н т а в" насыпается мука, кокорая и замешивается руками и большой ложкой и в большинстве случаев на воде с примесью икры,

---

[1]) Н. Гондатти—„Культ медведя у зап. сиб. инор."—Тр. Эти. о. О. А. Е., А. Э. т. VIII—1887 г.—Михайловский-Шаманство. Дунин-Горкавич—„Тоб. сев."—Н. Ядринцев—„О культе медведя у сев. инор."—Эти. Об. IV—1890 г. Харузин—„Этногр."—т. IV—Верование. Шульце—„Салымские остяки"—Зап. Тюм. общ. из. кр.—в. I—1924 г.—Шатилов—„Остяко-Самоеды и Тунг. При нарымск. района". „Тр. Т. К. М.—т. I—1926 г.

[2]) С. Патканов.—„Тип остяцкого богатыря"....

для чего сушеная или свежая икра растирается на воде до жидкого состояния.

Когда тесто таким образом готово, оно частями выкладывается на знакомый уже нам, чайный столик—„писан" и здесь раскатывается руками в круглую лепешку толщиной пальца в два—три, затем лепешки эти посыпаются мукой и протыкаются во многих местах заостренной палочкой. Мука иногда просеивается сквозь грубое берестяное сито.

Хлеб таким образом готов и его начинают печь; для этого разгребается кострище и хлебы кладутся в раскаленную золу, засыпаются сверху золой и закладываются кострищем.

Через некоторое время, достаточное для легкой выпечки хлеба, кострище вновь разгребается и хлебы вынимаются, очищаются от золы, утлей. Затем на некоторое время хлебы ставятся рядом около костра, где они окончательно пропекаются.

После этого хлебы вновь очищаются от золы, если есть загоревшие части, они очищаются ножем, и, наконец, хлебы омываются водой, после чего несколько подсушиваются на руках у костра.

Хлеб получается не всегда достаточно пропеченый.

Таким образом готовится печеный хлеб—„поруй-нянь" („в золе печеный хлеб").

Подобным же образом заводится и печется хлеб на рыбном бульоне—„кул-инк-поруй-нянь", а также „на икре"—„мярен-поруй-нянь"—(на икре печеный хлеб) и на свежей крови оленя—„вер-поруй-нянь" (на крови печеный хлеб) и на порсе —„тюнь-поруй-нянь" (на порсе печеный хлеб).

Из заведенного подобным же способом теста иногда поджаривают или варят лепешки. Тесто раскатывается на столике в лепешку толщиной в палец и режется квадратиками до 10 см., которые затем и кипятят в воде, при чем получается, так называемый, вареный хлеб—„когорта-нянь". Лепешки эти иногда поджариваются на сковороде, которая посыпается мукой или поливается рыбьим жиром. Получают поджареный хлеб.

Подобным же образом заведенный хлеб раскатывается продолговатыми лепешками длиной до 15—20 см., шириной до 10 см. и толщиной до 2 см. Лепешки эти протираются со всех сторон мукой, во многих местах прокалываются заостренной палочкой и несколько надрезываются продольными и поперечными линиями с двух боков или косыми линями „крест на крест". Приготовленная таким образом лепешка насаживается во всю ее длину на деревянный заостренный стержень, на котором и печется у костра. Когда лепешки несколько пропекутся, для чего их часто поворачивают той или иной стороной к огню, лепешки снимаются с вертела и распластываются на две половины, которые уже окончательно пропекаются на костре тем же способом.

Это наиболее употребляемый и скорый способ приготовления хлеба, получается так называемый—„поруй-ивась-нянь" (печеный на палочке хлеб). Насаживать на вертело такую лепешку умеет не каждая остячка; у некоторых это не удается, тесто, насаженное на вертело обвисает, сваливается. Так, нам в одном месте приходилось наблюдать, как молодая женщина, недавно вышедшая замуж, несколько раз перекатывала и насаживала тесто на вертело, при чем старшая в семье женщина над ней очень смеялась с сознанием собственного превосходства.

Затруднения „молодухи" служили поводом острот и насмешек всей юрты. Мне об'яснили, что ей не приходилось раньше так готовить, так как она взята с Оби, где, очевидно, такой способ приготовления хлеба неизвестен или, вернее, уже забыт.

Все описанные способы приготовления черного хлеба относятся к хлебу пресному, который заводится, готовится и печется на ваших глазах в течение получаса.

Что касается кислого, черного хлеба, то его умеют готовить лишь некоторые остячки верхнего Ваха, и большинство остячек нижнего течения. Такой хлеб печется или в знакомых уже нам особых глиняных печах на открытом воздухе или в глинобитной русской печке, там, где имеется уже русская изба. Хлеб заводится общеупотребительным способом и печется обычным порядком, при чем этот хлеб обычно солят, пресный же хлеб лишь в исключительных случаях готовят соленым. Хлеб печется небольшими круглыми хлебами или продолговатыми булками. Печеный таким способом хлеб называется—„рутьнянь"—(русский хлеб).

Белый и пшеничный хлеб готовится исключительно пресным.

Пшеничная мука остяками употребляется весьма редко—идет она на булки и лепешки.

В большем употреблении у ваховских остяков белая мука включительно до первого сорта; ее они предпочитают и, когда есть возможность, всегда готовят белый хлеб, прибегая к черному лишь в случае нужды.

Белый крупичатый хлеб „наги-нянь" заводится, как и черный, различно, т. е. на воде, икре, рыбном бульоне, на порсе и на крови.

Приготовляются из белой муки почти исключительно различного рода лепешки. Булки и калачи остякам не знакомы.

Тем же способом и такого же рода готовятся лепешки на вертеле.

Поджаривают лепешки на сковороде на рыбном жиру или даже на масле (покупном), при чем лепешки в таких случаях буквально плавают в масле. Большим лакомством считаются лепешки или колобки, сваренные в котле в рыбьем жиру или масле.

Очень редко остячки готовят „сдобный" белый хлеб, который отличается тем, что в тесто вливается рыбий жир или растопленное масло. Этот сдобный хлеб—„сыньрахтэн-нянь" или поджаривается на сковородках или печется булкообразными лепешками в печках.

Говорят, что умеют делать остячки и пироги—„пйрок" (пирог) с рыбой или ягодами—брусникой, черемухой и голубуцей, но нам за все время не приходилось ни разу наблюдать этого.

Приведенное выше описание приготовления ваховцами хлеба можно считать исчерпывающим, за исключением, быть может, некоторых незначительных вариаций, обусловленных уже индивидуальными особенностями и кулинарными способностями той или иной остячки.

В общем нельзя не признать у остяков стремления к разнообразному приготовлению хлеба, изобретательности и практической целесообразности выпечки различного рода печенья в определенных бытовых условиях.

Едят хлеб только с чаем. С рыбой, ухой или похлебкой хлеб употребляется очень редко.

С чаем едят обычно не один хлеб, а с сушеной рыбой, порсой или рыбьим жиром, так что хлеб при этом является лишь некоторым придатком.

Крупа употребляется остяками в исключительных случаях, хотя они и чрезвычайно любят кашу, в чем мы имели возможность убедиться, угощая остяков кашей из своего котла, при чем они ели кашу с большим удовольствием, строго наделяя всех поровну и очень жаловались, что на Вах привозят мало крупы.

Очевидно этот продукт мог бы войти в жизнь и иметь большое значение в смысле повышения питания остяков.

Огородных овощей, как уже отмечалось, остяки не имеют, хотя в нижнем течении Ваха, как нам передовали, бывает покупной привозный картофель, который пользуется большой любовью остяков.

Очевидно, картофель точно также мог бы быть некоторым подспорьем в питании остяка.

Местные ягоды:—„ул:" „брусника"—„ул", [1]) клюква—„пянь" морошка—„морох", черемуха „ем" и смородина „товкак" употребляется сырой или сушеной. Ягоды употребляются с чаем или как некоторая приправа в толченую рыбу и, наконец, из ягоды пекутся пироги.

Грибов ваховские остяки также, как и многие другие северные народности, [2]) совершенно не едят, считая их погаными. Когда мы на одной из остановок положили в похлебку, найденные нами поблизости грибы, то этим вызвали у остяков не только удивление, но и явное порицание и большое смущение по этому поводу.

Об'яснить же этого остяки ни как не хотели, хотя возможно им и известно что либо об этом, так как у других северных туземцев по этому поводу имеются известные предания.

Чай—„чай-луват" у остяков в большом ходу; его пьют перед каждой едой или во время еды. Употребляется обычно кирпичный чай, который заваривается в особых котлах или в больших чайниках и кипятится на огне так, что получается густой, черный отвар. За неимением чая употребляется березовая губа,—„сугме-луват" (березовый чай), листья брусники или черники. Чай пьют из покупных чашек, блюдцев за, упомянутыми выше, низенькими чайными столиками. Каких либо приправ к чаю не употребляют; молока, остяки совершенно не знают.

Из покупных продуктов в связи с чаем необходимо упомянуть сахар, пряники и конфекты, которые являются очень редким лакомством.

Из наркотических и опьяняющих веществ, употребляемых остяками назовем табак, самогонку и водку.

Табак—„тельта-луват" занимает в жизни остяка исключительное положение. Табак курят и нюхают. Нюхает и курит старшее поколение, а курят все, начиная с детей трех-четырех лет. Мы неоднократно наблюдали картины последнего рода. Однажды нам удалось сфотографировать, когда мальчик лет четырех курил по всем прави-

---

[1]) Слово „ул" по ваховскому наречию имеет двоякое значение:—ягода и брусника.

[2]) В. И. Анупин—„Очерк шаманства у енисейских остяков" Сборн. Музея Антроп. и этнограф. при Акад. Наук.—Т. 2, 2—1914 года. Дунин-Горкавич—„Тобольский Север". Л. В. Шульце—„Салымские остяки—„Зап. Тюмен. Общ. Научн. Изуч. Местного Края". Вып. 1—1924 года. М. Б. Шатилов—„Остяко самоеды и тунгусы приварымского района" „Труд. Том. К. Муз." т. I. 1927 г.

лам этого искусства, пуская кольцами дым и сплевывая с языка, как и большие; покуривши, он медленно вычистил трубку, положил ее и подошел к матери и начал сосать грудь. Остячки кормят грудью детей до 7—8 лет. Табак покупают листовой, рубленый, махорку избегают. Табак режут на особых досках и подсушивают, затем несколько мнут.

Нюхательный табак толкут в особых ступах—„луват-рогыта-кöгол" (ступка молоть табак), упомянутых выше, большим деревянным пестом, при чем в табак прибавляется нарезанная березовая губа—„сугма-сянек". Нюхательный табак хранится в берестяных табакерках—„тельта-мынь". Трубка—„касиэ" и табакерка пользуется большим вниманием остяка, нередко передается из поколения в поколение, от отца к сыну, от матери к дочери и бережно хранится.

Угощение трубкой или нюхательным табоком является актом особого расположения и внимания.

Из опьяняющих продуктов мы уже отмечали самогонку и водку.

Водка—„кан-инк" („царская водка") чрезвычайно ценится остяками и за нее они готовы отдать все. Водка завозится туда обычно во время ярмарки русскими, а также и богатыми остяками, которые ездят для этого даже в Томск.

Так, на обратном пути нашем в одном месте мы встретили большой каюк—крытую лодку с шестью гребцами. Оказывается, это везли большой запас водки из Томска известные по Ваховскому северу богатые остяки. При этом мы потерпели некоторый крах—нанятый пред этим нами гребец остяк, узнавши о грузе, немедленно нас покинул и перешел на каюк, отказавшись от денежного заработка.

Водка по Ваху ценится 10—15 рублей бутылка. Водка встречается здесь все же очень редко.

Несравненно большее значение имеет самогонка—„кото-веремик"—(руками деланное вино), которую умеют готовить по русскому образцу решительно все остяки.

На своем пути мы встречали довольно часто самогоночные аппараты на полном ходу, при чем наше появление в таких случаях не вызывало ни малейшего замешательства или испуга.

Видимо это занятие считается остяками совершенно нормальным и только в нижнем течении уже понимают, что самогоночные аппараты необходимо скрывать от русских, от „урядника", как зовут здесь милиционера.

Самогонка вырабатывается плохо, получается зеленоватая, страшно вонючая и одуряющая; она подвергается всего одной перегонке, тогда как при лучшей обработке ее подвергают двум, трем перегонкам.

Выгонка самогона в одной семье является обычно праздником для всех в данных юртах. Самогонку пьют все—мужчины, женщины, девушки и подростки; пьют до тех пор, пока не выпьют всю. Картина поголовно пьяных остяков в юртах не поддается описанию по своим отрицательоым, диким, кошмарным моментам.

Заканчивая на этом ознакомление с пищей остяков, нельзя не заметить, что, не смотря на относительное разнообразие приготовления пищи, как, это отмечалось выше, все же питание остяка очень однообразно по своему содержанию, а главное недостаточно по количеству жировых веществ. Питание такого рода нельзя признать удовлетворительным и особенно в северных условиях, где, как известно, наблюдается повышенная потребность в жирах.

В отношении способов приготовления пищи мы наблюдаем целый ряд моментов чресвычайно характерных для низкого культурного уровня остяка.

Все виды пищи и способы ее приготовления строго обусловлены физико-географическими особенностяии края, целым комплексом бытовых условий остяка, требованиями его культа; они носят на себе явный отпечаток иноплеменных влияний и, наконец, являются показателем культурного уровня остяка и его медленного культурного роста.

VI. ОДЕЖДА.

Если при обозрении жилища Ваховских остяков, их домашней утвари, видов пищи и способов ее приготовления, мы находим много элементов чисто национальных, то в отношении одежды ваховцы мало чем отличаются от приобского русского населения. Национальных костюмов у ваховцев уже не встречается и лишь в деталях и некоторых украшениях, особенно женских костюмов, еще можно встретить отголоски прошлого. Охота и ограниченное оленеводство не дает достаточных материалов для меховой и кожаной одежды; все костюмы обычно изготовляются из покупной материи, за исключением зимней верхней одежды, изготовляемой из оленьих мехов.

Холст из крапивы, который употреблялся в старину, совершенно вышел из употребления и, если встречается изредка холст, то покупной.

Главными видами домашней мужской одежды служит рубаха, штаны, пояс и иногда покупной жилет и пиджак.

Рубахи—„ёрнас" шьются преимущественно с прямым разрезом на груди и широким отложным воротником. Обшлага рукавов, ворот рубахи и разрез на груди и ластовицы (четырехугольные вставки „под мышкой") делаются обычно из другого цвета, отличного от основного тона рубахи.

Штаны—„ол-вёнтах" обычного покроя шьются почти всегда из покупной материи и лишь иногда из оленьей кожи—ровдуги.

Жилет надевается поверх рубахи ввиде особого наряда, как и пиджак, который изредка встречается по Ваху.

Верхней летней одеждой служит халат или зипун, имеющий особый покрой, или обычный покупной брезентовый плащ.

Халат—зипун—„вике"—(халат выше колен, зипун до колен и ниже) это длинная одежда из покупной материи; рукава, ворот (отложной) и правая пола иногда оторачиваются мехом или цветной материей. Подпоясываются или поясом ремнем или покупной опояской (шитые бисером пояса по Ваху встречаются очень редко). К опояске подвешивается обычно нож в деревянных или кожаных ножнах и небольшая кожаная сумочка, иногда шитая бисером, где держится кремень и огниво. Сумочка эта иногда впрочем начинает заменяться обычным крестьянским „кисетом".

Обувью летней—„нир" служат ноговицы, лунты, бродни и очень редко сапоги.

Бродни обычного покроя употребляются исключительно при неводьбе в холодную погоду.

Своеобразной остяцкой обувью являются ноговицы—„нир", это как бы составная часть обуви—одни головки без голенищ, головки эти шьются из оленьей кожи или шкуры.

Материалом для ноговиц иногда служит особенно прочная часть кожи—с ноги оленя—„кисы". Такие ноговицы называются „ковелеинр". Когда к этим ноговицам пришиваются голенища, получается обувь—„луиты". Голенища обычно делаются или из холстины, или из грубошерстного цветного сукна и очень редко из оленьей кожи—„ровдуги". Сапоги встречаются очень редко, как предмет роскоши. Бродни и сапоги, как обувь позаимствованная у русских, не имеют местного названия и являются предметами исключительно покупными.

Головным убором летом служит преимущественно покупной картуз или повязка из материи или платка,—при чем летом головной убор ваховцами употребляется очень редко, а если остяк покрывает голову платком, то нестолько для защиты от жары или холода, сколько от комаров, для чего платок в развернутом виде набрасывается на голову и шею и подвязывается двумя углами под подбородком. Зимним головным убором остяка является „треух", шапка и шаль или платок.

Треух—„мюль"—это головной убор на подобие мехового чепца, подвязывающегося под подбородком. Треух бывает или из зайчины обыденный или праздничный; в последнем случае он шьется из различных мехов—из оленя, колонка, белки, лисьих лапок, собранных на макушке, при чем по краям делается опушка из белки, лисицы, колонка и проч.

Нередко остяк не употребляет шапки и покрывает голову шалью, для чего она надевается так, чтобы закрывая голову, можно было шаль, переплетая на груди, завязывать концами за спиной.

Зимней верхней одеждой остяка служит кумыш и малица.

Кумыш—„моловсе"—это верхняя из оленьяго меха одежда мехом наружу ввиде прямого не в талию широкого мешка без разреза, несколько постепенно расширяющегося в нижней части. Длина этой одежды не ниже колен, в окружности по поясу до $1^1/_2$ метров и по подолу до 2 метров. Надевается кумыш с головы. В верхней части непосредственно к вороту кумыша прилегает „капюшон", вздержки которого завязываются.

Рукава—„лыт-моловсе" довольно широкие несколько с'уживаются к концу и идут под прямым углом от корпуса. В конце рукава имеют обшлага—„лыт-ук"—из цветной материи. Непосредственно к рукавам пришиваются рукавицы—„пас", которые имеют вдоль ладони сплошной прорез для руки. Кумыш ваховцы шьют обычно из однородной сплошной оленины и лишь изредка встречаются кумыши составные из различных оленьих шкур, когда подол оторачивается обычно шкуркой—„неплюя"—желтой или белой, отличной от основного серого фона кумыша. Встречаются кумыши и более сложно украшенные различными нашивками из оленьей же шкурки, но это уже кумыши привозные с далекого севера

Нередко на ряду с кумышом остяки употребляет еще другую меховую одежду—малицу—„мальты".. По своему покрою и общему строению малица подобна кумышу.

Шьется малица из оленины мехом внутрь в виде мешка без разреза в передней части, длиной ниже колен. Надевается малица также с головы. В верхней части имеется капюшон—„мальты-ох".

Рукава „лыт-мальты" мехом внутрь сильно с'уживаются к концу, где непосредственно от них идут рукавицы „пас" с поперечным разрезом для руки, иногда малица таких рукавиц не имеет. Подол

малицы имеет меховую из оленины опушку. Иногда малица имеет поверх сорочку из какой либо материи. Малица в средние холода надевается одна, а в более жестокие морозы остяки надевают малицу и поверх еще кумыш. Малица и кумыш употребляются при дальних поездках на оленях.

Обычно же кроме этих костюмов остяки имеют шубы из недорогих мехов зайца, беличьих лапок, оленьего меха. Шуба эта по своему покрою подобна халату с широкими полами. Воротник и правая пола шубы обычно имеет меховую оторочку.

Зимней обувью служат кисы или „лунты" подобные вышеописанным, но из сплошной оленины мехом наружу; иногда встречаются лунты, голенища которых сшиты из шкурки „неплюя", и имеют накладные различного оленьяго меха рисунки. Такие лунты обычно покупаются ваховцами у своих более северных соседей по р.р. Тазу, Агану и т. д. Кроме этой обуви в сильные морозы надеваются еще меховые чулки мехом внутрь.

Помимо этого зимой ноги обертываются чесаной травой осокой—„пêслих-пāм" и затем ввиде стельки в обуви употребляется также трава пырей—„куй-пāм"; та и другая трава прекрасно предохраняет ноги от холода и сырости.

Отправляясь на охоту на лыжах, ваховцы имеют особую, более легкую приспособленную для быстрого движения одежду, так называемый, „кôлёк". Это короткая ввиде халата одежда из оленины, мехом наружу—нечто вроде меховой тужурки, на которую сверху одевается еще легкий из материи или холщевый зипун. Одежда эта туго подпоясывается и полы ее спереди подбираются под опояску, чем устраняется какое либо затруднение с этой стороны для быстрого бега на лыжах. На голову во время ходьбы на лыжах на охоте остяки никогда не надевает треуха или шапки, а обязательно легкий платок, которым повязывает голову и шею, подвязывая конец платка под подбородок. Такой легкий головной убор зимой во время ходьбы на лыжах оказывается вполне достаточным, и, наоборот, шапка была бы очень вредной и опасной в смысле простуды, вспотевшей от излишнего тепла, головы.

Эти показания о легком платке, как обычном головном уборе во время зимних промыслов (при ходьбе на лыжах), мною проверены по Ваху неоднократно и везде подтверждались. Насколько же далеки от истины обычные представления об остяке, идущем на лыжах и укутанном с ног до головы в тяжелые меховые одежды!

Таковы в общих чертах принадлежности мужского костюма ваховского остяка.

Одежда женщины в общем мало отличается от мужской по способу изготовления и шьется из покупной материи.

Обычной домашней одеждой женщины служит сплошное платье, рубашка, штаны и редко юбка и кофта.

Платье—„нин-яр-ернас" (женский наряд рубаха) обычно сплошное с прямым разрезом для ворота и отложным воротником. Воротник, ластовицы и оторочка разреза в большинстве случаев из цветной материи, отличной по тону от основного цвета всего платья. Платье прямое, гладкое и с легкими борами в талии.

Платье обычно надевается на голое тело и лишь изредко под ним носят холщевую или ситцевую рубашку—„ернас".

Обязательной частью костюма являются штаны—„в а н-к у р в а-в о р о в" (коротенькие штаны)—это глухие с боковым разрезом, узкие штаны длиной значительно выше колен.

Иногда встречаются кроме сплошного платья юбка и кофта обычного крестьянского покроя. Юбка „е р н а с-т о ф" половина рубахи, кофта—„е р н а с-н у м-т о ф" верхняя половина рубахи. Как платье, так и юбка шьется обычно очень широкими и остячки довольно пренебрежительно и с насмешкой относятся к русским женщинам в платьях с узкими, по их мнению, подолами. По этому поводу нам удалось слышать песни, где осмеивается—„р у т ь-а й-н и" русская маленькая женщина—девушка, заплетающаяся в оборках подола при быстрой ходьбе.

Верхней летней одеждой остячек служат халаты, отличающиеся от мужских подобных же халатов лишь некоторыми украшениями ввиде нашивок из цветной материи по вороту, обшлагам рукавов, подолу и по борту правой стороны.

Зимним верхним костюмом женщин является легкая женская шубка или женский кумыш.

Женская шубка—„л а п-н и-л у п е-т о ф"—из лапок женская шуба половина или легкая шубка из лапок беличьяго меха—„л у п е-л а н г е-л а п-с о х".

Покроем такая шубка похожа на халат и часто имеет меховую оторочку по вороту, подолу и—борту правой стороны.

Мех на такую шубку в большинстве случаев подбирается из лапок белки и на такую шубку требуется до 800 лапок; получается очень легкий, красивый, шахматообразный с продолговатыми клеточками мех. Такие же шубки нередко шьются и детские из меха бурундуков, утиных головок, лебединой шкурки и зайца.

Кроме того женщины носят особый кумыш—„к о л ӧ г-н и" на подобие мужского кумыша, из оленьего меха. Женский кумыш не имеет капюшона и в передней части имеет во всю длину разрез, надевается не с головы, как мужской кумыш, а в рукава и подпоясывается.

При дальних поездках остячки надевают обычно кумыш и малицу, как и мужчины.

Женская обувь специально остяцкая—кисы или лунты—„н и р-н и" ничем не отличается от мужской и иногда лишь бывает несколько украшена цветными матерчатыми нашивками. Встречаются иногда и покупные туфли и ботинки на высоких каблуках.

Пояса женские точно также мало чем отличаются от мужских; лишь иногда замечается попытка несколько украсить кожаный или матерчатый пояс каким либо металлическим литьем или цветными нашивками из материи. Бисерное шитье по Ваху уже отошло в область предания. Обязательной принадлежностью пояса являются ножны с ножом.

Головным убором женщин служит летом цветной ситцевый платок, зимой шаль.—Способ ношения их нам уже знаком,—такой же как и у мужчин.

Наконец, необходимо сказать несколько слов о способе ношения волос ваховцами, форме причесок. Мужчины в большинстве случаев острижены под гребенку в кружок на подобие русских крестьян—это в нижнем течении Ваха. В верхнем плесе господствуют своеобразные местные прически: так иногда стрижется передняя часть головы до макушки и оставляются очень длинные волосы в задней части, или

подстригаются волосы кругом снизу вверх и оставляются более или менее длинные волосы в верхней части головы и, наконец, совсем не стригут волосы, при чем в таком случае волосы свободно падают на плечи.

Подобного рода прическа известна была еще в глубокую старину, во времена „богатырей", времена героического эпоса. Прическа остяков в старину, говорит Патканов, была довольно оригинальная и отчасти сходная с прической древних мадьяр. Они стригли или брили волосы спереди, а сзади заплетали их в косы, вероятно в две, как оно еще и поныне водится в северной части Березовского округа. Отсюда происходят эпитеты воинов и сватов—„со стриженой головой" со стриженым лбом" и „косатый богатырь" [1]).

Женщины заплетают обычно две косы, при чем косы эти берут начало на передней части головы по бокам повыше висков и отсюда идут вокруг головы. Такая же прическа и у девушек, хотя последние начинают уже в некоторых случаях носить одну косу, не закручивая ее на голове. Женщины очень часто носят волосы совершенно распущенными, лишь покрывая их платком вышеописанным способом. В косы нередко вплетаются бисерные косоплетки или подвески из бус с кольцами. Это пожалуй наиболее распространенное украшение, оставшееся от прежних времен. Как видим, женщины и девушки почти ничем не отличаются между собой ни по костюму, ни по прическе или способу ношения волос.

Кроме того женщины и девушки очень любят носить кольца, носят их по несколько штук на двух, трех пальцах; кольца оловянные или медные. Встречаются также, как влияние русских, стеклянные бусы и серьги. Кольца реже, но все же носят и мужчины и также по несколько штук.

VII. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ.

Средствами передвижения по Ваху в соответствии с местными физико-географическими условиями являются лодки, нарты, лыжи и изредка (в нижнем течении) сани.

Наиболее видное значение в жизни остяка имеет лодка, на которой он проводит почти круглый год, за исключением земнего периода.

Почти единственный тип лодки, встречающийся по Ваху, это особого устройства облас—„рыт". Лодка же обычного русского типа, крытый каюк и пароход называется по остяцки „кирив". Облас—„рыт" это остяцкое судно имеет свои особенности в различных местностях применительно к местным условиям. Эти отличия выражаются как в общей конструкции обласа, так в овале днища, острие водореза, вышине и форме кормы и носа, количестве и форме распорок и т. п.

Ваховский облас, как судно исключительно местного значения и пользования, не выходящее на простор Оби, отличается особой легкостью, остро-овальным дном, особой узостью по сравнению с длиной, острыми водорезами и низкими бортами.

Все отмеченные отличия рассчитаны на быстрый ход обласа, но за то лодки эти отличаются неустойчивостью. Величина обласа различна, но в

---

[1]) С. Патканов—„Тип остяцкого богатыря"...

общем можно отметить три категории обласов в зависимости от их различного назначения—малые, средние и большие.

Малый облас—„оном-рыт" длиной всего около 3½ метров и шириной 50—60 сантиметров, поднимает одного человека и употребляется при летней охоте на уток, при чем он легко переносится охотником через волоки, мели.

Средний облас „кутов-рыт" наиболее распространенный тип—употребляется для рыболовных промыслов и вообще для поездок. Поднимает он 10—12 пудов или 4—5 человек. Размер обласа—длина до 4—5 метров, ширина 60—70 см. и глубина 25—30 см.

Большой облас—„алле-рыт" предназначен для длительных дальних переездов, для поездки на ярмарку и закупки провизии и т. п.

Такой облас поднимает до 50 пудов или 10—12 человек. Длина обласа до 6 м. и более, ширина 80—90 см. и глубина 30—40 см. Весла к обласам исключительно ручные (не на уключинах) мужские и женские. Мужское весло из кедрового или соснового смолявого дерева, длиной до 1½ метров. Лопасть весла до 15—20 см. слегка изогнута, женское весло по размеру значительно меньше с сильно выгнутой лопастью. Способ применения этих весел также различен; мужчина при езде гребет выпуклой стороной лопасти и может веслом управлять лодкой, женщина наоборот гребет вогнутой стороной лопасти, сильно забирая воду, что расчитано на значительную силу для продвижения лодки, но это весло не может служить кормовым.

Нам пришлось наблюдать изготовление обласа в нескольких местах. На выделку обласов здесь употребляется исключительно осина, преимущественно свежая, срезанная весной. На выработку обласа требуется в среднем от 3 до 5 дней.

Приплавленную по реке лесину подвергают обработке на песчаных отмелях, откосах близ самой реки. Наметивши расположение частей будущего обласа, остяк начинает его наружную обработку, стесывая края к носу и корме будущего обласа с таким расчетом, чтобы их водорезы приходились посредине днища лодки. Затем подчистивши и сгладивши несколько топором будущее днище, мастер перевертывает лесину вниз дном и начинает выбирать древесину из средины лесины. Эта работа производится, уже знакомыми нам инструментами,—пазниками—„сугэл" и „кур". Первый—„сугэл", представляющий собой железную лопатку с желобообразным лезвием на прямом деревянном топорище, употребляется для сплошной выборки или выдалбливания древесины из средины дерева. Таким образом выбирается сплошная бороздa глубиной и шириной до 15—20 см. Затем эту основную продольную борозду расширяют, стесывая стенки ее топором, и затем тем же „сугэл" подчищается древесина и вглубь настолько, что оставляются стенки будущей лодки толщиной до 5—8 см. Далее подвергаются подобной же обработке боковины будущего обласа с их внутренней стороны путем подтесывания древесины другим из указанных орудий—„кур", который представляет собой подобную же, как и „сугэл" лопаточку, но насаженную втулкою на небольшой крюк деревянной рукоятки, при чем лопаточка может свободно вращаться на этом крюке, что и облегчает работу по подчистке боковин лодки.

Обработавши таким образом начерно внутреннюю часть лодки, остяк несколько стесывает топором края лодки к ее корме и носу, делая середину бортов несколько выпуклой для того, чтобы, по раз-

водке обласа, средняя часть бортов не оказалась слишком вогнутой. После этого, перевернувши облас, остяк начисто строгает, сглаживает особыми стружками наружную часть днища лодки и затем—приступает к окончательной обработке внутренних стенок, для чего употребляется особый прибор—„пурр-ун т". Это небольшие сосновые круглые колышки длиной в предположенную толщину стенок обласа. Для их приготовления выстругивается небольшая с рукояткой дощечка из сосны или тополевой коры и по ней просверливают рядами до сотни и более отверстий, в эти то отверстия вколачиваются указанные колышки—маяки на столько, чтобы оконечности их выходили на противоположной стороне доски. Затем оконечности колышков с той и другой стороны срезаются в уровень с доской, чем достигается с большой точностью их одинаковая длина. Оконечности колышков с одной стороны чернят углем.

Эти колышки—„маяки" служат оригинальным прибором для определения толщины стенок лодки при окончательном их выдалбливании и подчистке с внутренней стороны. В этих целях стенки обласа с их наружной стороны просверливаются тем же сверлом, как и дощечка нашего прибора правильными рядами поперек днища лодки на расстоянии 20—30 см. один ряд от другого с 5—10 отверстиями в ряд.

Таким образом в стенках обласа получаесся 50—100 отверстий, смотря по величине обласа. Все эти отверстия заполняются приготовленными маяками в линию с наружной стороны лодки и зачерненными их концами внутрь лодки.

Затем лодка вновь поворачивается днищем вниз и окончательно выдалбливаются, подчищаются внутренние стенки лодки в уровень зачерненных конечностей маяков.

Таким образом достигается так легко и оригинально точная и одинаковая толщина стенок лодки в соответствии с длиной вколоченных в них маяков. Стенки лодки по их закрайнам, а также в корме и носу имеют некоторое утолщение. В своей основе лодка таким образом готова. Остается некоторая работа по ее разводке, для чего разводится продольной костер во всю длину лодки. Лодка помещается близ костра и поворачивается с боку на бок, пока стенки ее не распарятся, не станут податливыми тдля разводки. Разводка производится постепенно, очень осторожно и равномерно, начиная с средней части лодки, путем постепенной смены распорок меньших на большие, вставляемых в бока лодки с внутренней стороны.

Когда облас бывает таким образом разведен, взамен временных распорок вставляются между бортами постоянные распорки, укрепляющиеся в бортах обласа посредством деревянных гвоздей.

Наиболее трудной частью в работах по изготовлению обласа является его разводка, эта работа требует большого навыка, осторожности и особого искусства, чтобы облас при разводке не дал трещины, или чтобы по его стенкам не получилось выпуклостей и т. д. В последнем случае, когда на стенках получаются выпуклости или стенки поведет, облас получает неправильный ход.

Все эти недостатки устраняются особыми способами. Трещины в лодке зашиваются кедровым корневищем и завариваются кедровой смолой. Выпуклости выравниваются посредством действия особых нажимов на эти места.

Приготовленный таким образом облас ваховские остяки в противоположность русским очень редко смолят как по недостатку смолы

так и потому, что просмоленный облас значительно тяжелее, иначе говоря, он при этом теряет одно из своих основных достоинств—легкость передвижения, когда он должен быть пригоден для быстрой и легкой переноски при волоках и мелях. Без просмаливания облас несколько теряет в своей долговечности, но это остяка смущает очень мало, так как для изготовления обласа требуется очень мало времени и почти каждый остяк делает их сам, хотя имеются и специальные, известные мастера—лодочники.

Облас „рыт", как уже отмечалось, это наиболее распространенный тип лодки по Ваху, как и вообще среди остяков, и является безусловно остяцким национальным судном, поскольку остальные виды лодок, хотя бы те же обласа, но с набойными бортами, встречаются очень редко.

Помимо обласа по Ваху (в нижнем течении) изредка встречаются лодки из досок, обласа с набойными бортами и, наконец, каюки. Каюки строятся с верхом, крытым досками или берестяным полотнищем—„тонтох".

В лодках и каюках остяки очень редко ходят на парусах, представляющих простую холстину или потрепанный брезент. В большинстве же случаев идут на веслах, шестах и, наконец, где позволяют берега, на лямках. На лодках и каюках ходят на дальний промысел на Обь, сплавляют туда же соленую и сушеную рыбу в Нижне-Вортовские юрты на Оби и т. д.

В обласе или лодках остяк проводит большую часть года, за исключением зимнего времени; иных летних средств передвижения нет.

Телегу можно встретить лишь в селе Лариакском у местных русских и в факториях, но она и здесь употребляется лишь в самом селе для перевозки кладей, ездить же на телеге некуда—дорог нет.

Зимними средствами передвижения являются лыжи, собачьи нарты, оленные нарты и, наконец, в нижней части Ваха сани по образцу русских. Местные лыжи—„люмп" обычного типа. Лыжи делаются или из сосновой кремлины или из елового дерева.

Подволоки—„нималь"—это лыжи подшитые оленьей шкурой—„кисами" т. е. шкурой с ног оленя. При ходьбе на лыжах употребляется обычного типа посох с кружком из черемухового дерева, прикрепленным к концу посоха ремешками—„кутын-сох"—с кружком посох—это зимний посох.

Весной же при ходьбе на лыжах по насту употребляется посох с железным острым наконечником.

На лыжах остяк проводит значительную часть времени в течение всей зимы, когда он или идет на лыжах непосредственно из юрт на зимние промысла или, отправляясь на промысла на оленях в далекую тайгу за сотни верст, уже там, на месте, промышляя, остяк опять таки все время ходит на лыжах.

Не менее важное, если не большее значение в жизни остяка играют нарты—„ликер"; различаются нарты для езды на собаках—„ликер-амп" (нарты собачьи) и нарты оленные—„ликер-вели".

Собачьи нарты обычного для Нарымского края типа.

В основании таких нарт мы имеем два полоза тонких и широких, как бы лыжи, но с круто загнутыми носками, длина полозьев до 1½—2 м. ширина 10—12 см. На этих полозьях на копыльях высотой до 20—30 см. устанавливается продольной кузовок из тонких сосно-

вых дранок, при чем стенки кузовка расположены под прямым углом по отношению к его днищу, так, что кузовок имеет форму длинного ящика шириной до 30—40 см. и такой-же глубины. Ширина хода полозьев 40—50 см.

Эти нарты отличаются особой легкостью, прочностью и чрезвычайно приспособлены для нужд остяка в местных бытовых и природных условиях. Нарты обслуживают очень многие его нужды; на этих нартах женщины возят из лесу дрова или воду с ближайшего к зимовью озерка или реки, а главным образом эти нарты служат и промысловыми нартами для безоленных остяков. В таких случаях остяки-промышленники идут на лыжах и за ними собаки везут нарты, груженые запасом и некоторыми предметами, необходимыми на промыслах, а обратно везут на нартах добычу.

Собаки запрягаются в нарты парами—гуськом посредством особых лямок. Такие нарты называются промысловыми.

Для езды на дальние расстояния и перевозки грузов служат оленные нарты—„ликер-вели". Оленные нарты бывают двух родов: грузовые нарты... „Мальтем-ликер" и легковые—„лелем-ликер".

Оленная нарта вообще строится на подобие саней, но длиннее, шире и выше их.

Полозья нарты—„пигал-ликер" шириной до 8—10 см. и толщиной 4—6 см. длиной до 1½—2 м. загиб полозьев в передней их части значительно положе чем у саней и они не имеют совершенно крутого загиба в их верхней части, как это бывает у саней.

На этих полозьях укрепляются копылья—„кура-ликер" от 4 до 6 штук, высотой 40—50 см. и ширина 10 см. Копылья поставлены по отношению к полозьям не прямо, а в наклон от передней части к задней и во внутрь нарт. Таким образом ход полозьев получается значительно шире, чем верхняя площадка нарты, чем достигается ее устойчивость, а расположение копыльев в наклон к задней части полозьев обуславливает особую устойчивость нарты при различных толчках, при быстрой езде. Копылья скреплены между собой и в передней части полозьев в продольном направлении особым бруском и каждая пара копыльев скреплена в свою очередь и в поперечном направлении деревянным бруском—„ыл-юх"—(связь—дерево).

На поперечине и продольных связях копыльев укрепляется днище—сиденье нарты—до метра и более длины.

Сиденье имеет во всю свою длину боковины из досок высотою до 10 см. „вагал-юх" (боковое дерево). Между боковинами в передней части сиденья делается деревянная кромка—перекладина в уровень боковины „ликер-сини-перт"—(нарты передняя доска). В задней части сиденья имеется, несколько откинутая назад, вышиной до 15—45 см деревянная спинка „ликер-ту-перт" („нарты задняя доска"). Спинка, боковины и передняя кромка сшиваются между собой и с основой сиденья черемуховыми или кедровыми лычками—„кысьве".

Боковинки в передней части саней имеют схватку—деревянную палочку, пропущенную через них, по концам палочка закрепляется чекушками.

Полозья в их передней части в самом конце их имеют перекладину—связь „ликер-сини-нор-перт" (нарты связь передняя—дерево).

Общий вид оленной нарты можно таким образом представить в поперечном ее разрезе в форме трапеции.

Таково устройство грузовой нарты, на которой можно нагрузить на два оленя до 150 кгм. клади.

Легковая нарта отличается обычно более тщательной отделкой, большей легкостью отдельных ее частей и более высокими стенками сиденья (до 15—20 см.).

В оленные нарты впрягается два оленя—„вели" (олени), один из которых является коренником „панын-вели", другой пристяжным—„кут-тонтох-вели".

Отдельные части оленной упряжи соответствуют тем же частям лошадиной упряжи, а именно: имеется узда, хомут, седелка и постромки (нет шлеи), при чем различается несколько упряжь коренного оленя от пристяжки.

Узда—„пяк" коренного оленя состоит из двух дужек из оленьяго рога, скрепленных в передней части через отверстие в них двумя небольшими ремешками. Костяные дужки (несколько изогнутые пластинки) длиной до 3—10 см. и толщиной в 1½ пальца. В передней части они имеют украшение в виде густых кисточек из цветных или простых ремешков. К задним концам этих костяных дужек привязаны через отверстия в них ремешки длиной до 30—40 см., которые, когда узда надевается, -завязываются. Дужки эти накладываются на лоб оленя несколько ниже ушей, нижние ремешки подвязываются под шеей оленя, а задний ремешок проходит на его затылок и таким образом узда держится на голове оленя. К нижнему ремешку прикрепляется ременная возжа длиной до 3 м. с таким расчетом, чтобы она хватила до нарты. Возжа эта обычно проходит с левой стороны оленя. Чтобы она дорогой не опускалась к земле для ее поддержки сбоку седелки делается костяная или медная поддержка, в которую и вкладывается возжа. С правой же стороны седелки привязывается кольцо или ременная петля для привязи пристяжного оленя.

Седелка—„сала" это ремень шириной до 15 см. охватывает туловище оленя посредине, застегиваясь на деревянную застежку—палочку под животом оленя—это как бы пояс. От этой седелки „сала" в нижней ее части, где она застегивается, идет другой ремень, шириной до 6—8 см., длиной до 120 см. Этот ремень, проходя от седелки под грудью оленя, перебрасывается через его шею, идет обратно под грудью к седелке и замыкается на той же застежке, что и седелка. Этот ремень служит, как бы хомутом—лямкой—„сѐгы".

От места смычки седелки под животом оленя идет ремень шириной до 4 см., длиной до 3 м. Этот ремень служит как бы постромками, которыми олень и везет нарту—„нюр-веле-талех-селта"—(„ремень тащить оленью нарту"). Ремень этот прикрепленный к седелке в нижней ее части деревянными застежками идет под животом оленя и между задних ног к нартам, где на перемычке полозьев имеется два деревянных как бы блока—„юх-кух" деревянные векши. На них имеются два отверстия—одно большое, через которое проходит ремень, другое маленькое, за которое блоки эти привязаны неподвижно ремешками к перекладине полозьев.

Ремень, продетый через блоки, движется свободно и дает возможность быстро и легко поворачиваться оленям с нартой.

Другой конец ремня подобным же образом пристегивается к седелке пристяжного оленя. Упряжь пристяжного оленя несколько отличается от упряжи коренника.

Узда—„пяк" пристяжки имеет две пары постоянных дужек.

Одна пара дужек соединенных ремешком надевается так же как и у коренника на лоб оленя пониже ушей и закрепляется ремнем под подбородком оленя—„пур-тюгол" (подбородник). К этим дужкам прикреплена ремнями вторая пара дужек своей средней частью.

Эти дужки накладываются на щеки оленя—„кут-тонтох-лук" (от средней узды кости), по средине этих дужек продет ремешок до 20—30 см. длиной, который надевается на лоб оленя—„выныч-тонтох", лобовой ремень. К концам дужек прикреплены ремешки длиной до 30 см.—„пот-нюр-тонтох"—(затылочный ремень), который завязывается на затылке оленя. Этой уздой пристяжка прикрепляется к кореннику, от седелки которого с правой стороны идет цепочка или ремешок длиной до 70 см.—„пут-тонтох" (передняя веревка или повод пристяжки), к переднему концу цепочки и прикрепляется узда пристяжки через особое колечко на ремешке, проходящем от первой пары дужек под шеей оленя—„пур-тюгал" (подбородник).

Далее пристяжка имеет также как и коренник седелку—лямку и постромки. Постромкой служит второй конец постромки коренной упряжи, при чем ремень этот проходя через блоки перекладины нарты, идет подобным же образом, как и у коренника, между задних ног под животом и прикрепляется к седелке пристяжки.

Таким образом пристяжка подпрягается к кореннику не вровень с ним, как впрягаются лошади, а несколько отстает от него, ее голова приходится лишь несколько впереди седелки коренного оленя.

Наконец, необходимой и существенной принадлежностью оленной упряжи является тонкий деревянный шест—„вялех-вели-юх" (оленей гнать шест) длиной до 3—метров. Шест этот служит для управления оленями, а также балансирования нарты во время езды.

Отмеченными моментами исчерпывается как устройство оленной нарты, так и оленной упряжки.

Подобно тому, как облас является остяцким национальным судном, так и нарты могут почитаться остяцким национальным экипажем.

И облас и нарты—„рыт" и „ликер" встречаются в древнейших сказаниях остяков, в произведениях народного эпоса. [1]) На тех же обласках—„рыт" передвигаются по необ'ятным водным пространствам их сказочные герои, или на подобных же нартах—„ликер" мчатся они по снежным равнинам.

VIII. РОДОВЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ; УПРАВЛЕНИЕ, СУД И ОБЫЧНОЕ ПРАВО.

По вопросу о родовом устройстве ваховсхих остяков в глубокую старину у нас имеются некоторые предания, а также пережитки родового быта, сохранившиеся до наших дней.

Ваховские остяки, по их преданиям, как уже отмечалось, не являются коренными обитателями реки Ваха; их предки в далеком прошлом обитали по реке „Ась-ях" т. е. по Оби, близ „города" „ват", где и занимали обширные заливные луга—соры „лар".

По месту их прежнего обитания они и получили общее наименование—„лар-ях" т. е. народ с заливных лугов—соров, „лар" (заливной луг—„сор", „ях"—народ).

---

[1]) С. Патканов.—„Тип остяцкого богатыря"...
S. Patkanov—„Die jrtasch—ostijaken"—1900 г.

По этому признаку—„лар-ях" получили свое наименование, как все местные остяки—„лар-ях"—лариахский народ, так и селение Лариакское, а также, расположенные на озере—„Алле-Лариак-Эмтер", юрты „Алле-Лариах-Пугол" — Большие Лариакские юрты, являющиеся, строго говоря, по населенности наиболее крупным, чисто остяцким населенным пунктом по Ваху; в древности по преданиям юрты эти имели около ста „дымов" т. е. юрт.

Ваховские остяки, до их переселения на Вах с заливных лугов Оби, имели на месте прежняго своего обитания, по их преданиям, „двух Богатырей" — двух родоначальников всего народа—„лар-ях".

По этому мы и позволим здесь вновь привести, отмеченные уже выше, два предания о „Двух Богатырях" народа—„лар-ях", так как предания эти в данном случае имеют специфический смысл и увязываются с последующими материалами по родовому быту ваховцев.

„Каткан-Матуркан"—„два богатыря".

а) „Было цва богатыря (Матур-богатырь), водились тогда дикие олени. Когда весь народ пошел на охоту за дикими оленями, то Богатыри остались здесь на бору, знали, что придут с войной самоеды.

Они узнали, скоро придут самоеды с войсками, стали припасать много древесной серы, набрали ее целый обласок, а так же приготовили много сухой осенней травы и повесили ее в юрте, а облас с серой поставили на крыше юрты.

Богатыри оделись в плохие заячьи шубы. Пришли самоедские войска и говорят, „только два старика, пусть накормят нас олениной, а потом мы убьем их".

Один богатырь стал готовить обед в юрте, а другой будто бы пошел колоть еще оленя, а сам залез на юрту и поджег серу в обласке.

Когда тот поджег обласок, другой старик соскочил и побежал, самоеды его схватили за рукав, рукав оторвался, схватили за полу шубы, пола оторвалась,—шуба была заячья, старая. Старик выбежал и притворил дверь в юрту, а другой с крыши через дымоход спустил в юрту весь облас с горящей смолой.

Сухая трава в юрте загорелась, самоеды начали метаться, кто в землю закопался, кто куда. Так все и сгорели.

(Арсений Гаврилович Прасин—юрты Огорт-юх-пугол).

б) По большим сорам, по высоким травам, у большой воды жили два богатыря („Каткан-Матуркан"). Они были братья. И весь народ—„ях" с ними жил по большим сорам, у большой воды.

Пошли богатыри на охоту, один пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше облака текучего. Другой пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше, выше темных туч.

Ходили, ходили, ходили... Убили большего, большего орла.

Много орлиных перьев досталось им на стрелы.

Пришли богатыри в юрту ночью, было темно. Как вынули перья из оленьяго мешка, в юрте стало светло, как днем. Одно орлиное перо горит огнем ярче солнца, светлей луны. Перо это было золотое.

Стали богатыри спорить, кому взять золотое орлиное перо.

Один возмет золотое орлиное перо, другой спорит, другой возмет золотое орлиное перо, этот спорит.

Долго ли спорили, дрались ли, никто не знает. Один богатырь остался на больших сорах, у большой воды, где был у них город—

(ват);—„ват-пугол"—(город-юрты). У него и осталось золотое орлиное перо. А другой богатырь пошел на другую реку. С ним пошла и половина народа из города".

Так и стали народ этот звать—народ из города—„ват-ях".

(Прасин Егор Степ.—Юрты „Нягал-юх-пугол").

Как видно из этих преданий, остяки, переселившиеся на Вах, имели вначале двух богатырей, двух родоначальников, а потом одного, но представляли ли они собой одну родовую единицу под властью этого богатыря, или несколько родов, об'единенных территориально на прежнем своем местожительстве по обским сорам по имени „лар-ях", этого сказать нельзя.

Для первого предположения нет никаких оснований в народных преданиях, полученых нами, кроме общего наименования—„лар-ях", которое, надо полагать, является по своему происхождению территориальным, и нигде, хотя бы по отдаленному сходству, не встречается фактически в названиях (фамилиях), хотя и слабо сохранившихся до наших дней родовых единицах—Прасины, Прасины, Камины, Сегельетовы и Натуськины. Вот те основные фамилии, которые встречаются по Ваху и которые, по некоторым, хотя и слабо сохранившимся, характерным моментам родового быта, можно считать остатками прежних родовых единиц, правда, быть может более мелких частей бывшего когда то единого рода—„лар-ях", которому соответствует наиболее крупная единица—фамилия Прасиных, обитающая главным образом в Больших Лариакских юртах—„Алле-Лариах-Пугол".

В отношении Прасиных должно сказать, что по преданиях они произошли от двух родоначальников и представляют собой два рода—Прасины—Лариакские и Прасины выше по Ваху, начиная от юрт—„Огорт-юх-пугол".—(Высокий лес юрты) или юрты Нижние Ромкины, откуда и Прасины эти называются Прасины—Ромкины; к этому же роду относятся и несколько семей Каминых.

О происхождении этих двух родов имеется небольшое сказание.

„Прасины юрт Большие Лариакские, по этому преданию, произошли от богатыря—„Сайяли"—„гоголь", история которого такова: Одна женщина родила сына, которого нязвала „Сайяли"—что значит „гоголь".

На пятый день после этого она умерла и ребенка взяла к себе на воспитание какая то старуха. Другого сироту-мальчика звали—„Кул-Кӧсяк"—„чебак". Старуха взяла и его. Нашла две соски и стала кормить. И вот, она замечает, что, когда они начинают плакать, там, вверху много какого то народу начинает плакать. Старуха и говорит, „что такое, они здесь плачут, а там столько народа плачет." И вот, старуха видит во сне, что от этих ребят пойдет большой народ. От них и верно пошел большой народ.

От „Сайяли" (гоголь) пошли Прасины Лариакские, (Юрты—„Алле-Лариах-Пугол)", а от „Кул-Кӧсяк"—чебак"—Прасины Ромкины, а русские тех и других называют одним именем Прасины". (Никифор Андреев Прасин—юрты „Огорт-юх Пугол).

Эти родоначальники. Сайяли и Кул-Косяк не раз встречаются в качестве героев в собранных мною материалах по былинному эпосу ваховскух остяков. Фамилия Камины, встречающаяся выше юрт Ромкиных, считается пришлой в роде Прасиных-Ромкиных. К этому роду остяки причисляют и юрты, Чухломеевы.

Относительно родовых единиц Сегельетовых, Надускиных нам не удалось получить каких либо преданий и вообще должно заметить, что некоторые родовые признаки, если и сохранились, то в среднем течении Ваха, выше села Лариака, т. е. в части населения более изолированного от русского влияния.

Вышеприведенные сказания о происхождении двух родовых единиц—Прасиных от богатырей „Сайяли" (гоголь) и „Куль-Косяк" (чебак), по нашему мнению, можно рассматривать, как видоизмененное последующим сознанием остяков, представление о происхождении их предков от представителей животного мира, как остатки, пережитки, столь характерного для первобытного человека явления „тотемизма".

При господстве „тотемизма" каждая родовая, племенная группа ведет свое происхождение от какого нибудь животного, и считает себя с ним в родстве, оказывает ему поклонение, а затем при некотором культурном развитии народное сознание создает мифы, несколько смягчающие прежние, повествуя или о временном превращении их родоначальника в животного или просто о названии предка именем того или иного животного в связи с каким либо обстоятельством. Среди многих сибирских туземцев отмечаются подобные пережитки тотемизма.

Так, напрямер, по преданию тюрков, (по китайским источникам) праотец тюрков—„тю-кюо" родился от волчицы, в частности так называемые лебединцы (племя по реке Лебеди, приток Бии) называются „ку-кши" т. е. люди-лебеди, так как они произошли от лебедя.

По словам Страленберга, каждый род якутов имеет свое священное животное:—лебедя, гуся, ворону.

Вотяки почитают лебедя, считая себя происшедшими от этой птицы.

У остяков следы тотемизма точно также не подлежат сомнению.

Сыновья верховного существа имеют свойство превращаться в животных—медведя, лебедя, ястреба и проч. и каждая родовая группа имела свое родовое божество, считая в то же время его своим родоначальником—богатырем „Матур" [1]).

Все это дает основание считать сказания о Сайали и Кул-Косяк сравнительно хорошо сохранившимися пережитками тотемизма и продуктами родового начала.

Из моментов характеризующих родовой быт местных остяков на ряду с приведенными выше преданиями и общностью фамилий можно отметить следующие: слабо сохранившаяся экзогамность, некоторая общность промысловых угодий, общие божества, праздники и жертвоприношения, охрана и обеспечение стариков и детей, и, наконец, „родовое" управление, суд и обычное право.

В отношении экзогамности мы имеем лишь слабо сохранившиеся остатки, признаки этого института, так характерного для родового устройства.

По словам Прасиных и Лариакских и Ромкиных брак в пределах этих родов не допускается, но здесь же каждый считает должным добавить, что, конечно, в крайнем случае, если нет больше невесты, браки возможны. Лишь старшее поколение—„ике" старики более категоричны в этом отношении и настаивают на недопустимости браков между родичами, в то время как между Ромкинскими и Лариакскими браки, по их словам, возможны.

---

[1]) Н. Харузин—Этнография. Т. IV. Верования 1905 года

Очевидно, если и не в столь категорической форме, то все же, хотя бы и остатки, признаки экзогамности здесь не подлежат сомнению, а значит и имеется один из основных признаков родового быта.

На основе упомянутого выше тотемизма у многих народов, как известно, возникает явление известное под именем „экзогамия" т. е. обычай, согласно которому браки между лицами, принадлежащими к одной и той же родовой группе, имеющими одного родоначальника, строго воспрещены, считаются кровосмесительством. По вопросу о происхождении „экзогамии" существует несколько теорий (Мак-Ленан, Спенсер, Леббок, Дюргейм) и весьма многие исследователи отмечают это явление у малокультурных народов, как один из характерных признаков родового быта, [1]) как средство самозащтты рода от разложения и даже вырождения на почве близких по крови браков.

Общность промысловых угодий—рыболовных (звероловных угодий, закрепленных за кем либо нет) точно также имеется среди отмеченных родовых группировок, хотя здесь же должно отметить, что встречается уже некоторое закрепление отдельных угодий за отдельными семьями.

Охрана и обеспечение бездомных стариков и детей, в случае отсутствия желающих взять их на свое попечение, является обязанностью всего рода. Обычно такие старики или дети (если у них нет никакого имущества) передаются на попечение кого либо по определению родового собрания за что, получившие на свое попечение бездомных, имеют определенную компенсацию от сородичей. Если же имеется у сирот имущество, то учреждается, как увидим далее, опека.

Сохранились в несколько ослабленной форме и общие праздники, священные места—мольбища и жертвы. С'езжаются по родам на праздники несколько раз в году—по окончании промыслов: зимнего—в середине января и весеннего—в апреле, и, наконец, все роды, но разбиваясь по своим группам, в с. Лариаке—в мае месяце на ярмарку.

Праздник этот называется „гостинный день"—м а я н - к о т о л" Устраиваются общие пирушки, угощение рыбой, вином, мясом и хлебом. На праздниках поются старинные песни—сказки, происходит „ворожба"—т. е. шаманят—совершают молитвы и, наконец, приносят на общих священных местах общие родовые жертвы. Такие жертвенные места имеются у каждого рода.—Так, у рода Прасиных—Ромкиных таким местом считается высокая гора на левом берегу Лариакской протоки—„О г о р т - ю х - п е л я"—„Высокий лес—гора". "Давно, давно, когда еще Торум (бог) сотворил землю, он сотворил и эту гору для прикладов (жертв)", говорят остяки.

У Прасиных Лариакских таким родовым священным местом является остров (ниже юрт Чухломеевских) по Лариакской протоке—„и р ы х - с ы л т а - п а й" (прикладный остров).

Имеющиеся по Ваху ниже с. Лариака прикладные места не имеют уже ярко выраженного родового характера, хотя их родовое значение в прошлом все все же не подлежит сомнению.

Так, прикладное место—„П у г о с - л у н г"—„Мать—дух" (близ юрт Больших Полиных при устье притока Ваха—„Кулун-Игал-ёган)" было в старину родовым прикладным местом рода Сегельетовых.

---

[1]) Серошевский—„Якуты". Абрамов—Описание Березовского Края. А. Миддендорф—Путеш. на сев.-восток Сибири. Н. Харузин „Этнография"—„Семья и род".

Помимо общих праздников совершаются общие родовые мольбища и жертвы в случае каких либо стихийных бедствий или эпидемий.

Подробно о жертвоприношениях и священных местах будет изложено ниже в главе о верованиях.

Общие родовые божества, общие мольбища, праздники, жертвы являются точно также одним из важнейших признаков родового устройства у всех вообще первобытных народов и, в частности, среди сибирских туземцев, как это отмечается неоднократно различными исследователями. [1])

Культ стоит в теснейшей связи с социальным устройством. При родовом устройстве на основе тотемизма, при общности, родовом характере божества естественно и наличие общих родовых празднеств, жертвоприношений и родовых мольбищ—священных мест. Само божество является членом рода, тесно связанным родственными узами с своими почитателями. Жертвоприношение является не только формой благодарности или умилостивления, но и средством родственного единения с божеством. Поэтому жертва всегда сопровождается общей трапезой, общим праздником, участие в котором принимали не только почитатели, но и божество. Путем совместной трапезы узы родства закрепляются... И, мало того, совместная трапеза ведет к установлению родственных уз. Отсюда к подобным трапезам не допускаются чужеродцы.

Все эти явления, как мы видим, хотя и в ослабленной степени, в несколько видоизмененной форме, но все же мы находим у ваховских остяков до настоящего времени.

Весьма существенными признаками характерными для родового быта является, сохранившееся до сего времени (1926 г.), родовое управление (несколько видоизмененное—свыше), родовой суд и некоторые нормы обычного права. [2])

Ваховские остяки, хотя и имели обычного типа сельский совет в с. Лариаке, но помимо этого у них имеются по четырем отмеченным нами группировкам особые выборные лица—сотники, соответствующие прежним родовым управителям, а еще ранее князькам, которые и являются фактически управителями своей родовой единицы. Суд отправляется почти по всем делам, как увидим далее, также сотником и родовым собранием. И, наконец, по обычному праву мы встречаем нормы, характерные для родового быта, особенно нормы по наследованию, опеке, брачные и разводу.

В связи с отмеченными выше элементами родового быта ваховских остяков, хотя бы и в более или менее значительных пережитках, находится и их управление, суд и обычное право.

---

[1]) Штернберг Л. Я. Сахалинские гиляки. Н. Харузин—Этнография вып. IV—Верования. Серошевский В. Л.—Якуты. Шульце Л. Р. Салымские остяки—Записки Тюм. Общ. Научного Изучения местного края 1924 г.

[2]) Настоящие сведения о родовом управлении относятся к 1926 г. Летом 1928 г. эти начала родового управления санкционированы советской властью, а именно: на основании врем. положения об управлении туаем. племен северных окрайн РСФСР от 26 окт. 1926 г. по Ваху вводится родовое туземное управление; образуется Лариакский Туземный Районный Исполнительный Комитет („Тузрик") и четыре родовых сельских совета: Прасинский, Корельковский (Прасины верхняго Ваха), Натуськинский и Сегельетовский. В основу этого устройства Томским Комитетом Севера были положены материалы настоящего обследования по родовому быту, подкрепленные обширными цифровыми данными по хозяйству ваховских остяков.

В более отдаленное время ваховские остяки управлялись, по примеру других остяцких племен, родовыми князьками—„кан", власть которых была вначале наследственная, а затем эти князьки были выборными. Им были подвластны особые выборные управители, которые и управляли отдельными более мелкими единицами, подразделениями рода. Управители собирали и вносили ясак, разбирали маловажные дела и т. д. При управителях существовала, так называемая, „расправа"—собрание старейших, которые совместно с управителем разрешали более важные дела. [1])

Власть князей постепенно видоизменялась и была заменена выборным родовым управлением под именем Инородных Управ во главе с выборными старшинами и старостами на местах.

По Ваху существовала Лариакская Инородная Управа для верхняго течения Ваха и Ваховская для нижняго его течения, а затем обе были соединены под именем Лариакской Инородной Управы.

При введении районного управления сельских местностей в 1925 году Ваховские остяки, как и все вообще туземцы Нарымского края и Александровского района, были подчинены в общем порядке Районным Исполнительным Комитетам с сельскими советами на местах. Весь район Ваха с его притоками составляет один сельский совет, с резиденцией в с. Лариаке. Но власть сельского совета в силу обширности территории, разбросанности населения, отсутствия путей сообщения, а главное в силу бытовых особенностей края фактически ни чем не проявляется и на местах имеется несколько видоизменённое и упрощенное родовое управление—имеются родовые управители, но без родовой управы прежнего вида. Такими родовыми управителями являются „сотники"; всего имеется 4 сотника в соответствии с отмеченными выше четыремя родовыми единицами; сотник для рода Прасиных в Больших Лариакских, для Прасиных—Ромкиных, для Сегельетовых и Надуськиных.

Лариакский сельсовет—с/с. в своем построении имеет некоторые особенности. Его представляют председатель с/с., сотники члены с/с. и все граждане. Общие собрания с/с. созываются для разрешения различных местных вопросов и разрешения частных споров и некоторых судебных дел.

Общие собрания с/с. приурочиваются к ярмаркам, бывающим в с. Лариаке в январе и мае месяцах. Эти собрания носят названия—„мыр-ката-менлев", что значит „пойдем в народный дом"; („мыр"—народ, „кат"—дом, „менлев" пойдем) или кратко—„ярмынька" (ярмарка).

Правом решения вопросов на общих собраниях пользуются „ике" старики, т. е. все мужчины, окотники, владеющие оружием.

Женщины и подростки в решении вопросов на общих собраниях не участвуют—они могут на них присутствовать, чтобы, как говорят остяки, „учиться", как надо жить и поступать и чего не должно делать.

Общему собранию с/с. подлежат не только все местные дела административного и хозяйственного характера, предусмотренные общим положением о сельсоветах, но и судебные дела, в случае, или не посредственного обращения кого либо к собранию, или при обжалова-

[1]) 1) Д. Самоквасов—Сборник обычного права сибирских инородцев. 2) А. Оксенов—Сборник „Вост. Обозр. „Сношение Новг. Велик. с Югорской землей. 3) Список населенных мест Тобольской губернии 1891 года.

нии решения первой инстанции, каковой является сотник и родовое собрание. Разбор судебных дел словесный. Сельский совет определяет местный налог, а общее собрание (сход) распределяет его, устанавливает общественные повинности, как, например, ремонт общественных зданий, отопление школы, фельдшерского пункта в с. Лариаке и т. д..

Общее собрание сельского совета—„мыркатa-менлев", разбившись по четырем упомянутым выше группировкам „сотням", избирает сотников и кандидатов к ним, а затем все, собравшись уже общим собранием, утверждают избранных кандидатов, а также избирают председателя совета. Означенные лица избираются на три года и подлежат далее утверждению Районного Исполнительного Комитета.

Помимо сельского совета, как упомянуто было выше, власть на местах принадлежит, так называемым, „сотникам", которые, строго говоря, и являются единственной властью на местах. Сотники являются родовыми управителями ваховских остяков и поэтому их власть носит особый характер, она чужда совершенно формальных моментов, она сохранила в значительной мере патриархальный характер. Сотник не администратор в общепринятом смысле слова, он народный судья, он управитель, старшина—„ике" „старший"—„мыр-ох"—глава народа.

Если Лариакский сельсовет, имея отмеченные особенности, все же подлежит действию общих положений о сельском устройстве, то сотник всецело во власти обычного права и является в известном смысле, „выразителем воли своего народа".

Единственная его обязанность, где он соприкасается с сельским советом, (помимо общих собраний сельсоветов, как это отмечалось выше) являются сборы местного налога (4—5 белок с охотника), который идет на общие нужды. Главным же образом сотник самостоятельно или совместно с собранием „ике"—стариков (самостоятельных охотников) решает некоторые хозяйственные дела (например, вопрос об очистке заломов на реках, времени охоты на водяную птицу и т. д.), а также рассматривает судебные дела по мелким преступлениям и гражданским тяжбам. Его ведению подлежат все мелкие уголовные дела и все гражданские тяжбы без ограничения суммы иска, но каждая сторона может принести жалобу на его решение в общее собрание Сельского Совета или даже и возбудить дело непосредственно на этом собрании.

Хотя остяки и имеют право обращаться непосредственно в Народный суд в общем порядке, но это встречается чрезвычайно редко. Так, по нашим сведениям у Нар. Судьи Александровского района было всего два дела Ваховских остяков (и те с низовья Ваха) за весь 1926 год.

Обязательная сила судебных решений для сторон—заключается в особенностях всего уклада жизни остяка с сильными родовыми пережитками, в его психологии, сознании остяка в непреложности приговора, воли народного собрания—„ике". Приведение в исполнение приговора здесь не требует каких либо принудительных действий со стороны власти, здесь не требуется судебный исполнитель, его заменяет правосознание остяка.

Нам удалось наблюдать по Ваху чрезвычайно характерный пример подобного состояния, на котором и позволим несколько остановиться.

В юртах „Колок-ёган-Пугол" мы имели такой случай: молодожены разведены решением—„ике" на том основании, что молодой

супруг нарушил супружескую верность или, как выражались остяки, „нарушил чужой полог", т. е. постель. Оскорбленная вначале молодая жена пожаловалась „ике", их развели. Спустя некоторое время молодожены помирились, она в интересном положении, молодые желают вновь сойтись, просят собрание „ике" разрешить им это. И вот уже в течениии нескольких месяцев они получают в этом отказ и это решение, явно нарушающее их добрую волю к совместной жизни, они нарушить ни в коем случае не решаются. Все наши разговоры, убеждения, попытки примирить с ними старших ни к чему не привели, воля собрания—„ике" оказывается непререкаемым в сознании остяка. „Молодуха" плачет, молодой угнетен и так будет продолжаться, пока „ике" не снимут своего veto, при чем такое послушание, исполнение воли собрания мы здесь имеем не показное, а по совести, без всякого видимого, внешнего принуждения, как бы исключительно из одного сознания безусловной обязательности для них воли собрания старших. Имеет подобное состояние, конечно, и материальное обоснование, что имеет, разумеется, решающее значение; в случае нарушения решения „ике", воли собрания, нарушивший эту волю тем самым ставит себя как бы вне данной общины и в свою очередь он предоставляется самому себе во всех случаях его жизни, предоставляется своим силам в борьбе со стихийными условиями, в промыслах и т. д., а подобное положение, конечно, немыслимо в условиях севера и бытовых особенностях остяка.

Все дела рассматриваются сотником и народным собранием сельсовета в порядке словесного производства и на основании местных обычаев, норм обычного права.

Обычное право Ваховских остяков естественно в соответствии с их родовым укладом жизни более тщательно и подробно предусматривает брак, развод, наследование и опеку, т. е. те моменты, которые так характерны для родового устройства.

Нормы же иных гражданских правовых отношений вследствие слабого развития у них гражданского оборота вообще развиты очень слабо и многих институтов гражданского права остяки совершенно не знают.

В таком же зачаточном состоянии и нормы уголовного права. И это, очевидно, потому, что уголовные преступления среди остяков встречаются очень редко.

К преступлениям более часто встречающимся среди остяков относятся: ссора, оскорбление, драка, нанесение побоев, поранение, очень редко кражи и насилия. Здесь не упоминается убийство и другие более тяжкие преступления, как подлежащие компетенции общих судебных установлений.

В основание судебных решений полагается как свидетельские показания, так и присяга, клятва обвиняемого. Наиболее распространенной формой присяги является клятва над головой (черепом) или лапой медведя. Обвиняемый в подтверждение правоты своих показаний, прикасаясь к голове медведя или лапе, произносит клятву: „задери меня медведь" („их"), если я сказал неправду". Сила этой клятвы покоится на глубочайшей боязни остяками духа медведя, как одного из божеств.

При клятве такого рода показания обвиняемого уже не подлежат сомнению. Присяга подобного рода и ее непререкаемое значение из-

вестны у очень многих первобытных народов и у всех наших сибирских туземцев [1]).

Мерой наказания по всем отмеченным преступлениям, смотря по обстоятельствам дела, являются: общественное порицание„—поругание", штраф до 20 белок, арест при сельсовете на 3 дня, и выселение из юрт.

Виновным обычно признается тот, кто положил начало тому или иному явлению, кто начал ссору, драку, но иногда в таких случаях наказываются, смотря по обстоятельствам дела, и обе стороны. При нанесении побоев, увечий, раны кроме наказания виновный обычно должен материально компенсировать пострадавшего в форме уплаты ему за причиненный вред и на лечение в углату шаману. При обсуждении дела учитывается не только голый факт преступления, но та или иная степень напряжения злой воли преступника.

Так, например при насилии различаются случаи простого насилия, когда не было обнаружено сильного сопротивления и, когда имеется на лицо показатель противодействия. Про первый случай говорят—„залез в чужой полог" (постель), „что там было, никто не знает, а может быть и полусогласие." А о втором случае говорят—„штаны порвал"—здесь уже особенное напряжение злой воли преступника на лицо.

Рецидив обычно карается вдвойне.

Некоторые дела, как например, оскорбление, ссора, побои, могут прекращаться примирением сторон, с чего обычно и начинается судебное разбирательство в таких случаях.

Такие же преступления, как кража и насилие, даже при условии, если пострадавшая сторона прощает обвиняемого, подлежат суду и влекут за собой обычное в таких случаях наказание. Дела подобного рода таким образом не прекращаются в частно—правовом порядке и самое пред'явление обвинения точно также не зависит от пострадавшего, а может быть начато всяким узнавшем о преступлении—как бы общественным обвинителем.

Из интересующих нас преступлений более тяжким признается кража, когда безчестье преступника за подобное преступление распространяется в сознании остяков на всю его семью и даже на ближайших его предков; „разве твой отец такой был, что же ты хочешь, чтобы и он был худой человек". (хотя бы отец обвиняемого и был уже умершим).

Здесь таким образом как бы оберегается честь рода, доброе имя семьи. В этой тенденции общественного мнения к охране чести предков несомненно сказывается родовое начало.

Из институтов гражданского права у остяков нами установлены: купля-продажа, личный наем, займы, дарение, выдел и аренда.

Все эти юридические сделки среди остяков, конечно, носят словесный характер. Наиболее известной формой сделок является купля-продажа, об'ектом которой служат продукты промысла, предметы домашнего обихода, одежды и т. д. Моментом заключения сделки считается передача продаваемой вещи.

---

[1]) Ядринцев.—О культе медведя преимущественно у северных инородцев—Эти. Об. IV—1890 г. Харузин Н. Н. „Медвежья присяга и тотемич. основы культа медведя у остяков и вогулов". Шульце.—„Салымск. остяки" Зап. Тюм. общ. из. кр." В. 1. 1924 г. Гондатти—„Культ медведя у зап.-сиб. инор." Тр О. Л. Е. А. Э. т. VIII—1887 г. S. Patkanov—„Die irtysch ostiaken". И. Шухов—„Р. Казым и ее обитатели" Ежег. Тоб. Губ. Муз. 1915 г, В. XXVI.

Личный наем встречается очень редко, когда остяк иногда нанимается в помощь на невод или постройку юрты.

Заем встречается довольно часто. Об'ектом займа служат различного рода материальные ценности и главным образом продукты и огнеприпасы, при чем возврату подлежат подобного же рода ценности и лишь в редких случаях заем погашается белками.

Какой либо расписки при займе не практикуется; формальным моментом займа является передача об'екта займа при свидетелях.

Дарение довольно распространенный акт, оно сопровождает многие моменты личной и семейной жизни остяка. Так, например, дарением сопровождается сватовство, выдача замуж, приезд невесты в дом жениха.

Выдел имеет место при отделе взрослого сына в самостоятельное хозяйство, когда выделенная на его долю часть имущества поступает в полное и безвозратное его распоряжение.

Аренда возможна очень редко в отношении некоторых рыболовных угодий особо освоенных тем или иным хозяйством.

Характерной особенностью по местному обычному праву всех этих актов—сделок частно-правового характера является некоторый государственно-правовой момент, а именно: сторона, не исполнившая своего обязательства не только должна его исполнить, но, и в случае суда, вне зависимости от желания потерпевшего, карается штрафом за обман, который уже рассматривается, как самостоятельный проступок. В данном случае мы имеем дело с охраной общественных интересов в условиях патриархального уклада жизни, когда общество в значительной мере опекает личность, заботится о добрых нравах отдельных лиц и т. п.

Обычное право ваховцев более подробно предусматривает, как отмечалось выше, брак, развод, наследование и опеку, при чем в этом отношении оказываются предусмотренными многие моменты хозяйственного порядка, так или иначе связанные с отмеченными актами.

Брак встречается церковный и гражданский, но вообще и при церковном браке венчание происходит в большинстве случаев спустя долгое время—несколько лет после фактического брака. Брачный возраст у остяков ниже обычного; девушка выходит замуж 13—14 лет, что об'ясняется недостатком женщин по Ваху, вследствие неравномерного распределения населения по полу, как это мы видели в главе о населении.

Моментом заключения брака, имеющим определенное, юридическое значение, является, как можно полагать, привоз невесты в юрту жениха. В тесной связи с заключением брака, как необходимая составная часть этого акта, являются два момента—выкуп невесты и приданое.

Выкуп невесы—„тань" в той или иной мере является обязательным при заключении брака и имеет известное материальное и бытовое обоснование в сознании остяка. Жених должен уплатить своему будущему тестю известную, обусловленную между ними сумму вознаграждения за невесту, как бы ее выкуп из дома ее отца.

Обоснование выкупа следующее: отец невесты несет известные затраты на воспитание детей, и, следовательно, отдавая свою дочь замуж уже в таком возрасте, когда она своей рабочей силой могла бы вознаградить отца, этот последний и получает по обычаю право на некоторое вознаграждение со стороны будущего своего зятя. Эти соображения до сего времени чрезвычайно устойчивы в сознании остяка.

Выкуп невесты в этнографической литературе известен больше под именем „калыма".

Браки путем выкупа или купли могут считаться более распространенной и даже универсальной формой брака среди различных народностей на известной ступени их культурного развития.

У многих народностей эта форма брака сохранилась до сего времени, а у многих, более цивилизованных она сохранилась в форме различных символических свадебных обрядов.

Стоимость невесты, цена выкупа определяется теми или иными продуктами в соответствии с занятиями населения. Среди земледельческих и скотоводческих племен за невесту дают определенное количество лошадей, коров, овец, рису, пшена и проч.

Рыболовы и охотники выплачивают выкуп своими продуктами в виде рыбы, лодки, пушнины, орудий промысла и проч.

Выкуп известен на ряду с другими народностями и у всех сибирских туземцев [1]).

В состав приданного у остяковвходит обычно одежда, обувь, постель (шкура оленя), полог—„о л о в" (небольшая палатка из легкой материи над постелью) и собачья нарта. Иногда в приданое идет и несколько оленей, являющихся приплодом от матки, выделенной девушке заранее в семье ее отца.

Приданое точно также как и „выкуп" является одним из существенных элементов заключения брака у различных народов и в том числе у сибирских туземцев, что отмечается всеми авторами наряду с выкупом [2]).

Дальнейшие судьбы выкупа—„тань" и приданого уже после заключения брака в значительной мере варьируют в зависимости от различного рода моментов в жизни супругов, что и предусмотрено строго нормами обычного права.

Нам удалось выяснить следующие положения: выкуп уже уплаченный женихом, в случае, если в дальнейшем брак по вине невесты или ее родителей не состоится, возвращается жениху, если же по вине жениха, то выкуп ему не возвращается. Если жена сама по своей воле уходит от мужа в течении первого года замужества, то выкуп безусловно возвращается в дом ее мужа. Если же она уходит от мужа по истечени года замужества, то вукуп остается в доме ее отца, так как считается, что она своей работой за этот истекший год в достаточной уже мере покрыла стоимость выкупа. В случае ухода жены по вине мужа, выкуп никогда не возвращается. В случае смерти невесты или жениха до заключения брака, но когда уже выкуп был дан. выкуп подлежит возвращению. Если же брак уже был заключен и молодые жили как муж и жена, выкуп в таком случае не возвращается.

Так сильно варьирует судьба выкупа в зависимости от различных моментов жизни супругов.

При женитьбе на вдове выкуп не полагается.

В значительной мере иные судьбы приданого.

---

[1]) А. Дмитриев-Мамонов—Памятная книжка Тоб. губ. 1884 г.—Самоеды. Березовского округа". А. Маддендорф.—Путешествие на север и восток Сибири", ч. 11, отд. VI. Самоквасов—„Сборник обычного права сибирских инородцев". Н. Костров—Женщина у инородцев Томской губ. Т. I, 1875 г. Серошевский.—„Якуты". Н. Харузин—„Этногр. В. II, „Семья и род".

[2]) Н. Харузин—Этнография. Вып. II.

Приданое, как уже упоминалось, составляет собственность молодой женщины в новой семье, служит ее обеспечением, гарантирует ей известную материальную независимость от семьи мужа.

Поэтому, приданое, как таковое, очень тесно связано с личностью и судьбами женщины, оно ни в каком случае не подлежит отчуждению от нее. Во всех случаях ухода жены из дома мужа, по ее ли воле или по вине мужа, приданое следует за женщиной—в дом-ли ее отца или в новую ее семью, в случае нового выхода замуж. В случае ее смерти, если после нее не остается детей, приданое по требованию ее отца должно быть ему возвращено.

Если же остаются дети, приданое является их достоянием.

Как видим, неразрывная связь приданого с женщиной проводится строгим образом во всех случаях жизни и это об'ясняется самой природой этого института, который и создает раздельность имущественных прав супругов.

Подобное значение приданого и его правовое положение наблюдается у многих народов, а в том числе и у других сибирских туземцев—самоедов, якутов, алтайцев и др.

Развод у остяков именуется образно—„с и л я-м е н с е к а м"—„в стороны расходись". Еще в недалекое прошлое развод вообще был возможен в исключительных случаях; при условии явного, многократного нарушения супружеской верности, при чем при разводе браков церковных разведенные не имели права вновь вступать с кем либо в брак.

Но должно заметить, что это жестокое требование было навязано остякам нашей администрацией дореволюционного времени. Сами же остяки более снисходительно относились к вопросам о разводе и знали больше оснований для развода, как, например, безвестное отсутствие, неспособность к исполнению супружеских обязанностей [1]).

В настоящее время по обычному праву остяков признаются следующие основания для развода: 1) нарушение супруужеской верности, при чем в этом случае все же положение женщины и мужчины различно, в то время как уже единичный случай нарушения этого долга со стороны женщины является основанием для развода, для мужчины этого недостаточно и он признается виновным в этом смысле лишь при многократном нарушении супружеского долга.

2) Более или менее длительное—безвестное отсутствие супруга,—но срок этого не определен—„старики решают".

3) Далее основанием развода признается жестокое обращение, связанное с побоями и истязаниями жены мужем, затем систематическое пьянство и мотовство, влекущие полное разорение хозяйства.

4) Безусловной причиной развода является „impotentia", при чем в таких случаях достаточно одного заявления об этом со стороны женщины, для чего существует у ваховцев даже особая формула—„м и н-в о л л о м а н-к а н и н к а н"—„мы живем, как две женщины".

5) Здесь же должно отметить неспособность к деторождению, при чем в этом отношении вопрос разрешается всегда в определенном смысле. признается неспособной к деторождению исключительно женщина. Почему так, этого остяки об'яснить не могли, считая, однако-же это положение бесспорным. Основание для развода в таких

---

[1]) Памятная книжка Тоб. губ. 1884 г. Дмитриев-Мамонов—Юридические обычаи остяков Березовского края.

случаях материального порядка: желание иметь детей, дабы было кому передать хозяйство, чтобы „было на кого работать".

6) Наконец, достаточным основанием для развода признается и простое публичное (на собрании „икё") заявление одной из сторон о нежелании продолжать далее совместную жизнь. В этом последнем случае принимаются лишь более решительные и длительные меры увещевания недовольной стороны о нежелательности развода.

Во всех отмеченных случаях сотник и собрание „ике", решающие вопрос о разводе, прежде всего принимают различные меры увещевания к примирению сторон и лишь в крайнем случае выносят приговор о разводе формулой—„с и л я-м е н с е к а м"—„расходись в стороны".

Вопрос о разводе однако же иногда ставится и вне зависимости от желания или заявления сторон, но и в порядке общественного обвинения; это практикуется главным образом в случаях открытого „распутства" одной из сторон. Один из таких случаев, чрезвычайно характерный, наблюдавшийся нами, был уже отмечен выше.

В связи с разводом стоит целый ряд вопросов, а именно: о выкупе, что уже отмечалось, а также о разделе имущества и судьбе детей. Во всех случаях развода на долю жены выделяется известная часть имущества пропорционально количеству членов семьи, за исключением явного, многократного распутства жены, когда она, уходя из семьи, выдела имущества не получает.

Дети или делятся между супругами при разводе, или оставляются у той или другой стороны, смотря по различным обстоятельствам.

Первое требование—это обоюдное соглашение супругов по этому поводу. Если соглашение не последует,—то производится раздел. Если имеется мальчик и девочка, то мальчик идет к матери, девочка к отцу.

Здесь мы сталкиваемся с ярко выраженным нарушением одного из родовых начал, когда мальчик, этот продолжатель рода отца, переходит в род матери. Основания, для такого раздела, по словам остяков, заключаются в том, что мальчик в будущем явится кормильцем своей престарелой, и, быть может, безпризорной матери, в то время, как отец, оставаясь в своем хозяйстве, предполагается, сможет себя прокормить, почему ему и оставляется дочь. В случае невозможности разделить детей поровну, дети оставляются за той или другой стороной в зависимости от личных качеств разводящихся супругов, их здоровья, имущественного положения и проч.

Наследственное обычное право развито сравнительно слабее.

В наследовании участвуют только мужчины, как продолжатели рода умершаго, главы семьи и хозяйства, как хранители его имущественного достояния; женщины, как уходящие в чужой род, правом наследствования не пользуются. После смерти главы хозяйства имущество делится между наличными сыновьями, жившими в семье покойного; сыновья же его, выделившиеся ранее, права наследования не имеют.

Вдова переходит на попечение одного из сыновей, сохраняя за собою во всей полноте свое имущество, полученное ею в приданое.

По смерти одного из сыновей бездетного его имущество наследует отец его или братья, на попечение к которым переходит вдова покойного.

Муж наследует своей жене в ее части имущества, если после нее остаются дети, на воспитание которых собственно и должно идти это

имущество. Если же после смерти женщины детей не останется, то, полученное ею при выходе замуж, приданое может быть потребовано ее отцом или вообще старшим в ее прежней семье.

Жена наследует своему мужу, когда он умрет бездетным и живет отдельно от своего отца.

В основе этого последнего положения мы уже имеем утерю родового начала, которое заменяется исключительно началом трудовым; жена покойного, как участница его трудовой жизни, является его единственным наследником.

Завещание по обычному праву не предусмотрено и, поэтому, если бы даже покойный при своей жизни и отказал свое имущество кому либо постороннему, то эта его воля не будет иметь силы.

Предусмотрена обычным правом и опека. Если после смерти главы семьи остаются несовершеннолетние дети (до 18 лет), то над его имуществом по решению сотника или собрания—„ике" учреждается опека впредь до совершеннолетия детей, или вступления их в брак. Имущество обычно передается по учету в ведение вдовы умершего, которая и является опекуншей над имуществом и детьми. В случае вступления вдовы в новый брак, опека ее прекращается и передается кому либо из родственников умершего; опекун в таких случаях получает все имущество умершего в полное пользование, за что он в свою очередь обязан содержать опекаемых детей. В случае невозможности содержать семью силами опекуна, семья эта содержится общими силами данной группы остяков, за счет всей „сотни", т. е. рода. Здесь мы имеем таким образом родовое призрение сирот.

В связи с этим необходимо несколько остановиться на брачных, родственных и семейных отношениях.

Здесь прежде всего еще раз приходится подчеркнуть, отмеченную уже выше, неравномерность полового соотношения остяцкого населения, чем обусловливается целый ряд своеобразных явлений брачной и семейной жизни ваховских остяков.

В связи с этим прежде всего, как правило, по Ваху наблюдаются преждевременные для женщин браки, когда девушка выходит замуж 13—14 лет. Этим же основным недостатком в жизни остяков обусловливается и возрастная неравномерность браков, когда мужу насчитывается 18—20 лет, а жене 40 -50 лет или обратно.

То и другое явление, как преждевременное замужество, так и неравномерные браки вызывают слабую деторождаемость и малочисленный состав семьи, ее бедность детьми.

В отношении положения жениха „м а й-к у" и невесты—„май-ни" в смысле решения ими своей судьбы за последнее время произошли некоторые перемены. Еще недавно брак заключался исключительно по воле родителей, которые подходили к решению этого вопроса с хозяйственной точки зрения, учитывая лишь размер выкупа или приданого, здоровье жениха и невесты. Теперь же нередки случаи ухода девушки замуж убегом против воли родителей, при чем и мнение окружающих в таких случаях благосклонно к невесте.

О выкупе и приданом, как необходимых элементах заключения брака, уже отмечалось. Здесь же помимо гражданского, правового значения этих актов необходимо остановиться на некоторых бытовых моментах связанных с ними.

Прежде всего выкуп, конечно, ложится тяжелым бременем на малоимущих и иногда оказывается для них совершенно непосильным.

В таких случаях будущий зять, договорившись с отцом своей невесты, заблаговременно, до заключения брака отрабатывает выкуп в хозяйстве своего будущего тестя—отца невесты, для чего он иногда вынужден работать на него год—два. Отработок выкупа в старину практиковался довольно часто, за последнее же время встречается все реже и реже. Отработок выкупа имеет смысл нетолько прямой компенсации отца невесты, но и другое хозяйственно—моральное значение. За это время предварительной работы жениха в доме своего будущего тестя невеста и ее родные имеют возможность в достаточной мере присмотреться к жениху, как человеку, хозяину и работнику, что обусловливает верность и прочность будущего брака. Явление отработки выкупа очень древнего происхождения и известно у очень многих первобытных народов.

Пример подобной формы заключения брака известен еще по библейскому сказанию—женитьба Иакова на дочерях Лавана.

Этот обычай известен у народов Америки, Африки, Азии и до настоящего времени.. [1])

Отработка или уплата выкупа за последние годы по Ваху все чаще и чаще заменяется простым, как бы „похищением" невесты по ее соглашению. По истечении некоторого времени после брака в таких условиях молодые отправляются в дом отца молодухи и там происходит „мировая", которая до некоторой степени заменяет выкуп, хотя бы в моральном смысле. Молодые просят прощение, приносят угощения и подарки. Уплата выкупа в таких случаях отпадает.

Имеем ли мы здесь пережитки глубочайшей древности, пережитки наиболее отдаленной формы совершения брака путем насильственного действительного похищения женщины или здесь наблюдается явление позднейшего времени—наиболее простая и, главное,—экономически доступная форма брака—сказать трудно за отсутствием каких либо сложных свадебных обрядов, которые бы символизировали это похищение.

Мы склонны рассматривать эту форму брака по Ваху, как явление позднейшего времени, как продукт экономической необходимости и вот почему: 1) по свидетельству самих остяков подобные браки замечаются все чаще именно за последнее время. 2) На подобное, как бы похищение решается только бедный остяк, который не может уплатить выкупа; если же это „похищение" являлось бы отголоском той древнейшей формы брака—действительного похищения, то к такой форме прибегали бы и состоятельные остяки, чего никогда не замечается. 3) При подобном похищении у остяков не наблюдается никаких мер противодействия, хотя бы и для формы только со стороны родителей и подобное „похищение" есть, вернее говоря, брак убегом—„самокрутка",—как подобный брак называется у русских крестьян.

Самый брак по Ваху не сопровождается какими либо сложными обрядами и более интересно в этом отношении „просватанье".—Самая процедура сватовства заключаются в следующем:

Главную роль при сватовстве играет особое специальное лицо—„у р-к у"—сват. Таким лицом может быть не каждый, нужна некоторая опытность, знание всей процедуры и обычно „в сватах ходят" специальные лица.

---

[1]) Н. Харузин—Этнограф. В. 2. Семья и род.

Наметивши невесту, родители жениха отправляют его и свата в юрты невесты. По приезде в намеченные юрты, жених—„м а й-к у“ и сват—„у р-к у“ останавливаются у кого-либо из посторонних невесте“—„м а й-н и“, а если там всего одна юрта, то просто остаются на лодке или на нартах. Жених привозит с собой вина и подарков. Сват, принарядившись, берет особый посох—„с о г-ю х“—посох—дерево и отправляется в юрту невесты. Посох является непременной принадлежностью сватов и представляет собой таловую или черемуховую палку—трость, не очищенную от корья с поперечной перекладиной вверху.

Придя в юрту невесты, сват кланяется ее родителям и говорит „пришел спросить человека—(„к а с ы“), есть ли у вас человек [1]).

На этот вопрос отец невесты, зная смысл этого вопроса, по принятому у остяков обычаю отвечает полным молчанием. Сват возвращается к жениху и передает ему о случившемся—жених немедленно посылает его вторично. Сват опять с низкими поклонами пытается вызвать отца невесты на разговор, задавая ему тот же вопрос. И на этот раз отец молчит. Сват возвращается, передает все жениху. Тот его вновь посылает, но уже с бутылкой вина. Сват является и задает все тот же вопрос, но с еще большими поклонами и предлагает угощение.

Этот третий визит свата является критическим моментом сватовства; если отец невесты отказывает, то он не принимает угощения, если же он согласен, то выпивает несколько рюмок со сватом вина. Вопрос таким образом принципиально разрешен.

Если же получен отказ, то дальнейшие настояния недопустимы.

При согласии на брак, сват сообщает об этом жениху и предлагает ему послать с ним родителям невесты первые подарки, что жених и исполняет. Захвативши подарки, сват отправляется в юрту невесты в четвертый раз и подносит отцу невесты в подарок какой либо материал на халат, а матери платок или шаль и угощает уже обоих вином из той же бутылки. С этого визита уже начинаются переговоры о предстоящей свадьбе, при чем родители невесты по обычаю стараются приписать различные мнимые недостатки невесте, по которым будто бы ее не следует выдавать замуж, а сват старается их в этом разубедить.

Так, например, в этом первом случае родители говорят о своей бедности: „Рукавиц, ноговиц—дать нечего у нас, как при этом отдавать замуж, побьют, посмеются и прогонят домой“. Сват старается уверить в противном, при чем каждый раз возвращается к жениху и сообщает о происшедшем.

В таком порядке идет целый ряд визитов свата, когда он на свои вопросы, примерно, получает такие ответы: „такая она у нас неряха, одна ноговица в юрте, другая за юртой, как они вместе поживут, поругаются, драться будут, убьет он ее“. Сват возражает, жених соглашается с этим мнимым недостатком невесты.

Свату опять говорят: „На время выйдет собак покормить (невеста) всю посуду собачью поломает, чего они наживут вместе, подерутся, друг друга убьют. “Опять разуверения свата и согласие жениха. Такие разговоры ведутся на протяжении нескольких визитов и в конце

---

[1]) Как этот, так и дальнейшие „приговоры“ сватовства, разумеется, могут значительно варьировать и являются лишь примерными.

концов наступает момент торга, когда родители невесты говорят свату: „брюхо погреть пусть котел поставит и четыре оленя, триста белок, пять платков и пять платьев готовит". Этим определяется угощение („брюхо погреть пусть котел поставит") и выкуп. С этого начинается торг,— родители невесты начинают сбавлять, а жених через свата понемногу прибавлять, хотя ему каждый раз и говорят: „хоть из земли выкопают, да отдадут, так пускай не ходят". Окончательная сделка совершается на шестнадцатом визите свата, когда ему, примерно, говорят: „мы так слыхали, на большой земле триста белок, на малой земле 200 белок, если так не хочет, пусть больше не ходит". Ставка „большой земли" это первоначальный выкуп, а ставка „малой земли"—окончательный выкуп, на что если жених соглашается, то сейчас же является и приносит часть выкупа.

Жених в сопровождении свата идет в юрту невесты. К этому времени в юрте невесты у противоположной от входа стены юрты или в углу справа устраивается полог, в котором невеста ожидает жениха. Жених при входе в юрту, желая увидеть невесту, дарит ее матери платок, после чего она приподнимает полог и пропускает туда жениха.

Жених и невеста при этом некоторое время сидят под пологом спиной друг к другу.

В это время для них кипятят особый чайник, постилают оленину— постель, ставят маленький столик—„писан" и они садятся пить чай.

Оленья шкура пред чайным столиком, на которую рядом садятся жених и невеста, можно полагать, символизирует будущую близость, единение супругов, как это мы имеем в некоторых брачных церемониях других народов. Это символическое единение брачущихся выражается в различных формах, в сидении на одной шкуре, на одном стуле, в соединении рук, в обмене колец и пр. У древних римлян жених с невестой садились на одну шкуру.

У туземцев Цейлона новобрачная опоясывает мужа нитью, которую она сама сучила. Эта же мысль выражается посредством питья или принятия пищи из одного сосуда. [1]) У православных христиан это единение символизируется питьем вина женихом и невестой из одной чаши во время венчания, а также обменом колец. Подобно этому и отмеченный обычай ваховцев можно рассматривать, как символ такого тесного единения супругов, и этот момент по своему значению можно сравнить с моментом „обручения", когда брак еще не заключен, но предрешен.

Отмеченным выше моментом и начинается свадебный пир. В это время угощение идет со стороны жениха—водкой. Так пируют до трех дней, после чего гости расходятся, жених остается в юрте невесты еще на некоторое время, живя таким образом у невесты всего семь дней. За это время жених исполняет все работы, как бы член семьи. По заверениям остяков за это время они еще в положении жениха и невесты, хотя и пользуются для ночлега пологом невесты.

Эта неделя, по словам остяков, предназначается для взаимного ознакомления жениха и невесты, так как до сего времени жених и невеста в большинстве случаев не имеют и понятия друг о друге. С этой точки зрения и при таких условиях обычай этот приходится признать вполне целесообразным.

---

[1]) Н. Харузин—Этнограф. Быт. II.

Невеста со времени свадебного пира, если на нем присутствуют отец жениха или кто либо из его старших родственников мужчин, впервые закрывает лицо платком в их присутствии, так как обычай требует, чтобы женщина закрывала свое лицо в присутствии мужчин родни мужа (старших его по возрасту).

Этот обычай является довольно распространенным у сибирских туземцев, как и у других народов, и является отголоском глубочайшей старины, так называемого „снохачества", под которым разумеется дозволенное обычаем сожительство отца с женой сына или старшего брата с женой младшего брата.

Подобное явление было возможно при наличии браков малолетних. т. е., когда за мальчика брали в дом в качестве его жены женщину.

Обычай снохачества, как известно, имел у некоторых племен широкое распространение, он встречался, между прочим, и среди русского населения. Когда „снохачество" было уже изжито, остались некоторые его пережитки, к числу которых относится обычай закрывать лицо женщины в присутствии свекра или вообще старшего родственника мужа.

Так, по словам Патканова, *) у иртышских и обских остяков, молодые женщины обязаны покрывать себе лицо в присутствии свекра. У якутов невестки избегают показывать свекру нагое тело, особенно ноги и непокрытые волосы. У ольхонских бурят, невестка не должна показывать свекру голые ноги или открытую голову, она не должна называть его или старших братьев мужа по имени.

Что обычаи эти не являются результатом скромности, доказывается тем, что обычно женщины у этих народов сучат нитки на голых коленях, кормят детей грудью совершенно открыто при посторонних мужчинах, ничуть не стесняясь. Здесь, очевидно, проявляется, так называемая, половая предосторожность в отношении к свекру, которая и является отголоском упомянутого явления—снохачества.

По истечении недели происходит от'езд невесты в юрту жениха.

Родители невесты направляют облас, (зимой нарты), нагружают приданое невесты, затем берут невесту за руки и уводят ее из юрты, при чем при выходе из юрты, невеста кланяется ей, а затем в ноги своим родителям, прощается с ними и получает от них соответствующие наставления о будущей жизни, о ее супружеских обязанностях и проч. Жених в это время остается еще в юрте невесты. Усадивши невесту в облас или нарты, родители ее возвращаются в юрту и приглашают жениха отправиться в путь: „пора тебе ехать, отец, мать ждут солнышко уже высоко, дорога дальняя".

Этот свадебный „приговор", сохранившийся со старины, правда, быть может, не в полном об'еме, все же говорит об обычае брать невесту из далеких мест, из чужого рода, в нем говорится: „дорога дальняя".

Жених в сопровождении родителей невесты идет, прощается с ними, уговаривается о времени уплаты, иногда остающейся не уплаченной, части выкупа и уезжает с невестой к себе домой.

Приезд их в юрту жениха обычно сопровождается некоторыми церемониями. Жених является сначала к себе в юрту один, а невесту оставляет на лодке или в нарте. Жена свата берет невесту за руки и ведет ее к юрте, а родственники жениха берут приданое и

*) С. Патканов—„Тип остяцк. богатыря".

несут в юрту, где тотчас же натягивают полог невесты—„олсв-майни". Невесту жена свата в присутствии родственников жениха обводит за руки три раза вокруг юрты по солнцу, при чем невеста слегка кланяется в сторону юрты. Затем ее заводят в юрту и она садится с женихом на приготовленную для них посреди юрты против домашнего очага постель—оленью шкуру. Этим актом—хождением невесты вокруг юрты жениха совершается посвящение невесты, ее приобщение к домашнему очагу жениха, ее вхождение в состав новой семьи, нового рода.

С этого момента брак считается уже заключенным и молодые именуются уже мужем и женой—„Ике" или „Ку" и „Име".

Церемонию приезда невесты в юрту жениха нам удалось наблюдать в юртах Колик-ёган, церемониал же сватовства и от'езда невесты из дома родителей нами описан со слов опытного свата в юртах Огорт-юх-пугол—Егора Степановича Прасина.

Для молодых сейчас же кипятится отдельный чайник, ставится перед ними столик и они пьют чай. Этим начинается свадебный пир в доме жениха.

Приобщение новобрачной к новой семье, к новому роду пред семейным очагом сохранилось у многих народов в виде различных свадебных обрядов.

Когда вотяк женит сына, он приносит жертву духу покровителю семьи и молится за сноху: „Воршуд, принимай ее к себе, дай ей счастье, жизнь во всем довольстве, с детьми и скотиной прими ее нововведенную. Пусть согласно живет со всей семьей, чтобы гостеприимна, добра была, чтобы один кусок ела вдвоем".

Молодая же обязана после свадьбы ехать к своим родителям; здесь она приносит глухаря в жертву духу покровителю своей бывшей семьи, этим она благодарит его и прощается с ним. При оставлении родительского жилища невеста—осетинка три раза обходит вокруг домашнего очага, слегка отталкивает рукой цепь над очагом, символизируя этим разрыв с культом бывшей своей семьи. Входя впервые в дом мужа, невеста трижды обходит вокруг очага новой семьи, и прикладывает руку к цепи над очагом, как бы хватаясь за нее, приобщая себя тем самым к очагу новой для нее семьи. [1])

В нашем случае мы имеем как прощание невесты с юртой родителей, так и троекратное обхождение юрты жениха прежде, чем войти в нее впервые.

Семейные отношения остяков носят в значительной мере патриархальный характер. Власть главы семьи—„апа" (отец) в отношении всех членов семьи—„рагам" почти неограничена—ему беспрекословно повинуются все члены семьи. Главою семейства является или отец—„апа" или за смертью его старший из его сыновей, который, являясь старшим братом—„атим", об'единяет всех братьев, живущих вместе. По Ваху еще часто встречаются большие семьи (до 16 человек), об'единяющие нескольких женатых братьев, имеющих детей. Власть в семье однакоже определяется не одними родственными отношениями, но и значением данного лица в общем семейном хозяйстве. Так, дед—„иким", оставивший хозяйственные дела, оставивший промыслы, уже не является главой семьи, хотя он и старший в семье по родственным отношениям, но все же в наиболее важных делах семья советуется с ним.

---

[1]) Н. Харузин—Этнограф. Вып. II. Семья и род.

В семье существует строгое распределение обязанностей для всех ее членов в отношении ведения общего хозяйства. Все мужчины, начиная с подростков 13—16 лет, заняты исключительно промыслами и тем, что тесно связано с ними. Все же домашние дела, весь семейный обиход лежит на обязанности женщин. Женщина при перекочевках устанавливает берестяную юрту, поддерживает огонь в юрте и на кострищах, заготовляет дрова для них и на зиму для чувала, носит воду, готовит пищу,—шьет одежду, обувь, выделывает кожи и т. п.

Взаимные отношиния членов семьи в том числе и главы семьи ко всем, насколько это нам удалось наблюдать при совместной жизни за три месяца, отличаются мягкостью; нам очень редко, всего несколько раз пришлссь наблюдать небольшие ссоры или, вернее, пререкания супругов между собой. Отношения детей к родителям точно также сравнительно хорошие. Отличительной же чертой Ваховских остяков является особенная любовь их к детям и их матери, что обращает на себя внимание на первых же порах наблюдения их жизни. С ребенком очень часто водятся, держат его на руках, качают не только мать или другая женщина, но и мужчины члены семьи, при чем ребенок переходит из рук в руки, его качают, ласкают и бесконечно целуют. Особенным вниманием и заботой пользуются мальчики. Эта особая любовь к детям и забота о них, надо полагать, об'ясняется слабой деторождаемостью остяков и большой смертностью их детей.

„Как я буду жить, на кого буду работать, кому оставлю хозяйство, если умрут ребята"—говорит по этому поводу остяк. Этим же об'ясняется и его сравнительно любовное, заботливое отношение к своей жене, как к матери его детей.

Родственные отношения у ваховцев развиты довольно полно. Счет родства—„р а г а м" ведется по двум линиям: отцовской—агнатическое родство и материнской—когнатическое родство. Имеется счет также по нисходящей и восходящей линии, исходя из центральных имен—отца и матери.

Родство по отцу: отец—„а п а", бабушка—„и м и л ь", дед—„и к и м", сын—„п о х", дочь—„у г и", дядя по отцу—„и к и", брат старший—„а т и м", брат младший—„к а к ы", сестра старшая—„а н я", сестра младшая—„т е к а я", сродные братья—„о т е - с а г а н", сродные сестры—„а н и - с а г а н", племянник—„к а л ы к", племянница—„к а л ы к и", свекор—„п к е" сватовья—„р а г а м - я х" (родные люди), сноха—„м е н е л ь". Родство по матери: мать—„а н к а", бабушка—„и м и л ь", дедушка—„и к и м", дядя по матери—„о л и", тетка старшая—„а н и" тетка младшая—„т е к а я", свекровка—„и м и", теща „и м и". Особо должно отметить—муж—„к у" и жена—„и м е".

К большому нашему сожалению не все степени родства нам удалось выяснить, но и эти данные говорят о довольно развитой классификации родственных отношений, как по линии отцовской, так и материнской, при чем в некоторых случаях мы имеем даже особые обозначения для одной степени, но с подразделением на младших и старших

IX. ОБЩЕЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И ВЕРОВАНИЯ.

Общее миросозерцание первобытных народов, их представление о мире выражается в различных обрядах, суевериях, формах культа и т. п., но главным образом в мифах. Мифология является главным источником познания внутреннего мира, психологии первобытного человека, его религиозных воззрений.

Внутренний мир человека, его психика, его религиозные воззрения—область наиболее трудно поддающаяся наблюдению постороннего человека и тем более человека иной культуры.

Поэтому об этой области жизни наблюдаемого народа должно судить с необычайной осторожностью.

Произведенные нами наблюдения по Ваху дают некоторый материал и в этом отношении, разумеется, далеко неполный, отрывочный, но в некоторыхчастях, представляющий несомненно научный интерес.

Ваховские остяки, как и все их сородичи, при русской колонизации края на первых же порах были в массе обращены в христианство или, вернее, крещены и оффициально зачислены, как христиане. Здесь не место останавливаться на условиях и способах обращения их в христианство—все это является предметом специальных исследований, но известно, что это оффициальное „перечисление" остяков в разряд христиан ничуть не тронуло их национальных религиозных воззрений и только в некоторых местах, где остяки подверглись вообще значительному культурному влиянию русского населения, мы имеем постепенное видоизменение общего миросозерцания остяка.

Ваховские остяки в этом отношении подверглись вообще весьма незначительному воздействию русской культуры, а вместе с тем и религии.

Все ваховцы, хотя и считались оффициально христианами, по существу они остаются верными последователями своих прежних верований с некоторым, легким, едва заметным налетом чуждых влияний. Исполняя бессознательно некоторые церковные обряды — (почти исключительно венчание и крещение), остяки совершенно иначе относятся к своей обрядности, которую они понимают, как унаследованную от глубокой старины, от предков, которая вошла в их быт.

О характере религиозных воззрений остяка в смысле точного их определения говорить очень затруднительно, поскольку воззрения эти представляют целый ряд различных элементов, как пережитков различных стадий развития их религиозных воззрений. Можно сказать, что в религии остяка мы имеем некоторые элементы целого ряда верований: культ Торума, культ лунгов, культ медведя, следы тотемизма и анимизма и сверх всего некоторое отожествление христианских святых с остяцкими божествами или героями народного эпоса, как например „Миксла—Торум" или „Микола—Ике".

Ваховцы признают и главным образом почитают верховное божество „Торум" (по другим наречиям „Тором", „Торым", Торм"), он же „Алле-Ике (Большой Старик) или „Наги-Ике" (Белый Старик). Почитая Торума, остяки однакоже имеют весьма слабое о нем представление. „Торум" это верховное божество, которое обитает где то на недосягаемой высоте, на небе, именуемом „торум—вох" (божье железо). Торум является божеством изначальным, высшим, добрым и всеобщим для всех людей—для „какта-ку" (остяка), и „рутъ"—(русского). Он положил начало всему миру, но в дальнейшем он почти не имеет никакого отношения к этому миру вообще и к жизни человека в частности. Поэтому непосредственно к Торуму остяк в своих молитвах обращается очень редко.

По внешнему виду Торум похож на человека или, вернее, человек на Торума.—Многие шаманы, особенно в старину, говорят остяки, видели его в своих чудесных странствиях в „небесные дали", а затем о внешнем виде Торума остяк заключает еще и из следующих сообра-

жений: „Торум похож на человека, и человек похож на Торума, почему все звери и птицы, не боясь внешнего вида друг друга, боятся человека, трепещут пред ним и убегают от него, как бы от самого Торума".,—так• рассуждают остяки (Никита Лаврентьев Прасин—юрты Большие Лариакские).

Торум очень древний по летам старик „Алле-Ике" большой древний старик, а поэтому он убелен сединами—белый старик—„Наги-Ике".

Так, в сказании путешествия шамана, мною записанном, шаман долетает на чудесной птице далеко, далеко. Долетает... что светлота лучше некуда, восемь солнц светит, восемь месяцев светит, серебро течет, как река, юрта золотая стоит, из юрты большой старик „Алле-Ике", старый старик смотрит, Белый старик—„Наги-Ике", как снег белый старик смотрит и говорит".

При чем в дальнейшем оказывается, что это и есть Торум. Торум—этот древний и белый старик—„Ике" живет по образу и подобию человека, живет также в юрте, хотя и золотой, имеет оленей, нарты, а значит и ездит на них и даже занимается промыслами, ставит слопцы на птиц и зверей, как это нами записано в том же сказании: шаман на той же чудесной птице летит к Торуму; и вот летели, летели—„тюменталь, тюменталь", вдруг птица крыльями сильно зашумела и видит „ёлта-ку"—ворожей (шаман) от неба до земли поставлен слопец [1]) „Торум-сёсек"—божий слопец. Птица и говорит: „что нибудь приготовь и бросай". Ворожей достает кусок мяса, бросает в слопец, слопец падает и они благополучно его минуют.

О деятельности Торума в отношении человека вообще и в частности о творческой деятельности его нам удалось записать всего несколько моментов и между прочим очень распространенный среди остяков миф о сотворении земли „мыг". „Без лесу вода, без травы вода, без земли вода... ничего на ней не было, ни птицы, ни зверя не было видно, высоко, высоко, одна гагара „Тахтпэн" летала... А по большой воде Торум плавал... Плавал, плавал, приставать к земле надо... земли не видать, травы не видать... Тогда велел Торум гагаре глубоко нырнуть. Ныряла, ныряла гагара и принесла в клюве немного илу. Взял Торум ил из клюва гагары и сотворил землю и горы и реки на ней и урман и траву и птиц и зверей. И стал человек жить на земле; сначала люди были одни, а потом разделились на остяков „канта-ку" и русских—„руть".

Сказание о появлении человека, его сотворении нам записать не удалось. Сотворивши человека, Торум не оставил его своим попечением; он прежде всего привел к нему жену, научил добывать огонь, делать лодку, изготовлять лук, стрелы и разные ловушки и пользоваться ими, и сказал, как надо жить.

Исполнивши все это, Торум ушел на небо и с тех пор уже неизменно пребывает в недосягаемой для человека высоте, на небе „торум-вох". При этом он сказал: „я все сделал хорошо, теперь буду сидеть на месте, отдыхать, а на земле будет всем управлять „Миколаторум" и другие мои помощники.

Итак, как видим, во главе всего мироздания находится Торум, сотворивший землю и человека.

---

[1]) Слопец—„сёсек"—остяцкий самолов на птицу и зверя.

Текущей повседневной жизнью вселенной, различными явлениями природы управляют разные помощники—Торума „лунги", среди которых главное место занимает „Микола-торум" и „Пугос-лунг" (мать-дух).

„Микола-торум" (Микола—бог) управляет всеми делами на земле и главным образом ведает пушным промыслом, почему его еще называют „Вонт-Ике" (Урманный старик). Отправляясь на охоту, остяк молится Торуму и Миколе-торум вместе. Обитает Микола-торум в вершине Оби „Ась-ях-ёган". Как видно из наименования этого божества, здесь мы уже имеем некоторое влияние русской культуры, правда, выразившееся всего лишь в перенесении на одного из остяцких национальных божеств имени христианского святого Николая, причем и местом обитания его намечается вершина Оби, которая по представлению остяков населена русскими, т. е. как раз тем народом, от культуры которого и позаимствовано имя божества „Микола-торум".

Рыболовному промыслу покровительствует „Инк-Ике" (Водяной старик); он живет в воде, почему и жертвы приносят ему, опуская их в воду. „Инк-Ике" обитает в омутах и в устье каждой реки.

Большое значение в жизни человека имеет „Пугос-лунг" (Мать-дух) или „Торум-анки" (Мать—бога).

„Пугос-лунг" обитает в той стороне, где разгорается солнце—на востоке; там на большой воде—на море есть остров—город („мыг-пай-ват") или „ват-пугос-лунг" город матери—духа. От этого духа зависит рождение человека: „Она маленьких ребят выкачивает, таких маленьких, что „на глаз не видно", а при восходе солнца, с первым лучем посылает их на землю. Куда этот луч попадет впервые, там и родится ребенок — все равно — остяк ли, русский ли", говорят остяки.

По одной из наших записей и первые люди посланы на землю тоже „Пугос-лунг", которая также именуется иначе „Торум-анки" божья мать, что указывает как бы на происхождение самого Торума от нее—этой общей, изначальной жизнеподательницы. Каких либо более полных указаний об этом нам получить не удалось.

На „полуденной" стороне, на юге „котла-ёр" (полдень) обитает добрый дух „Тоглон-Ваях-лунг"—птичий дух, который ведает распределением птиц по земле, определяет время их перелетов весенних, место их назначения и т. п. От этого же „Тоглон-Виях-лунг" зависят по этому и успехи при охоте на птицу.

Среди добрых духов можно отметить „Телег-тегор-лунг"—„зимний заяц дух", который покровительствует оленям вообще и особенно оленям ему посвященным. Посвящение это делается в целях предохранения оленей от болезней, диких зверей и проч. и выражается в том, что подшейный белый волос „Сурам" оленя собирается в пучек и завязывается узлом, причем приговаривают: „прими Телег-тегор-лунг" и охраняй," и тем самым олень считается посвященным этому духу. Такого оленя нельзя заколоть.

Остяцкий пантеон, как и у других народов, населен не только добрыми духами,—„лунгами", но и злыми „Атам-лунг", которые главным образом и требуют умилостивительных жертв.

Так, если на востоке обитает жизнеподательница „Пугос-лунг", то на западе—„ыл-ванг" живет самый злой дух „Атам-лунг" злой, худой дух. Даже солнце, дойдя до того места, прячется и краснеет, ему страшно. Он живет на самом краю неба, за большой водой, за морем. Когда он приходит на землю, то люди поголовно вымирают,

олени помирают; все болезни, все зло от него. Он же искушает человека на грех, от него и грех по земле пошел.

Особый дух ведает тучами, молнией и громом „Ы л я н-п е л е к-л у н г" дух с северной стороны, он пугает людей, стреляет каменной, огненной стрелой в людей, в деревья, в землю.

В связи с этим можно отметить и духа, ведающего ветром,— „В о-т-л у н г"—ветреный дух. Когда он в дружбе с „ы л я н-п е л е к-л у н г", ведающем тучами, то он ему помогает, гонит тучи на землю, а когда они „подерутся", то „В о-т-л у н г" все тучи разгонит по сторонам, а тот, „где успеет прогремит, а то и нет, только сверкнет—осердится".

Урманом, лесом кроме „Миколы-Торума" или „В о н т-и к е"—(Урманный старик) духа доброго, ведающего лесом, ведает им и злой дух –„В о н т-л у н г" „урманный лунг". Он приносит человеку большой вред в лесу, на охоте; человек может захворать, замерзнуть, заблудиться в лесу. Охотник видит белку, а убить никак не может, не может выследить зверя. Лунг следы все запутает или отведет охотника от норы.

В лесу же встречается иногда особый дух—„П о т ч а̀ к". Он похож на маленького человечка. В лесу, говорят остяки, он гонится за охотником, путает следы, кричит „уа", „уа", а оглянешься, никого нет, а почью от него, как бы искры сыпятся. Когда „Потча̀к станет обходить тебя,—значит, что захвораешь или заблудишься. Чтобы отогнать его, надо за собой на снегу или на земле сделать палкой знак—небольшой круг и по бокам два креста, и приговаривать: „если больше Торума имеешь силы, то перепрыгнешь, а если нет, то не погонишься". Как сделаешь это, отстанет".

Этим перечнем, наверное, пантеон остяцких (ваховских) небожителей не исчерпывается; но нам лично больше не удалось установить имен лунгов, которые бы ведали более или менее определенной отраслью и носили бы характер по сфере своего влияния общеостяцкий или, хотя бы общеваховский, к последним должно отнести всех вышеперечисленных духов.

Однако же, кроме этих лунгов более широкого масштаба имеются еще много лунгов добрых и злых, но сфера деятельности которых в сознании остяка уже не так строго очерчена, как это мы видели выше и, вернее, отличается полной неопределенностью, имея лишь ту или иную тенденцию—злой, добрый, очень злой и т. д. Затем эти духи обычно территориально связаны с определенным местом, обитают именно по Ваху, а не где нибудь „на полуденной стороне", или на „большой воде", как говорится о вышеприведенных духах.

Имена всех этих лунгов второго порядка, связаны—обычно с священными, жертвенными местами, к описанию которых и позволим перейти.

Мне по пути нашего следования удалось собрать некоторые сведения о 15 жертвенных, прикладных местах, часть из которых (8 мест) мною обследованы и сфотографированы.

Переходим к описанию их в порядке наблюдения вниз по течению Ваха, начиная от устья его правого притока р. Кулун-ёгана и до устья реки Ваха.

1) Священное, жертвенное место—„Ю м-с у р-л у н г", здесь обитает „с начала века" злой дух –„Юм-сур" (без перевода—собственное имя). Место это находится ниже устья правого притока р. Ваха,

Кулун-ёгана, на правом берегу Ваха в густом, смешанном лесу, метров 10-20 от берега.

Имеются жертвоприношения—„ирех": на высокой, прямой, наполовину оголенной от сучьев березе, висит два черных полотнища квадратных одно на другом, свешиваясь вниз и не доходя до земли нижней кромкой до 50—70 см. Размер полотнища—длина до 2 метров, ширина $1^1/_2$ метра. В нижней части полотнища по черному фону крестообразная нашивка из тесемок белой материи, размером 30 × 50 см. Недалеко, шагов 20 от этого приклада почти на вершине тонкой и длинной березы в таком же положении повешено белое полотнище, Судя по состоянию прикладов, оба сравнительно недавнего происхождения, но черные полотнища более- старые, лет около пяти. Больше следов прикладов нет; остяки об'ясняют это тем, что теперь больше делают приклады в самом устье Кулун-ёгана, в воду. В прежнее же время это место—„Юм-Сур-Лунг" было, по их словам, видным жертвенным местом для Кулун-ёгана и прилегающих местностей. С этих прикладов удалось снять две фотографии, изображающие—первый черный приклад и белый на вершине березы.

2) Второе прикладное место—„Ирех-Огорт-юх-пеля", „приклад—высокий лес, гора" находится на левом берегу Ваха, между юртами Нягал-юх-пугол и Огорт-юх-пугол или между Верхними и Нижними Ромкиными, ближе к Верхним и представляет собой большую, песчанную, совершенно правильной формы пирамиду, на вершине которой небольшая сосна, где и приносятся приклады „Ирех". Пирамида эта находится между обрывистым песчаным берегом реки и песчаной отмелью. Со стороны реки пирамида значительно скрыта густой зарослью талового леса, так что с реки виднеется только вершина пирамиды. Прикладов немного, отдельные лоскутки материи, бисер и медные кольца.

Гора эта являлась в старину, а отчасти и теперь служит родовым священным местом для рода Прасиных-Ромкиных, происшедших по преданию от Кул-Косяк—„под'язка". Здесь приносились общие родовые жертвы и здесь же совершались и родовые празднества"—„маян-котл"—„гостинный день". Все это происходило на высоком берегу против жертвенной горы.

„Гора эта существует „с начала веков. Давно, давно, говорят остяки, когда Торум сотворил землю, он дал и эту гору всем людям для прикладов," при этом они добавляют: „сам ты должен знать это, как поди не знаешь".

3) Жертвенное место—„лунг-сур-ирех-сылта-кэх-пай"—(„лунг живет, прикладный камень остров") находится на левом берегу близ юрты Нягал-юх-пугол или Нижне-Ромкины. В бору метров около 300 от юрт в прямом направлении на юго-восток, по едва заметной тропинке находится громадная сосна, около которой виднеется небольшой священный камень—„кэх-пай"—камень—остров.

У самого основания сосны старательно сложены в кучку лошадиные кости, здесь же около сосны и в самой сосне (воткнуты) на разной высоте стрелы, подвешены небольшие куски материи, всего до 30 отдельных лоскутков, а также сложены медные деньги.

Вблизи этой сосны на особой перекладине, прикрепленной к двум молодым сосенкам, подвешена хорошо сохранившаяся шкура лошади, в виде, как бы бегущей несколько вверх лошади.

Три года тому назад здесь была принесена в жертву лошадь, специально для того купленная в нижнем течении Ваха, так как здесь лошадей нет. Жертва была принесена сообща остяками двух юрт Нижне-Ромкиных и Верхне-Ромкиных по случаю какой то эпидемии, когда злой дух сильно „пожирал людей“,—люди помирали.

Часть жертвенного мяса, сердце было сожжено на жертвенном костре, остальное мясо пошло на общую жертвенную трапезу. Кости лошади собраны и сложены около сосны, а шкура развешена в жертву духу и символизирует лошадь, как бы бегущую на небо, где она и должна предстать, как умилостивительная жертва остяков.

Это прикладное место представляет для нас особый интерес по предмету почитания, каковым является „кэхпай“ камень остров.

4) Против летника юрт Больших Лариакских в озере „Алле-Эмтер“—Большое озеро на большой глубине обитает злой дух—„кул-сарт-лунг“—„рыба щука-лунг“, в виде огромной щуки, голова которой покрыта мохом. Этот лунг, по словам остяков, может утащить в озеро всякаго неосторожного рыбака; остяки уверяют, что на их глазах исчезали в воду лебеди, как только садились на озеро, их хватала якобы эта огромная щука, в которую превратился упомянутый злой дух“.

Рассказы об огромной величине щуках нам между прочим пришлось слышать по Ваху в нескольких местах. Так, в юртах Больших Полиных меня уверяли, что однажды на большом озере, недалеко от юрт Нижне-Вартовских на Оби, такая щука схватила рыбака за ногу, когда он неосторожно погрузился у берега в воду и рыбак этот с трудом выбрался на берег.

Очевидно по глухим озерам действительно водятся щуки необычайной величины и, остяки, пораженные их величиной, обоготворили их, как боготворят все необычайное.—Так создалось представление об особом духе—„кул-сарт-лунг“.

5) Вдали за этим озером—вместилищем этого злого духа, на возвышенном южном берегу озера, где местность круто поднимается увалом, покрытым густым хвойным лесом, в отличие от светлых лиственных лесов в низинах по сторонам, точно также обитает злой дух—„Атым-лунг“—„худой дух“. В этот лес по увалу остяки ходить избегают, так как случается, что „Атым-лунг“ уводит человека к себе безвозвратно. Так, несколько лет тому назад Атым-лунг, по словам остяков, увел к себе в урман лариакскую остячку девицу Пурсолю (Парасковью) и „живет теперь с ней“, при чем уйти она от него никак не может, хотя дорогу и знает.

Лариакский шаман не раз ворожил, гадал по этому поводу.

6) Наиболее интересное жертвенное место находится на пути от юрт „Алле-Лариах-Пугол“ или Больших Лариакских к юртам „Чухломейги-пугол“—Чухломеевским на Большой Лариакской протоке, на небольшом острове у правого берега протоки. Остров круглый, довольно высокий, песчаный, покрыт дремучим кедровником, среди которого есть кедры большие, засохшие, покрытые мохом.

Место это называется „Ирех-сылта-пай-кор-тегар“ —„Прикладный остров—Болотный заяц“.

Это прикладное место посвящено очень жестокому, злому лунгу „Кор-Тегар“ „Болотный Заяц“.

Это место наиболее богато прикладами из всех, обследованных нами по Ваху.

Посреди острова—„пай" находится особый прикладный лаваз—„ирех-лаваз".

Лаваз или амбарушка поставлен на обычных для постройки лавазов бревенчатых четырех стойках на высоте—80—90 см. от земли.

Стенки лаваза из грубо стесаных кедровых плах толщиной до 10 см. Лаваз совершенно квадратной формы ввиде ящика; размер его длина 2 м., ширина—2 м. высота 1 м. Боковые стенки в две плахи задняя же и передняя в верхней части завершается выступом под углом.— В передней части маленькая из кедровых же плах дверка—ширина 70 см., длина—90 см. Бревно, приставленное к двери с тремя зарубками служит лесенкой; оно же, будучи приставлено в самую дверку, служит и запором для двери. Крыша лаваза двухскатная от средины к боковым стенкам, берестяная.

По вскрытии двери лаваза в присутствии остяков, нам представилась довольно внушительная картина прикладов по их количеству и ценности.

В лавазе по углам, у стенок, на особых перекладинах из жердей оказалось 126 прикладов из материи, среди которых 32 приклада состоят из целых кусков материи, дорогих шалей и платков, остальные же 94 приклада из отдельных полотнищ, лент и лоскутов.

Кроме того в лавазе были медные и бумажные деньги (около 40 монет и 12 бумажек разного достоинства от 1 р. до 5 руб. старого выпуска). Деньги были сложены на оловянном блюде, имеющем, как известно, у остяков, (именно олованное,) ритуальное значение.

Затем в одном углу направо от входа поставлены стрелы—до 15 экз., в другом на лево—медвежьи кости и череп.

При самом тщательном осмотре нами все же не было обнаружено каких либо изображений лунгов—„курр-лунг", на что в данном случае была некоторая надежда. По всеобщим увериниям остяков, теперь у них вышли из употребления подобного рода изображения.

Этот лаваз является центральным местом прикладов на острове, но и кругом лаваза по всему кедровнику масса прикладов в виде лоскутков, лент, бисерных нитей, бус, колец, стрел, денег, бубнов, двух домбр, обласса и т. д.

Наибольший интерес из прикладов в самом кедровнике—представляют четыре громадных халата. Халаты развешены по кедрам на значительной высоте. Халаты из разноцветной материи, два синих, один голубой в клетку и один белый. Размер халатов—длина до $2^1/_2$—3 метр ширина на до 2 м., длина рукавов до $1^1/_2$ м. Эти халаты предназначены для предков, богатырей—„матур", души „лилель" которых пользуются богопочитанием и требуют также, как и все духи—лунги, умилостивительных жертв.

Подобные халаты нами встречены лишь на данном прикладном месте, хотя, по словам остяков, вообще этот обычай в большом ходу.

Нами произведено здесь три фотографических снимка: а) вид лаваза, б) вид халатов на кедрах, в) общий вид прикладов с лавазом в перспективе. Не смотря на весь соблазн получить для Музея, хотя бы один из халатов, нам этого сделать не удалось—остяки не позволили этого.

7) Высокий песчаный яр, где теперь среди кедровника расположено с. Лариакское или, как его называют остяки—„Торум-кат-пугол"—Божья юрта—юрты" было в старину точно также большим прикладным местом, где обитал—„Бонт-Ике"—Урманный старик,

получивший впоследствии, как это выше указано, имя „Микола-Торум" и занимающий второе место в Ваховском пантеоне.

Здесь же было древнейшее кладбище—„л я н-к а с а-я г а-п у г о л" юрты покойников.

Возможно, что это место было наиболее почитаемым по Ваху, почему русские миссионеры, желая поразить воображение остяка и избрали это место, как опорный пункт в своей деятельности и для постройки церкви—„Т о р у м-к а т" юрты Торума, которая, очевидно, в сознании остяка мало чем отличается, а первое время и совсем не отличалась от прикладного места вообще, от прикладного лаваза в частности. По преданию здесь же в озере около Лариака и происходило крещение остяков.

8) Несколько пониже с. Лариака на Вахе при устье р. Сабуна—правого притока Ваха находятся остатки яра, на котором когда то был построен первый русский дом—„р у т ь-к а т"— русская юрта по Ваху еще до прихода миссионеров. Проникновение русских в среду остяков, наверно, воспринималось сознанием последних, как проявление какой то грозной, сверхестественной силы, какого то духа – лунга. И вот, место постройки первого русского дома и есть обиталище особого духа—„п е л я-р у т ь-к а т-л у н г"—„яр—русской юрты—дух". Возможно, что место это является действительно историческим, как первый опорный пункт проникновения русской культуры на Вах.

Яр этот давно уже смыт рекой и каких либо остатков от этого жилья—„р у т ь-к а т" не сохранилось.

9) Спускаясь от Сабуна ниже по Ваху, проезжая юрты Оленьи—„В е л и-П у г о л", мы через два часа доезжаем до летника—юрты—П у г-ю х-п у г о л!" –Стрелочное дерево юрты",—на правом берегу Ваха. Отсюда идет довольно широкая судоходная протока Ваха—Быстрая протока—„О к о н-м у г о", при впадении которой в Вах стоит юрта—О к о н-м у г о п у г о л"— „Быстрая протока юрты".

Против юрты „П у г-ю х-п у г о л" на левом берегу Ваха расположен хвойный лес, где обитает особый лунг—„П у г-ю х-л у н г"—„Стрелочного дерева дух". По предачию отсюда в древности богатыри „Матур" добывали особо крепкое дерево для своих богатырских смертоносных стрел.

Еще и теперь, обновляя стрелы, остяки нередко обращаются к этому духу—„П у г-ю х-л у н г" с просьбой о помощи при стрельбе из лука.

10) Ниже этих последних юрт на значительное расстояние по Ваху идет перерыв в смысле обитания каких либо лунгов, насколько это удалось нам установить. Возможно—это пробел случайный.

Между юртами Лапчинскими—„Л е в к е-п у г о л" и Мелинскими—„М е л и н-п у г о л"—(„омут озеро) немного пониже, так называемого, Болотного Яра—„К о е м-л о г-п е л я"—(Болотный — яр-яр), расположены два крутых яра по обоим берегам Ваха (один несколько ниже по течению другого), которые по их разрезу, по обрыву производят такое впечатление, как бы они были когда то одним гребнем, так как в своем разрезе тот и другой яр очень похожи друг на друга.

По преданию это так и было;—это был один увал, где обитали „И к е" старик и „И м е" старуха. Долго так было, говорят остяки, но потом Торум сказал: „вы отодвинтесьдруг от друга и здесь по реке будут плавать мои люди". Так они и сделали; и теперь „Ике" обитает по правому берегу, а несколько ниже по течению „Име" по левому берегу Ваха.

Возможно, что действительно река промыла здесь новое русло, которое, кстати сказать, здесь меняется очень часто и Вах имеет массу проток, стариц и т. д.

„Ике" и „Име" давно, давно играли в мяч и вот остались от них две старых сосны и две кедры на левом берегу Ваха против первого мыса—это были палки для их игры в мяч. Первый мыс теперь называется—„Левке-пеле-ике"—мыс лапчинского старика, второй—„Левке-пеле-име"—мыс лапчинской старухи.

11) Несколько выше правого притока Ваха р. „Колок-егана" (Воронова река) в Вах впадает небольшая речка—„Ар-Игал"—„раздельная речка".

Пониже устья „Ар-Игал", метров до 100 от него рекой Вахом и его небольшим заливом образуется возвышенный небольшой мысок, где среди лиственного леса затерялась группа около десяти могучих, частью покрытых седым мохом, кедров. Этот то кедровник, так странно затерявшийся среди сплошного лиственного леса, и служит обиталищем местного лунга—„Колок-еган-лунг-параны"—Колок-егана лунг лесной.

В центре прикладного места старая, очень толстая, дуплянаи кедра, вся покрытая зеленовато-седым мохом, которая уже сама по себе, своим видом, древностью должна внушать почтение.

Она то и является центром приклада; вокруг нее положены или поставлены стрелы, бубен, облас и деньги, а вокруг на ветках других деревьев развешены лоскутки, ленты, бусы, бисер и кольца.

Тут же разбросана жертвенная посуда, в которой в свое время потреблялось жертвенное блюдо или ставилось здесь для лунга. Это место нами сфотографировано—общий вид—центральный кедр и приклады.

12) В двух часах езды от устья Колок—егана вниз по Ваху с правой стороны в него впадают две речки очень близко одна от другой. Первая речка—„Яль-Нельтан-Игал"—„Войска поклялись—речка" и вторая—„Вока-вонт-Игал"—„Лисичий урман—речка".

С первой речкой связано очень интересное, уже изложенное выше, предание об остяцком богатыре, его борьбе с русскими—„Сарнянг-автав-кантах-кан"—„Золотоволосый остяцкий царь". На второй же речке, немного повыше ее устья есть высокий кедровый остров—прикладное место, известное под именем—„Торум-танес-пай" „Торум хрюкал—остров". Больше об этом интересном по названию острове к великому моему сожалению узнать ничего не удалось.

13) Ниже второго летника юрт Больших Полиных—„Алле-Полин-Пугол" при впадении в реку Вах слева речки „Кулун-игал-еган"—ниже устья есть мыс „аготай", покрытый смешанным лесом, среди которого есть сосна, являющаяся центром прикладного места. Здесь обитает очень интересный дух—„Пугос-лунг „мать-дух" или „Торум-Анки"—„божья мать". Здесь необходимо отметить, что лунги по представлению остяков могут одновременно обитать в разных местах, что и имеет место в данном случае. Как уже отмечалось, „Пугос-лунг" или „Торум-Анки" является божеством общим для всего Ваха и тот же дух связан территориально с несколькими пунктами. По описанию вышеприведенному, „Пугос лунг" обитает в той стороне, где солнце разгоряется—на западе (см. выше). От этого духа зависит рождение человека:" „она маленьких ребят выкачивает, таких маленьких, что на глаз невидно" и при восходе

солнца, с первым лучом посылает их на землю. Куда этот луч проникнет впервые, там и родится ребенок, „все равно остяк ли, русский ли"..... говорят остяки.

Этот же дух, обитающий „где солнце восходит", связан и с данной местностью, а также встречается, как увидим ниже, и еще раз по Ваху. Это жертвенное место носит следы какой то хаотичности, приклады страшно разбросаны, но зато в большом количестве. Здесь всего подсчитано: лоскутков—23, платков—8, колокольцов—12, ковшей железных—6, чугун большой, котелков 66, чайников—4, стрел—18, „домбры"—музыкальный инструмент—2, бубна—2, и сверх того много различных предметов в том же роде не учтенных и сильно заросших травой. Кроме того здесь имеется жертвенная лошадиная шкура, были здесь и оленьи шкуры, но, как говорят, „их с'ел зверь".

По правую сторону устья р. Кулун-Игал-еган имеется громадная сосна (около 2 метров в обхвате), пользующаяся также особым почетом, но прикладов около нее не оказалось, хотя особое почитание этой сосны утверждали все местные остяки.

Прикладное место сфотографировано.

14) Ниже устья правого притока Ваха—речки „Песек-еган" (песцовая река) (в 3 часах езды) расположен второй по течению летник юрт Сороминых. Против зимника юрт Сороминых на левом берегу Ваха по чвору на расстоянии около 400 метров от реки находится кедровый остров, где обитает, известный уже нам, дух—„Пугос-лунг"—мать—дух. Прикладное место, имеются жертвенные шкуры лошади и оленя.

На это прикладное место в прежнее время, лет 20 тому назад, ежегодно привозили на лодках на некоторое время—„Курр-лунг" изображения лунгов—„куклы" с реки Югана—левого притока Оби.

15) Против юрт Больших Тарховых на правом берегу Ваха, на его заливных лугах имеется довольно высокая, странно выдающаяся на общей низменности возвышенность, известная под именем—„Тара-лунг-пай"—„Журавлиный—лунг-остров". По его имени названы и самые юрты. Б. Тарховы. „Алле-Тара-пугол".

Об этом лунге известно следующее: ниже с. Лариака есть „Пухюх-пай"—„срелоточное дерево"—яр, уже известный нам, откуда в старину в половодье отделилась часть земли, плавучий остров. Сначала он приплыл ниже юрт Тарховых, где уже была подобная же глыба—сестра (текай) этого лунга—„Тара-лунг-текай"—„Журавлиный лунг сестра", но там ему не оказалось места и он вернулся в Б. Тарховы и остановился на лугах.

Судя по расказам, надо полагать, что это действительно приплывший сюда в половодье на заливные луга небольшой торфяной остров, сторвавшийся от торфяного яра выше по реке, что случается по Ваху не редко, как это уже нами отмечалось.

Сестра этого лунга—„Тара-лунг-текай", тоже приплывший остров, находится на полпути от Б. Тарховых к Малым Тарховым, но где именно, установить дорогой не удалось.

16) Наконец, ниже юрт Савкиных или „Рогнам-Пай-Пугол"—(„Прорытый остров юрты") в самом устье Ваха обитает, как и следовало ожидать, добрый дух—„Инк-ике"—„Водяной старик" — покровитель рыболовства. Он, как известно, обитает в устье каждой реки, но именно этот Ваховский „Инк-Ике" имеет свои специфические задания,—в весеннее половодье направляет вверх по Ваху рыбу из Оби.

Эта его „благотворная" деятельность, по мнению остяков, определяет все успехи рыболовства по Ваху.

Перечисленными прикладными местами, как обиталищами различных лунгов, наверное, не исчерпывается весь очень интересный бытовой материал в этом отношении на пройденном нами пути от реки Корельки—еган до устья Ваха, но все же мы считаем необходимым и весьма ценным, хотя бы и кратко, зафиксировать все то, что приходилось или лично наблюдать или слышать в передаче остяков.

В дополнение к изложеному выше материалу нам остается отметить, что, помимо выше приведенных видов остяцкого божества и лунгов, у ваховских остяков имеются еще домашние или семейные лунги—„кат-лунг" (юрточный, домашний лунг) или—„рагам-лунг" (семейный лунг).

Как видно из самого названия, лунг этот является покровителем данной юрты, определенной семьи.

Во многих местах около юрт имеются на высоких жердочках приклады в честь этих домашних лунгов, состоящие из подобных же предметов, как и уже отмеченные приклады: куски материи, халаты, платки, бисер. бусы, а в некоторых местах пушнина—шкурка лисицы и т. п.

Так, например, в юртах Нинкин-еган-пугол против устья реки „Нинкин-еган" („Бабья река)" среди мелких домашних прикладов имеется три больших халата для богатыря—„Матур"—предков хозяина юрты. В юртах „Яголпенек-пугол" („Бор-мыс-юрта") большая семья имеет несколько домашних прикладов, среди которых есть шкуры лисиц.

Кроме того домашним покровителем считается, как уже отмечалось, и медведь. В юрте нередко имеется голова, лапа, клык и коготь убитого медведя, в честь которого после того был совершен медвежий праздник. Клюв гагары имеет такое же значение.

Клюв гагары пользуется таким значением, очевидно, как пережиток несомненно бывшего здесь, как и в некоторых других местах, почитания гагары вообще, как птицы, игравшей столь видную роль в сотворении Торумом земли; гагара, как мы видели, нырнувши в воду достала в клюве ил, из которого Торум и создал землю. Клюв гагары часто подвешивают в узелке над люлькой ребенка.

Упомянутые части медведя, как ритуальные, хранятся или при входе в юрту, или в особых куженьках (берестяных коробках], где хранятся также иногда и маленькие христианские иконы, которые для остяка имеют подобное же значение, как хранителя от несчастий. Икона иногда даже встречается выставленной в юрте на палочке, воткнутой в землю. Все иконы—изображения—„курр" „образ" остяки называют одинаково—„Руть—торум"—„русский бог". Изображения же богородицы—„Руть—Ни"—„русская девица". Дальше этого понятия остяков в этом отношении, очевидно, не простираются.

В заключение необходимо отметить, что, не смотря на все наши старания, попытки напасть на следы существования по Ваху в данное время каких либо изображений их божеств—идолов—„лунг-курр", этого достигнуть не удалось. Самые категорические заявления всех и в том числе многих русских старожилов с. Ларьяка, хорошо знающих остяков, говорят за то, что за последнее десятилетие по Ваху идолы или куклы уже не встречаются. За то же говорят жертвенные материалы всех, тщательно осмотренных нами лично, прикладных мест, где

иногда, как отмечалось выше, имелись сотни отдельных жертвенных предметов и никаких признаков каких либо изображений.

Все это дает основание действительно сомневаться в существовании по Ваху в настоящее время каких либо изображений остяцких божеств.

Совершенно особо должно отметить культ медведя, столь широко распространенный среди всех малокультурных народов, начиная от Австралии, Америки до Азии и Европы и в частности среди сибирских туземцев. Явление это можно об'яснить тем, что во многих местах медведь был одним из самых опасных зверей и, следовательно, уже как таковой, возбуждал к себе чувство суеверного страха.

Среди ваховских остяков культ медведя сохранился точно также в значительной полноте, хотя многие моменты его все же уже утеряны сознанием ваховца.

Выше уже была отмечена клятва над головой или лапой медведя при родовом суде остяков, как одно из распространенных и наиболее верных средств присяги, для установления истины.

Сила этой клятвы основана на понятии о божественном происхождении медведя. Нам удалось записать подобное предание лишь в смутных, небольших отрывках, сущность которых сводится к следующему: Медведь—„их" когда то, в изначальные дни был сыном бога—„нох-торум."—Он отличался непослушанием и гордостью. За эту то гордость Торум его прогнал от себя еще когда людей на земле не было и свергнул с неба на землю. Падая с неба, медведь попал в непроходимый урман и зацепился на огромной, старой, покрытой мохом кедре. Так висел он долгое время, так долго, что и сам оброс мохом. Гордость все ему не позволяла просить прощения у Торума.

Наконец, он не выдержал и молил своего отца—Торума о прощении, который превратил его в медведя и при этом сказал ему: „пока живут люди на земле, ты будешь медведем. Все тебя будут бояться, ты все будешь видеть, все будешь знать. Худой человек от тебя не уйдет. Тебе будут поклоняться, хотя бы и убитому. Иди на землю". (Прасин Лаврентий Гаврилович.)

В соответствии с этим, хотя бы неполным сравнительно с другими сказанием, стоит и отношение остяка к медведю.

Из боязни прогневать медведя остяки очень неохотно называют его своим именем—„их"—медведь, упоминая о нем больше в третьем лице и называя „ике", дед в шубе, урманный старик—„вонт-ике", „большой старик"—„алле-ике". Здесь мы видим с одной стороны боязнь остяка назвать медведя его собственным именем и наименование его особо почетным именем дед,—большой дед и т. п. Все это указывает на особо почтительное отношение остяка и медведю.

На том же основании отдельные части убитого медведя, как например, череп, лапа, зуб обладают особыми свойствами оказывать покровительство той или иной семье. Поэтому нередко череп медведя хранится в юрте остяка, зуб медведя подвешивается над люлькой ребенка или надевается остяком на шнурке на шее и т. п. В одну из поездок в Нарымский край нам лично удалось получить череп медведя, как предмет почитания, с прихладами в молитвенном лавазе в юртах Пыжиных-Заречных—Принарымского района.[1])

---

[1]) Шатилов М.—Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского Района— „Труды Томского Краевого Музея" Т. 1—1927 года.

Наиболее характерным, ярко выраженным моментом для культа медведя является, так называемый, медвежий праздник, совершаемый в тех или иных формах многими сибирскими туземцами.

Нам, к сожалению, не представилось случая непосредственно наблюдать по Ваху медвежий праздник, но удалось довольно подробно записать всю церемонию со слов Прасина Егора Степановича из юрт „Огорт-юх-пуголˮ, являющегося видным хранителем родовых традиций ваховцев. По его словам, медвежий праздник — „Их-парывельвельˮ („медведя праздник делатьˮ) заключается в следующем:

Убитого медведя, если это случилось недалеко от юрт, приносят или привозят на нартах в юрту с особыми почестями, принося все время извинения перед ним, указывая, что „это не они (остяки) убили его, а злой человек—„атым-ку убил егоˮ. Если же медведя убивают далеко от юрты, то шкуру снимают, оставляя неободранной голову и лапы—самое запястье и берут все это с собой, а также часть мяса и сердце.

Принесенный в юрту медведь или его шкура с головой помещается в передней части юрты (противоположной от входа), предназначенной для гостей, головой к очагу. Морда медведя кладется между вытянутых вперед передних лап. В таком виде держат медведя в юрте 4 или 5 дней; если самец—5 дней, самка—4 дня. Голова медведя и лапы украшаются ленточками или цветными тряпочками. Празднества происходят ночью, так как именно в ночное время божество странствует по земле и может наблюдать почести, оказываемые убитому медведю.

В юрту к ночи собираются гости, при чем, каждый из входящих кланяется медведю и иногда даже целует его в морду, говоря: „Петя-вола-икеˮ—„здравствуй старикˮ. Поздоровавшись, садятся по сторонам юрты вокруг очага. Женщины входят в юрту обязательно с покрытым лицом и могут целовать медведя только через платок.

Все усаживаются и хранят некоторое время почтительное молчание, прерываемое иногда глубоким вздохом:—настроение соответствующее моменту.

Наконец, кто либо из охотников, убивших медведя, или старший в юрте делает несколько куженек (берестяных сосудов) и палочек (по количеству ночей предполагаемого пира 4-5) по одной на каждую ночь. В эту куженьку кладется медвежье сало, которое нагревается и мешается палочкой; в разогретом виде сало выпивается охотником, сидящим у головы медведя. Этим самым он как бы вступает в тесную связь, в единение с медведем. После этого начинается самый праздник. Под звуки домбры—„панан-юхˮ поются песни, сказки различного содержания, но, главным образом такие, где бы говорилось про медведя Затем происходит пляска, по приемам имитирующая телодвижения медведя.

Так происходит праздник все эти ночи, при чем каждую ночь кем либо из охотников выпивается топленое медвежье сало из упомянутых куженек. При этом шкура с головы медведя каждую ночь постепенно сдирается на одну четвертую или пятую часть с таким расчетом, чтобы в последнюю ночь голова была обнажена.

В последнюю ночь, когда шкура снята с головы, начинают варить медвежатину и в первую очередь голову и сердце.

Пока голова варится, в это время происходит борьба. Кто либо из охотников надевает шкуру медведя и начинает бороться с

присутствующими, одолевая таким образом последовательно семь борцов, а при осьмой борьбе, на него,—мнимого медведя, нападают семь борцов и медведь бывает побежден. Последняя борьба приурочивается к моменту изготовления варки головы.

Варево готово—начинается пиршество. Начинают есть мужчины голову, затем медвежатину — переднюю часть, а женщины едят отдельно сваренную заднюю часть. Такое распределение медвежатины об'ясняется тем, что, по мнению остяков, в передней части медведя заключается его дух—„лилель" и поэтому женщины недостойны есть эту часть. При этом должно заметить, что медвежатина вываривается очень хорошо, настолько, чтобы нисколько не отзывала кровью, так как, по поверью остяков, если кто с'ест кровавое мясо, того другой медведь задерет.

Когда едят медвежатину, то приговаривают: „кок, кок" (слово не переводится), „ворон тебя ест, а не я, не сердись большой старик". По окончании еды, пирующие вытирают руки в горячей золе очага. Общей трапезой и кончается медвежий праздник. Череп медведя и кости никогда не бросаются, собираются все в куженьку и помещаются на полке в одном из углов лаваза—амбара, а шкура на продолжительное время вывешивается среди деревьев. Если бросить кость собаке, то другой медведь задерет ее хозяина. Если собака сама утащит кость, то у нее отрезают ухо, бросают в огонь и говорят: „на, ищи теперь с собаки вину".

Приведенное описание медвежьего праздника в общих чертах было подтверждено и другими остяками, в разговорах с которыми я поверял повествование Егора Прасина.

Описанный нами церемониал медвежьего праздника в главных чертах совпадает с некоторыми другими подобного же рода описаниями [1]) и это понятно, ибо празднества в честь убитого медведя везде носят более или менее однообразный характер, варьируя лишь в подробностях.

Культ медведя у вогулов и остяков довольно подробно исследован Н. Л. Гондатти, который дает в своей работе подробное описание медвежьего праздника, как он его наблюдал на Тобольском севере. В виду особого интереса этого описания и его некоторого сходства с нашей записью мы позволим себе привести его в кратких чертах, а именно:

„По верованиям остяков и вогулов, говорит Гондатти [2]), бог разрешил медведям мстить людям, которые при жизни или по смерти медведя будут над ним насмехаться или оказывать малое почтение, вот почему каждый инородец, убивший медведя, старается доказать свою любовь и уважение к нему, говоря: „ты прости меня, ведь убил тебя не я, а русский, от него я получил ружье, порох и свинец".

Когда медведь убит, охотники бросают друг в друга снегом, а летом мохом, землей, чтобы таким образом очиститься от тяжкого преступления—убийства медведя.

---

[1]) Н. Л. Гондатти—„Культ медведя у зап. сибирских инородцев"—Тр. Эт. Отд. О. Л. Е. А. Э. т. VIII—1887 г.
Михайловский—„Шаманство".
Дунин-Гаркавич—„Тобольский север".
Штернберг—„Сахалинские Гиляки" Э. О. 1893 г. № 2 кн. XVII.
Шульце—„Салымские остяки".
Шренк А.—„Об инородцах Амурского края" 1899 г.

[2]) Н. Л. Гондатти—Ibidem

Затем снимают шкуру, оставляя ее на голове и передних лапах, и приносят ее в юрту, где она помещается на почетном месте против очага, мордой к нему. Голова кладется между лап. Перед головой ставятся фигуры оленей, сделанные из хлеба или бересты, символизирующие действительных оленей, как бы приносимых в жертву медведю. На глаза медведя кладутся серебряные монеты, на конец морды надевается берестяный кружок, а на пальца, если убита самка, берестяные кольца. Женщины недостойны смотреть на медведя и должны быть с покрытым лицом.

На праздник с'езжаются гости издалека, но всё родичи.

Праздник совершается обязательно ночью. Празднование длится несколько дней от 3 до 5 и более. Всякого вновь входящего на праздник в юрту обливают водой или осыпают снегом в целях очищения.

Каждая ночь праздника начинается с пения ритуальных песен.

Вторая часть ночи посвящается примитивным представлениям; остяки одевают берестяные маски и изображают различные сцены и танцы. Поют главным образом про медведя, о его жизни на земле и на небе, о прошлом остяцкого народа, о богатырях и проч. Пляски бывают между песен и соответствуют песням; если поют про медведя, то в плясках подражают его телодвижениям. По окончании пляски или песни низко кланяются медведю. Вновь приходящие целуют его: мужчины прямо в морду, а женщины через платок.

В течение праздничных ночей варят и едят медвежье мясо, за исключением ритуальных частей—головы, сердца и лап.

В последнюю ночь на рассвете мужчины с соблюдением особого церемониала выносят шкуру в поле, а женщины варят зад медведя. Мужчины в поле готовят себе голову, сердце и лапы и с'едают их с соблюдением некоторых обрядов.

При сдирании шкуры, при варке мяса, кости никогда не раздробляются, чтобы медведь мог снова в свое время облечься плотью. В последнюю ночь череп медведя вешают куда нибудь на близ стоящее дерево, думая, что медведь доволен почестями, ему оказанными, будет покровительствовать всем присутствовавшим на празднике. Шкура медведя в большинстве случаев жертвуется богу, а клыки и когти хранятся, как предметы, имеющие ритуальное значение.

„Медвежья вечерка", как называет этот праздник Дунин-Горкавич[1]), по его описанию, кратко сводится к следующему:

Прежде всего праздник совершается не над каждым медведем, а только над „чистым", т. е., если он когда либо не с'ел человека, что узнается по наличию в желудке медведя клубка человеческих волос. Мясо „нечистого" медведя просто сжигается. Когда привозят убитого медведя, предназначенного к празднованию, все выходят из юрты, делают земной поклон, целуют его, приговаривая: „царь леса", при этом обмакивают руки в куженьке с водой, поставленной около медведя и обмывают себе лицо, считая тем самым себя прощенным медведем, и если кто когда нибудь обманул или обидел другого.

Привезенного медведя кладут на нары в юрте, повязывают ему шею шарфом, на голову одевают шапку, а медведице повязывают голову платком. Перед медведем в маленьких берестяных куженьках ставят сушеную рыбу, варку, орех, хлеб, тут же кладут расческу и чип (мелкие стружки для утирания лица).

---

[1]) Дунин-Горкавич—„Тобольский Север".

Самая вечерка состоит в пении песен и расказов (до 300) из охотничьего быта, для чего поющий надевает берестяную маску и цветные халаты. По исполнении всех песен происходит гадание, каждый подходит, поднимает медвежью голову, если голова поднимается легко, это предвещает удачу в промысле и т. п., а если с трудом—означает неудачу.

В заключение убитого медведя делят на части и едят, чем и заканчивается „вечерка".

Таков в общих чертах медвежий праздник у остяков и вогулов по описаниям Н. Л. Гондатти и Дунина-Горкавича взаимно дополняющим друг друга.

По описаниям других исследователей, как например. Штернберга, Шренка[1]) у гиляков, гольдов и айнов также совершается медвежий праздник по духу своему совершенно однородный с приведенными описаниями.

У этих народов принято ловить молодого медвеженка, которого, вскормивши, убивают с особым церемониалом.

Отдельные моменты самого праздника несколько отличаются от приведенных нами примеров, но общий дух праздника остается тот же.

Здесь тоже поклонение медведю, те же ритуальные пляски, песни и, наконец, общая родовая трапеза, угощение вареной медвежатиной. Череп, челюсть и уши медведя после праздника вешают на дерево для предохранения от злых духов.

Женщины, как чужеродки, ограничены в правах участия на медвежьем празднике, как празднике родовом. Резкой особенностью этих праздников у этих народов по Шренку и Штернбергу заключается в том, что участники праздника пьют кровь медведя и пожирают его сердце и печень в сыром виде, чего никогда, ни при каких условиях не делают остяки и вогулы.

В заключение позволим несколько остановиться на некоторых параллелях и особенностях отдельных моментов в вышеприведенных описаниях медвежьяго празднования у остяков, оставляя в стороне те же обычаи у гольдов, гиляков и других, как приведенные лишь в подтверждение общего смысла этого широко распространенного обычая.

Прежде всего обращает на себя внимание общая, ярко выраженная черта—это почитание медведя, поклонение ему, извинения пред ним, проистекающие из глубокой веры в божественное происхождение медведя.

На том же основании по описаню по двум из этих вариаций пред медведем совершается символически ему жертвоприношение оленей, хлеба, рыбы (в куженьках), а по нашей вариации распорядители празднования каждую ночь с особыми церемониями вкушают растопленное медвежье сало, что символизирует общение с медведем, приобщение к божеству. Здесь разные моменты, но исходящие из одного начала—божественной природы медведя.

Далее общей чертой является строгое подразделение отдельных частей медвежатины между мужчинами и женщинами, основанное опять таки на признании божественного происхождения медведя, в силу чего передняя часть медведя и голова, как место где обитает божественный дух, душа медведя, признается недоступными для женщин.

[1]) Штернберг Л. Я.—„Сахалинские гиляки". Эти. Обз. 1893 г. кн. 3.
Шренк А.—„Об инородцах Амурского края", 1899 г.

Бросание снегом охотниками друг в друга, обливание водой при входе в юрту, как и обмывание рук в куженьке около медведя, когда его привозят к юрте—все это—черты общие двум приведенным нами вариациям Г. и Д. Г. и все они символизируют очищение присутствующих от каких либо проступков.

Особенностью вариации Д. Г. является гадание при медвежьем празднике, а затем отсутствие подразделений между мужчинами и женщинами при общей трапезе в смысле предоставления тем и другим строго определенных частей туши убитого медведя, что, как мы видели, является весьма существенным моментом медвежьего праздника.

Все эти моменты устанавливают с несомненностью обоготворение медведя остяками.

Далее из некоторых моментов раскрывается и происхождение этого обоготворения медведя, а именно: участие в медвежьем празднике представителей одного рода, недопущение к трапезе чужеродцев указывает на родовой характер этого празднования, на родовое его происхождение, на значение медведя именно, как родового покровителя, родового тотема. О том же говорит и строгое соблюдение обычая, в силу которого женщины на этом празднике обязательно закрывают лицо платком, что они делают, как это уже нами отмечалось, лишь в присутствии, как бы родоначальника.

Таким образом в медвежьем празднике, если и не в чистом виде, то все же достаточно определенно выявляется начало тотемизма, в силу которого устанавливается родственная, родовая связь данной группы с тем или иным представителем животного мира, в данном случае с медведем.

В связи с обозрением прикладных мест необходимо несколько остановиться на выяснении понятия о прикладе „ирэх" и жертве. „йр"—Приклад"—„ирэх" заключается в приношении божеству в качестве умилостивительной или благодарственной жертвы различных предметов в подкрепление молитвы.

Круг предметов, могущих служить прикладом, почти неограничен; прикладом не может служить лишь пища и вообще все, что может потреблять человек в качестве пищи и питья.

Прикладом служат, как мы видели, куски материи, шали, платки пушнина, деньги, лоскутки, бисер, бусы, кольца, стрелы и различные предметы домашнего обихода, средства передвижения и музыкальные инструменты и вообще все, что представляет какую либо ценность, приношение чего таким образом служит показателем доброй воли, жертвы молящегося.

Как особенную черту, как особый смысл прикладов должно отметить совершенно особое назначение некоторых из прикладов, когда они определенно должны служить тому или иному божеству по своему прямому назначению. К таким предметам безусловно относятся, отмеченные выше, халаты, предназначенные для богатырей—„ма-тур".

Принесение приклада не сопровождается какими либо действиями шамана, его присутствие или участие не обязательно.

Принесение прикладов обычно сопровождается молитвой самого приносящего приклад. Молитвы эти заключаются в бесхитростных, простых словах, обращенных к божеству, выражающих ту или иную просьбу, совершенно конкретную или какую либо благодарность уже за полученное остяком благодеяние божества.

Так, например, при отправлении на промысел молятся Торуму—и „Миколе—Торум" в следующих словах: „Пошол я промышлять пушнину, Торум, Микола-Торум, дай мне пушнины, самого меня храни, оленей храни, семью, ребят береги".

„Алле-Торум", пошли мы промышлать, храни нас, мы, вот видишь, тебе приклад приносим, на, принимай!"

При возращении с промысла приносят благодарность, делают прикладыи молятся: „Микола-Торум", хорошо я ходил, хранил ты меня, хорошо, я пришел обратно из урмана"—при этих словах вешается или кладется приклад. Слова выражающего благодарность в ваховском наречии не имеется и, когда надо поблагодарить за что нибудь, остяк говорит: „имаке", „имаке"—„хорошо, хорошо".

Торуму приносится в приклад всегда только белая или черная материя, а лунгам можно приносить красную и других цветов материю.

Кроме прикладов „ирэх" существуют еще жертвы—„йр", которые отличаются от прикладов, как по содержанию, так и по способу приношения и значения предметов.

В отличие от прикладов, об'ектом которых могут быть различные предметы обихода, жертвой служит что либо потребляемое человеком в пищу или питье—это во первых.

Во вторых, содержимое жертвы „потребляется" здесь же как самим божеством, так и самим приносящим жертву.

В жертву приносится хлеб, мясо, рыба, брага, вино и, наконец, сохранились и кровавые жертвы—заклание животного—лошади или оленя

Когда приносятся безкровные жертвы, обычно часть жертвенного приношения сжигается на огне, что символизирует принятие божеством приносимой жертвы, остальная же часть потребляется присутствующими.

Принесение животного в жертву севершается следующим образом: Жертвенное животное закалывается в сердце, кровь собирается в куженьку (берестяный сосуд) и выливается в жертвенный очаг, шкуру снимают и развешивают на жерди на жертвенном месте, сердце вынимается и кладется в жертвенный очаг, мясо жертвенного животного потребляется всеми присутствующими с произнесением тех или иных молитв. Кости животного собираются все в одно место, обычно около священного дерева, череп насаживается на некоторой высоте на сучке дерева.

В старину кровавые жертвы приносили в определенное время, в семь лет раз или по случаю какого либо стихийного бедствия или эпидемии. Теперь семилетняя периодичность уже оставлена и кровавые жертвы приносятся лишь от случая к случаю при каких либо больших несчастиях—эпидемии и проч.

Безкровные жертвы приносятся довольно часто, как и приклады, почему на жертвенных местах встречается масса посуды, в которой приносились безкровные жертвы.

Молитвы и жертвы совершаются остяками не в определенные какие либо дни, праздники, а от случая к случаю.

Праздников, как таковых, дней, имеющих ритуальное значение, остяки не знают, если не считать, уже отмеченных выше, родовых праздников „маян-котл"—„гостиных дней", которыми отмечается возвращение охотников с пушных промыслов. Эти праздники сопровождаются общественными жертвами.

В нижнем течении Ваха уже начинает прививаться понятие о празднике, о дне отдыха, при чем здесь празднуются уже некоторые церковные праздники.

Из отдельных моментов человеческой жизни, так или иначе связанных с верованием остяков и их обрядами, можно отметить рождение человека и смерть,—два наиболее загадочных явления, поражающих примитивное воображение человека.

Рождение человека по понятиям остяков происходит с одной стороны путем естественным, но и при некотором соучастии сверх'естественных сил, а именно: на востоке, где „солнце разгорается—на краю моря—„ч а р а с" обитает „П у г о с-л у н г"—Мать-дух", которая и „выкачивает маленьких, на глаз незаметных детей, посылает их на землю. Куда проникнет этот луч впервые, там и родится ребенок". Таким образом известное значение сверхестественной силы в рождении человека по понятиям остяков не подлежит сомнению.

Кроме того имеется у них также определенное верование, что человек имеет своего двойника, душу „л и л е л ь", которая человеку дается от Торума при его рождении. Душа—„л и л е л ь" дух человека—это то, чем человек дышит, живет. Эта душа есть его отображение, его второе „я", оно неразлучно с ним, отображает его, как его тень—„к у р р".

Временно „л и л е л ь" может покидать человека и странствовать, как, например, во время сна, когда человек, оставаясь как бы неподвижно в юрте, в то же время странствует, охотится и т. п. Когда человек умирает, это значит—„л и л е л ь" душа оставила человека, вышла из него, вселилась в его двойника, в его отображение.

В связи с этими представлениями нам пришлось во многих местах встретить очень неприязненное отношение к фотографии; остяки уклонялись от их фотографирования, боясь, что появление на снимке их двойника, их отображения, или, как они прямо называли снимки, „к у р р"—тень человека „может повлечь за собой переселение их души—„л и л е л ь" в этого двойника, иначе говоря, что они могут умереть.

Поэтому мы почти совершенно лишились возможности сделать фотографические снимки отдельных остяков или группы. Особенно боялись фотографировать детей и ни в коем случаев на это не соглашались и нам больших трудов стоило получить всего несколько снимков остяков.

Верование в душу, во второе „я" человека всеми этнографами относится к одному из основных элементов первобытного миросозерцания.

Эта вера в другое „я", в своего двойника, душу появилась в результате наблюдений человека над самим собой и над окружающими.

Большинство исследователей приходит к тому заключению, что представление о душе, двойнике человека явилось результатом наблюдения над сном человека, над сновидениями. От внимания первобытного человека не могло, конечно, ускользнуть, что в то время, как ему снятся разнообразные сны, тело его лежит совершенно неподвижно. Это ему подтверждают и другие, когда он им рассказывает свои приключения в сновидениях. Между тем в момент сновидений спящий чувствует себя, как на яву. Поэтому дикарь не мог отрицать реальности сновидений. Но если все окружающие уверяют его, что в то время как он ходил во сне на охоту, странствовал в каких то далеких

неведомых краях, встречался там с давно умершими родичами, его тело лежало спокойно на одном месте, у всех на глазах, он неминуемо должен был приходить к заключению, что на время сна тело его покидало что то другое, его двойник, второе „я". Он лежал, он же и ходил, он спал, но он же и охотился, значит, есть помимо видимого его существа еще нечто невидимое—дух, душа, его двойник.

Этот двойник каждую ночь покидает тело и к утру возвращается.

Но этот двойник может и не вернуться.—Этим об'ясняется смерть.

Первобытный человек, наблюдая смерть, когда его сотоварищ вдруг лишается способности двигаться, как бы впадает в крепкий сон, неизбежно должен был приходить к выводу, что умершего уже не временно, а окончательно покинул его двойник, его дух, душа.

Душа по верованию дикаря есть существо живое, иначе оно бы не могло покидать тело и возвращаться в него.

Наконец, душа имеет образ человека. Первобытного человека прежде всего, должна была поражать его тень. Двигаясь постоянно вместе с человеком, она—эта тень являлась его двойником, а тень эта имела контур человека. Значит, душа, двойник имеет образ человека.

Так и у ваховских остяков душа, дух—„л и л е л ь" иначе называется—„к у р р"—тень. Отображение человека в фотографии рассматривается остяками, как появление двойника и называется именем—„к у р р"—тень.

Наблюдения над различными моментами, сопровождающими смерть, как например, когда перестает биться сердце, когда человек умирает от потери крови, приводит первобытного человека к убеждению, что местопребыванием души является сердце, кровь.

Далее, человек не проводя резкой грани между собой и всей окружающей природой, не отказывает в существовании души и всем окружающим его одушевленным и даже неодушевленным предметам.

О судьбе души, после того, как она оставляет тело человека, существуют у различных „некультурных" народов самые разнообразные представления, но наиболее распространенное из них, заключается в том, что душа, двойник человека живет в каких то иных краях, продолжает вести там такую же жизнь, какую вел человек на земле до его смерти.

Жизнь после смерти является повторением, точным воспроизведением земной жизни. Умершие или, вернее говоря, двойники человека предаются там тем же удовольствиям, тем же занятиям, что и здесь на земле; также занимаются, например, охотой, рыбной ловлей, ездой на оленях и проч.

Всеми этими представлениями об'ясняется много различных обрядов при погребении.

По верованиям ваховских остяков душа человека при его смерти покидает его. Двойник доброго человека идет к Торуму, душа худого к лунгам. Здесь возможно уже сказывается влияние христианства, но каких либо более подробных представлений о судьбе души человека, оказавшейся как у Торума, так и у лунгов, у остяков не имеется. Здесь и там двойник человека продолжает жить одинаково, продолжает земную жизнь человека и вся разница в судьбе души оказавшейся у Торума и у лунга, заключается в большем довольстве в первом случае и в некоторых недостатках во втором.

Самое погребение умерших совершается без особых церемоний и обрядов. Для погребения существуют специальные места—кладбища—„ленкаса-яга-пугол"—(юрты покойников), расположенные обычно в очень глухих местах в лесу, возможно дальше от жилья, что об'ясняется естественным чувством страха остяка перед смертью. Тем же самым об'ясняется и поспешность в похоронах. Хоронят умершего—„сурам-касы" (умер человек) по возможности скорее, как только изготовят для него колоду, выдолбленную из лесины.

Покойника одевают в те одежды, которые он носил при жизни, несколько рубах или платьев, халат и т. п. Одевши, кладут его в колоду и некоторое время держат в юрте. Затем происходит как бы прощание с умершим; родственники и все близкие подходят, поднимают веревкой колоду, при чем, если колода поднимается тяжело, то говорят: „еще можно было тебе пожить, зачем умер", если же колода поднимается легко, говорят: „Ну, видно время вышло умирать". В том и другом случае все говорят, „за что сердишься на меня, не сердись хочешь еще полежи".

В колоду, за пазуху покойника кладут трубку и табак.

После этого колоду закрывают и везут на кладбище, где колоду спускают в могилу, зарывают ее землей. Сверх могилы кладут различные вещи, которые употреблял умерший при жизни:—лук, стрелы, подволоки, а для женщин рукодельные принадлежности. Все это покрывают берестой и сверху землей, а сверх уже этой земли (на могилу мужчин) —обласок и нарты.

На могиле в изголовьи ставится нечто вроде креста—жердочка с 4—5 перекладинами. На крест вешается, если умерла женщина,—платок, если мужчина—шапка или рубаха.

В заключение на могилу ставят в какой нибудь посуде разные кушанья—рыбу, мясо, хлеб и водку для умершего. Поминки совершают, уже возвратившись домой, где устраивается общая трапеза, при чем на чайный столик ставится запасная чашка и кушанья для души умершего.

В редких случаях на могиле умершего приносится в жертву олень или лошадь,—при чем шкура жертвенного животного в таких случаях оставляется на могиле—в жертву духу умершаго. Такую жертву приносит, когда умирает глава семьи, старший в семье, оставшийся после умершего.

Здесь мы уже имеем не только поминки, но и жертву духу умершего, почитание умерших, пережитки культа предков, о чем будет сказано особо несколько ниже.

Иногда над могилой устраивается из досок нечто вроде домика—„кат-сурам-касы" (юрта покойника).

Поминки совершаются два-три раза в год в течение трех лет, когда душа умершаго от поры до времени еще может возвращаться в среду живых и приносить им вред, если они не справляют поминок. В таких случаях, по словам остяков, родственники начинают видеть на яву двойник, тень—„курр" умершего, который даже иногда разговаривает с ними.

Особенно же явственно видят покойного шаманы во время „ворожбы.

Тогда шаман может многое узнавать через „курр" покойного о судьбе ранее умерших.

Погребение шамана не сопровождается какими либо особыми обрядами, происходит в том же обычном порядке. Погребение детей не сопровождается никакими обрядами. Причины этого нам выяснить не удалось.

Все эти погребальные обряды говорят нам об особом почтительном отношении остяка к душе умершего. Мы здесь несомненно имеем один из элементов культа умерших.

Затем характерным моментом культа умерших является почитание души умершего, поклонение ей, ее способность являться в свою прежнюю семью, приносить добро или зло. Все эти моменты, как мы видели, наблюдаются в обрядности погребения у ваховских остяков.

Если культ умерших не подлежит сомнению, то о „культе предков" среди ваховцев приходится говорить с некоторой осторожностью, предположительно за недостатком соответствующего материала в этом отношении.

Культ умерших вообще и культ предков, как известно, необходимо строго разграничивать.

При культе душ умерших вообще им воздается известное почитание безразлично—относятся ли они к данной семье, к данному роду.

При культе же предков это почитание строго ограничивается рамками семьи или целого рода и в таких случаях в ритуальных актах принимают участие исключительно родичи и ни в коем случае чужеродцы, при чем самые жертвы в таких случаях приносятся старшими в роде или семье.

Выше были отмечены случаи принесения иногда жертвы на могиле умершего, при чем это бывает лишь в случае смерти главы семьи, а самую жертву приносит старший в семье, оставшийся после умершего.

Вот эти то два последних момента, именно жертва при смерти лишь главы семьи, совершение жертвы старшим в семье и являются, по нашему мнению, показателями культа предков у ваховцев.

Здесь же должно упомянуть и домашние приклады около юрт, жертвы духу предков.

Можно предполагать, что культ предков в отмеченной нами форме в семейных рамках является пережитком более ярко выраженного ранее культа предков в родовом масштабе. При постепенном разложении родового устройства, когда родственные узы более определенно уже чувствуются лишь в семье, культ предков теряет родовой характер и превращается в культ более замкнутый, семейный.

Особого внимания заслуживает вопрос о шаманизме.

Вопрос этот в общей его постановке как о происхождении шаманизма, так и самой его сущности разработан в нашей этнографической литературе в достаточной мере, хотя и существуют по этому поводу различные точки зрения.

Не касаясь этого вопроса в его общей постановке по имеющимся уже работам, мы позволим несколько остановиться лишь на некоторых моментах наших наблюдений в этом отношениии, памятуя, что и небольшая крупица этнографических наблюдений иногда служит значительным подкреплением, дополнением к имеющемуся уже богатому подобному же материалу.

Слово шаман и шаманизм давно уже вошли в этнографическую научную литературу и употребляются для обозначения: первое—лиц,

являющихся по верованию малокультурных народов, способными путем приведения себя в экзальтированное состояние вступать в непосредственное общение с сверх'естественными существами, второе—действие, к которому эти лица прибегают для достижения указанной цели. Оба эти термина употребляются в нашей литературе, как общепринятые.

В сущности же слово „шаман" принадлежит тунгусам и манджурам, где оно может считаться туземным. „Шаманами или саманами" тунгусы и манджуры называют, говорит Н. Харузин[1]), лиц, которые по их мнению, могут посредством различных действий входить в общение с сверх'естественными существами различных категорий, и которым, вследствие этого, принадлежат преимущественно функции—жрецов, гадателей и колдунов.

Явление шаманизма,понимаемое в таком смысле, встречается решительно у всех „некультурных" народов в разной степени, с различным значением и разным наименованием, но вытекающее из одного общего источника и имеющее удивительно родственный, однообразный характер шаманских действий. Шаманство является, как это установлено в настоящее время, явлением первобытным и всеобщим, общечеловеческим на определенной стадии развития[2]).

Ваховским остякам слово шаман неизвестно. Они обозначают это понятие сложным выражением—„ёлта-ку", „ворожит человек": Самое действие шамана—„ёлта" ворожба. Этот последний буквальный перевод слова "ёлта"—ворожба, в значительной мере, как увидим ниже определяет самый смысл шаманизма у ваховцев.

Шаман—ворожей „ёлта-ку" является весьма видной величиной жизни остяка, наиболее важные моменты жизни которого неизбежно сопровождаются участием шамана.

Шаман у остяков, как и у других народов—это жрец, лекарь и прорицатель. Шаман—это оппозиция мрачным мировым силам; это охранитель жизни на земле, друг семьи, покровитель племени, рода. Он единственный входит в общение с божеством—Торумом, с помощью которого только он может вести борьбу с лунгами—злыми духами, он может их изгонять из болящего, он может знать будущее.

Главным же образом шаман у остяков является все таки лекарем и ворожеем. Роль его, как жреца сохранилась в исключительных случаях.

Потенциально шаманом может быть каждый, но для этого требуется ряд условий, которые в общих чертах у всех народов сводятся к следующему:

1) человек может получить дар шаманства от предков;
2) если он научился шаманству у другого;
3) если человек, что самое главное, „избран" на это самим божеством.

По понятиям ваховцев, ворожей—„ёлта-ку" начинает ворожить по внушению свыше. Его избирает на это сам Торум,—в большинстве случаев еще с юных лет будущего шамана, часто являясь ему во сне и, принуждая приступить к шаманству. Если человек долгое время упрямится, то он начинает болеть нервными заболеваниями, „его бьет, с ним случаются припадки, изо рта идет пена, бывают судороги", говорят остяки.

---

[1]) Н. Харузин—„Этнография." Вып. IV. „Верования".
[2]) Михайловский—„Шаманство".
Харузин—„Этногр." т. IV. Верования.

В основе веры в чудодейственную силу шамана как со стороны его самого, так и окружающих его лежит идея избранничества, говорит Л. Я. Штернберг в одной из своих последних работ [1]).

Сила шамана, говорит он далее, покоится не в нем самом, а в тех духах—помощниках, которые находятся в его распоряжении. Этих духов дает в распоряжение шамана верховное божество, которое избирает определенное лицо в роли шамана.

Дар шамана приобретается не по желанию последнего, обычно, наоборот, против его желания, и высокий дар этот принимается, как тяжкое бремя, которое человек приемлет, как неизбежное, покоряясь ему, как обреченный. Для получения дара шаманства, необходим особый момент призывания, избранничества.

Внезапно—обыкновенно это бывает в так называемый переходный возраст, в период наступления половой зрелости—будущий шаман подвергается острому нервному заболеванию, которое сопровождается истерическими припадками, обмороками, галлюцинациями и, которое мучит его иногда в течение долгого времени и столь же внезапно во время одного из припадков или во сне, будто бы, „является к нему дух-покровитель", об'являющий ему об его избрании, приказывающий ему стать шаманом.

Припадки исчезают, больной выздоравливает—когда и начинается его шаманское служение.

Идея избранничества известна всем сибирским туземцам, как это установлено всеми исследователям как в прошлом, так и за последнее время [2]).

Ту же самую идею избранничества, как выше отмечалось, мы, имеем и у ваховских остяков.

В трех показаниях ваховских шаманов—„ёлта-ку", записанных нами, видное место занимает их призвание свыше, самим Торумом, который является им во сне, а в одном случае во время припадка и приказывает им быть „ёлту-ку"—„ворожеями".

Так, один из них говорит: „Я начал ворожить—„ёлта" еще молодым парнем. Отец у меня был также ворожей. Долгое время я сильно хворал, били припадки. Упадешь в юрте и бьешся, кричишь, а как выб'ешься из сил, уснешь как мертвый, спишь чуть не целый день. Раз во время сна поднялся страшный шум, вся юрта ходила и я услышал, что я должен ворожить—велит сам Алле-Ике,—сам Торум. Когда я проснулся, я был весь мокрый, в поту, едва шевелился. Я все рассказал своим в юрте и после того стал ворожить. С тех пор и ворожу, когда просят старики". (Арсений Прасин. Б. Лариакские юрты). Рассказы других двух ваховских „ёлта-ку", с которыми мне удалось беседовать по этому поводу, варьируя в некоторых деталях, в основе своей не отличаются от приведенного сообщения. В этих двух вариациях, наиболее интересующий нас в данном случае момент, точно также имеется; они также были призваны на свое служение свыше, их избрал на это сам Торум.

Идея избранничества таким образом у ваховских „ёлту-ку" не подлежит сомнению.

---

[1]) Л. Я. Штернберг—„Избранничество в религии". Этнограф. кн. 3—1927 г.

[2]) В. М. Михайловский—Шаманство. Ср. Этногр. очерк 1892 г.
Серошевский—„Якуты".
С. М. Широкогоров.—Опыт исследования основ шаманства у тунгусов—1919 г.
Дунин-Горкавич—„Тоб. Север.". Т. 3.

Шаман, как посредник в сношениях с божеством, во время своих действий должен отличаться от остальных людей какими либо наружными знаками. Такими отличительными моментами является бубен с колотушкой и различные принадлежности специально шаманского костюма.

Бубен ваховских остяков—„коём" имеет овальную форму и состоит из деревянной обичейки (стенки бубна) „коём-сюл" толщиной 1 см. и шириной 10 см. Обичейка обтянута с одной стороны кожей оленя или лошади—„коём-сох". В полости бубна укреплена по вертикали деревянная рукоятка, за которую и держат бубен, и в поперечном направлении в горизонтали две железные перекладины—„коём-нор-вох". На поперечных горизонтальных железных перекладинах имеется целый ряд подвесок—железных трубочек, медных литых пластинок с различными изображениями (бегущей лошади, охотника с натянутым луком, звездой и т. п.).

Колотушка бубна—„палантив", служащая для извлечения на бубне звуков, представляет собой небольшую, несколько выгнутой формы лопатку с ручкой длиной до 30 см., шириной 6—8 см. Одна сторона вогнутая, открыта и имеет разные рисунки—змею и ящерицу, а в некоторых случаях—змею и крестик.

Бубен является одной из обязательных и главнейших принадлежностей шаманизма. Самый бубен и колотушка являются не только средством действий шамана, но и сами по себе обладают чудодейственной силой.

У многих сибирских туземцев наибольший интерес в устройстве бубна представляют различные символические рисунки на наружной стороне бубна. У ваховцев нам лично не приходилось наблюдать бубнов с рисунками на их наружной стороне, что, конечно, не исключает возможности подобного явления.

Отдельные части бубна и колотушки имеют то или иное символическое значение.

Так, железные перекладины в полости бубна служат местом, куда собираются различные духи „лунги", которых вызывает шаман во время своих действий.

Рисунок змеи или ящерицы или железное их изображение на колотушке бубна символизирует змею „менкам", которая должна излечивать во время шаманства различные болезни. Шаман во время своих действий подходит к больному и касается краешком колотушки к больному месту болящего и, предполагается, что „змея" извлекает болезнь из больного и пожирает ее". То же значение уничтожения болезни имеет и изображение креста „пирна" на колотушке. Помимо бубна и колотушки еще недавно ваховские шаманы „ёлта-ку" имели и специальную одежду—шапку „ёлта-мюль", рукавицы „ёлта-пас", халат „ёлта-лепа" и ноговицы „ёлта-нир".

Теперь уже отдельные части специального костюма встречаются очень редко, а полного облачения, как уверяли меня по всему Ваху, нигде не сохранилось. То же самое подтвердили мне и русские старожилы в с. Лариаке, многие из которых очень хорошо знают быт остяков и мало чем сами от них отличаются.

Из отдельных частей костюма шамана мне удалось видеть шапку и рукавицы в юртах Больших Чухломеевских и Верхних Ромкиных.

Шапка шамана—„ёлта-мюль" (наблюдаемый мною экземпляр) имеет округлую форму, форму полушария. Сшита она из черной ма-

терии, внизу опушенной мехом по всей окружности. От этой опушки к верхушке шапки идут шесть бисерных полосок. Таким образом вся поверхность шапки подразделяется этим бисерным шитьем на шесть треугольников. По этим треугольникам, чередуясь, изображены шитые бисером ящерицы и крестики. С боков и задней части шапки длиной до 70—80 см. имеются подвески из разноцветных бус. Виденный нами экземпляр рукавиц ворожея—„ёлта-пас" представляет собой рукавицы из кожи медвежьих лап с когтями. Когти медведя должны служить для охраны шамана от нападения злых духов во время его опасных, богатых различными событиями путешествий.

Остальных принадлежностей костюма шамана мне видеть не удалось.

Обычно ваховский шаман—„ёлта-ку" совершает свои шаманские действия в своем обиходном костюме. На отсутствие специальных костюмов шамана у остяков указывает также Дунин-Горкавич[1]), хотя как видно из наших материалов, отдельные части костюма все же встречаются и употребляются ваховскими шаманами.

Таким образом в отношении внешней стороны шаманства, в смысле специального шаманского облачения ваховцы уже в значительной мере утеряли целый ряд моментов, считающихся обязательными у многих других сибирских туземцев.

В связи с этим должно заметить, что и самый акт шаманства, весь процесс действий шамана у ваховцев значительно упрощен по сравнению с другими сибирскими туземцами.

В наблюдаемых мною случаях ваховские шаманы во время своих действий значительное время сидели на одном месте, около костра.

В общих чертах действия ваховского шамана—„ёлта-ку" тождественны с общераспространенными подобного рода действиями других шаманов.

Шаман, приглашенный к больному и по какому либо другому случаю, садится около костра в юрте и начинает подготовлять себя к предстоящему акту, вызывая постепенно у себя особое состояние путем различных приемов.

В то время, как для него подготовляют бубен, нагревая его около легкого костра для четкости и силы звука, шаман, сидя у костра, усиленно курит трубку, сильно затягиваясь и даже глотая дым, и тем самым приводит себя в особо нервное, повышенное настроение. С ним начинается „икота", страшная, особо протяжная зевота и он, как бы в полубессознательном состоянии, начинает вначале полушопотом гововить совершенно невнятные слова, низко опустивши при этом голову. Иногда в целях одурманения себя шаман с'едает несколько сушеных грибов мухомора, которые действуют опьяняющим образом. В это время ему подают бубен и колотушку, и он начинает самое—„ёлта"—ворожить, шаманить.

Медленным, сонным движением руки он берет бубен и колотушку и, медленно покачиваясь, он тихо начинает напевать свои духовные стихи, свою мистерию, сопровождая это пение ударами и встряхиванием бубна.

Эта музыка и пение вначале мягкая, все растет и крепнет и, наконец, удары по барабану превращаются в сплошной гул. Колокольцы, погремушки, бубенчики, которыми увешаны перекладины полости бубна,

[1]) Дунин-Горкавич—„Тобольский Север". Т. 3.

гремят, звенят, сам бубен издает оглушительные звуки от ударов колотушкой в кожу.

Вдруг, в самый разгар, в самый напряженный момент эта музыка и пение резко обрываются. Шаман, опустивши на колена бубен, почти совершенно замолкает. Наступает момент мертвой тишины, когда и зрители боятся буквально дышать, дабы не нарушать эту особую тишину, но это на момент. Потом опять начинается та же, вначале едва слышная, потом все растущая дробь барабана и пение мистерии. Эта смена настроений и состояний шамана повторяется в некоторых вариациях несколько раз за время его действия.

В этом пении под звуки бубна или музыкального инструмента домбры—„п а н а н-ю х" („дерево звучит"), сопровождаемом тем или иным телодвижением и пляской, и заключается вся церемония шаманского действия ваховского „ё л т а-к у".

В заключение, будучи все время в состоянии возбуждения, шаман доводит себя до сильного изнеможения и, наконец, состояния полного безразличия. После этого скоро же наступает глубокий, но нервозный сон, прерываемый позевотами, всхлипываниями, бормотанием и даже пением.

Проснувшись, шаман „может сообщить" результаты своего служения, „ворожбы", волю богов, с которыми он, яко-бы, входил в общение.

Иногда, во время самых действий происходит гадание об исходе болезни, о промысле и т. д.

В этих целях шаман, во время шаманства, бросает трижды колотушку бубна „п а л а н т и в" перед больным или лицом, что либо загадавшим. И вот, если колотушка в большинстве случаев упадет выгнутой стороной—спинкой вверх—это плохо.

При лечении больного шаманы, по верованиям остяков, изгоняют из него злого духа-лунга, вселившегося в больного.

Так, рассказывают, есть такие шаманы, которые якобы извлекают из тела больного этих духов в виде червячка, лягушки, змеи и т. д.

Самый акт шаманства, легкость и трудность его совершения зависит от воли Торума: „Если Торум не желает, шаман не может ворожить, говорят остяки. Когда Торум этого желает, то и человеку, о котором ворожишь, будет хорошо, и молиться будет легко, хорошо; самый язык, „как маленькая пташечка, так и поет, так и поет". А если Торум не желает, то язык заплетается, слов не находишь, все забудешь, ворожить не можешь, бросишь, и тогда человеку будет худо."

Ваховские „е л т а-к у" уверяют, и остяки верят, что во время ворожбы ворожеи улетают на чудесных птицах или животных далеко, далеко, в светлые края, где светит несколько солнц, к самому Торуму. По пути к нему им приходится преодолевать массу различных затруднений, вступать в борьбу с злыми духами-лунгами, которые их мучат, терзают так, что шаман вскрикивает, корчится и т. д.

Нам посчастливилось записать одну из вариаций сказаний шамана о его подобном чудесном путешествии, которое он, якобы, совершил—на этот—раз—по просьбе „р у т ь-и к е"—русского мужчины, т. е. моей просьбе. В виду трудности получения такого материяла и несомненного его интереса, мы позволим привести его полностью со слов „е л т а-к у"—Прасина Андрея Григорьевича—из юрт Больших Лариакских:

„Садится“[1]) елта-ку“ на птицу—„тоглон-ваях“ большую, большую—орла—„Курок“. Крылья у орла распластались, как паруса на большой воде. Летит далеко, далеко, без краю небо..... звезды мелькают. Летим, летим... „тюменталь, тюменталь[2]). Поднимается на небо, где сам Торум живет.

Когда поднимаются на небо, „елта-ку“ видит, что большое дерево стоит, уперлось в небо. Долетает до дерева и садится около дерева с востока, где солнце восходит, садится на камень.

Ворожей смотрит кверху, там семь—„ляват“ дверей открыто и из них выглядывает семь россомах—„кымлих“. Они спрашивают—„откуда, какой человек“... Увидит открытые двери и заходит..... Птица орел говорит: „ни одного шагу не делай, чтобы мне не ошибиться, а то мне плохо будет“.

Проходят все семь дверей, выходят в последние двери и оказываются на самом небе. Орел расправляет крылья.

После этого летим, летим „тюменталь“.... все выше и выше, как вихорь летим, без всякой дороги. Только маленько орел остановится и опять летим безконечно“....

Летим, летим. Вдруг крыльями сильно зашумит и вдруг видит ворожей от неба до земли богов слопец—Торум-сесек“[3]).

Птица и говорит ворожею—„что нибудь приготовь и бросай“.

Ворожей достает кусок мяса и бросает в слопец. Слопец падает и они пролетают мимо слопца. Летим, летим, крылья опять шумят, то опять семь удочек кругом крутятся.

Птица „Курок“ и говорит: „приготовь опять что нибудь“.

Ворожей вынимает семь кусков мяса из семи сумок и бросает. Мясо прицепляется к удочкам, они останавливаются, не крутятся. В это время они пролетают мимо.

Летят, летят—„тюменталь“.... Крылья птицы шумят, узжат, гремят, как гром. Пролетают мимо каменного острова. Ворожей кланяется ему. Летят дальше, летят. С обоих сторон острова.... ворожей все кланяется им.

Летим, летим „тюменталь“..... вдруг открылось светлое, светлое место.

До светлой земли долетели, где сам Торум живет.

Ворожей привязывает „ваях“—(птицу) к большому камню.

Первая встреча..... Божий дом—„торум-кат“, где птиц и зверей распределяют, кому где жить, куда лететь, куда зверю бежать по всей земле. Посмотрел ворожей, отвязывает своего орла—„Курок“ и летят все дальше и дальше. Опять с обоих сторон скалы и на скалах изображение человеческих лиц, он им кланяется. Птица все летит... Пролетают опять такие же скалы, на них человеческие лица.... ворожей все кланяется.

Опять пролетают такие же скалы—без конца.

Летели, летели.... Долетают, слышат голос,—„куда ты летишь“. Он говорит „где мне мамонт сделал место.

---

[1]) Повествование ведется раалично! в третьем и первом лице. В качестве действующаго лица предполагается именно данный ворожой Прасин А. Г.

[2]) Слова тюменталь, тюменталь .(т. е. летим, летим) во всех случаях повторяется по нескольку десятков раз для выражения особой дальности расстояния.

[3]) „Сесек“-слопец-ловушка на зверей и птиц.

Летели, летели... долетают опять до божьей юрты—„Торум-кат". В ней, видят, сидит Торум, постарше того, который распределяет птиц и зверей. Посидели здесь и полетели опять все дальше и дальше...

Летели, летели „тюменталь"... аж крылья у птицы узжат, загремели, как гром. Долетают до каменных гор. Тут видят старика лицо—„ике-ванин" и старухи лицо—„име-ванин". Кланяется им ворожей один раз, другой раз. Всего семь раз и летят дальше.

Все летят и летят. Опять до такой же горы долетают. Поклонятся. Опять летят. Опять такие же горы, опять кланяются... и все летят.....

Долетают до самой большой горы—„Алле-пеле-чив-ех". Опять на ней стариково лицо—„ике-ванин" и старухино лицо—„име-ванин". И они спрашивают: „какой человек, куда летишь"?

Он отвечает: „остяк человек—„канта-ку", на такой земле живу, где плохо всем, мало рыбы, мало зверя, наверное найдем землю другую, посмотреть где хорошо".

Летели, летели... Еще светлее, хорошая юрта стоит, во все стороны золото и серебро течет, в полуденную сторону юрты старик—„ике" высунулся в окошко и спрашивает: „куда летишь"?

Отвечает: „на такой земле живу, где плохо всем... просим посмотреть землю другую, где лучше жить".

Немного посидели... опять полетели. Летели, летели.... долетают: дальше—лучше, дальше—лучше..... К какой горе под'едет, там еще светлее... Под'ехали к такой горе,—разливается золото, как река.

Крылья у птицы играют, как хорошая домбра—„панан-юх" [1]). До такой горы долетают, там все светлее, светлее, во все стороны ворожей кланяется. Долетают до такого места, где светлая юрта. С солнечной стороны „Ике"—старик выглядывает и спрашивает: „куда летите?" К тебе летим, там у нас трудно жить, не поможешь ли нам, покажи—где бы нам было лучше жить", отвечает ворожей.

Потом немного опять полетели, все выше и выше. Крылья узжат, как стрела, выпущенная из туго натянутого лука. Все летят. Опять долетают до горы, где старухины лица. Спрашивают: „куда летите?" Отвечают: „у нас жить нельзя, тяжело, не покажите ли, где бы лучше было жить".

Летели, летели „тюменталь"... Долетают до юрты, где золото и серебро течет. С солнечной стороны „Ике" (старик) выглядывает, „Наги-ике"—Белый старик, как снег, спрашивает: „куда летишь" Отвечает: „на земле там очень плохо приходится, тяжело жить, лечу послушать вас всех тут, может вы смилосердитесь, избавите нас".

Пожил немного и полетел опять. Летели, летели... кверху все... выше и выше, Долетают до горы. Ворожей и говорит себе: „летишь, летишь, все смотришь, а что толку, однако напрасно все, вернуться разве".

А в горе то стариково лицо и говорит: „ничего, лети, лети, будет и тебе когда нибудь светлый день".

Послушал, полетел дальше... долетают до такого места, светло, как шесть месяцев светит, как шесть солнц светит..... Все летят, летят... горы встречаются. Ворожей все кланяется.... сам все летит и летит... Долетает, наконец, до такого места, светлого, что лучше некуда. Подлетает к юрте, садится на камень у дверей. С солнечной стороны „Ике"—старик спрашивает: „куда летишь?" Отвечает: „на земле жить тяжело, посмотреть, где лучше, может вы тут пожалеете, укажете, где лучше жить".

---

[1]) Домбра—остяцкий струнный музыкальный инструмент—„панан-юх"—„дерево звучит".

Ему отвечает Ике: „полети еще, долетай до юрты, где отец „(Апа)" твой живет—„Алле-Ике"—„Большой старик, его спрашивай". Долетают, что светлота, лучше некуда. Семь солнц светит, семь месяцев светит, серебро течет, как река. Юрта золотая стоит. Из юрты большой старик „Алле-Ике", старый старик смотрит, как снег белый старик „Наги-Ике".

Спускается ворожей с птицы, садится на камень. Набирается смелости и заходит в юрту.—Давай кланяться, давай молиться. Молился, молился и говорит: „там, на нашей земле худо живется, у кого промысла нет, птицы, рыбы, звери перевелись, кто хворает, кто совсем помер. Русский старик—„рутьике"[1]) меня послал сюда узнать, где лучше жить."

Кланяется во все стороны и говорит: „Алле-Торум" я пришел к тебе сказать, что на нашей, на остяцкой земле худо жить, народ хворает, чтобы ты „Ике" оглянулся на нас".

Торум тогда и говорит: „я сам знаю кому, как жить, кому хворать, кому здороветь, что ты мне говоришь. Ступай домой, скажи, что всем хорошо будет".

Слушает ворожей, сам все кланяется.

Выходит из юрты, садится на птицу и полетели.

По солнцу, по месяцу кружатся, прощается...

Летели, летели... обратно, все ниже ниже...

Летят аж крылья узжат... Все летят, летят. Никого не встречают. Другой дорогой летят.

Крылья расправил орел—„Курок". Летят скорее, чем стрела, из тугого лука пущенная. Летят все ниже и ниже. И вот спускаются совсем низко и видят они вот это озеро „Алле-Эмтер"[2]) (Большое озеро)—Как куженька оно кажется.

Птица и говорит: „вот твоя родина. Видно внизу, какое озеро маленькое". Спустились пониже, озеро большое стало, все больше и больше. Совсем спустились недалеко от озера, на протоке, на остров „Кор-Тегар-Пай"—болотного зайца остров.

Спустились. Ворожей сошел с птицы, отпустил ее, а сам пришел домой „Петявола!"—здравствуй!"

В заключение необходимо остановиться на наших наблюдениях в отношении воззрений ваховцев на окружающую природу, хотя в этом направлении нам удалось получить лишь некоторые отрывочные данные, ограниченные иногда простой записью местного наименования того или иного явления.

Земля—„мыг", как уже отмечалось, создана „с начала веков" самим Торумом из небольшой частицы ила, который по его повелению был добыт гагарой со дна безбрежного водного пространства. Гагара нырнула и принесла Торуму немного илу.

Взял Торум из клюва гагары ил и сотворил землю, горы и реки на ней и урман, и траву, и птиц, и зверей. И стал человек жить на земле.

Над землей простирается голубой, куполообразный шатер—небо, которое служит местом обитания самого Торума, почему и называется „торум-вох"— божье железо.

---

[1]) Ворожей выступает в повествовании от моего (автора) имени—„руть-ике"—русского человека.

[2]) Действие происходит в юртах Больших Ларьякских, на берегу большого озера—„Алле-Эмтер".

Солнце—„сунг", луна—„ике" и звезды—„кос" созданы также Торумом. Но солнце и луна, хотя их и создал Торум, сами по себе как бы божества. Хотя им остяки и не поклоняются, но говорят: „если их не будет, все погибнет и остяки и русские и все на земле".

Звезды—кос—это по одним поверьям свесившиеся вниз корни чудесного божьего сада на небе. По другим же воззрениям—это приближенные к Торуму души людей. Каждый человек имеет свою звезду—душу—„кос-лилель" звезда—душа.

Имеется у ваховцев представление и о странах света, носящих свое наименование, а именно: восток—„сунг-паканта-торум-пелек"—„солнце восходит—божья сторона"; запад—„сунг-ланата-торум-пелек"—„солнце заходит—божья сторона;"юг—„котл-ер-торум-пелек"—„полуденная божья сторона", север—„ылян-торум-пелек"—„холодная божья сторона".

Со всеми этими странами света, как уже отмечалось подробно, связаны воззрения о пребывании там того или иного божества. Так с востока каждый день первый луч солнца несет новые человеческие жизни от духа—жизнеподателя—„Пугос-лунг"—мать—дух.

На юге обитает также добрый дух—„Тоглон-ваях-лунг", посылающий от себя на землю птиц.

На западе, где солнце меркнет, обитает злой дух—Атам-лунг" На севере, где царство вечных льдов, вечной смерти, собираются все тела умерших, а также отсюда летом приходят грозовые тучи. Там обитает особый лунг—„Чуга-лунг"—тучи дух, или „Ылян-пелек-лунг"—холодный стороны лунг.

Распределение времени дня и ночи, а также времен года имеет свое об'яснение и наименование.

Вначале, говорят остяки, солнце никогда не заходило, был сплошной день и люди никогда не спали. Все время человек работал, ходил на промысел, ловил рыбу. Долго так было. Все захворали. У людей заболели глаза. Тогда Торум сказал: „нельзя человеку все время работать, надо отдыхать, надо поспать, чтобы у него глаза закрывались. Пусть на смену дня—„котл" (день) приходит ночь—„югон" Тогда то солнце стало заходить на западе за большую выпуклость на земле, а к утру снова выходить с другой стороны с востока. На смену солнца на ночь выступает луна—„ике," которая скрывается за другую сторону земли на день".

Также и времена года установил сам Торум. Сначала было все тепло—„мелек". Потом Торум сказал: „нельзя, чтобы было все тепло. Когда человек будет ходить на промысел, гонять зверя? Надо, чтобы было и холодно—„этих". И стала с того времени меняться погода—наступила весна—„того", лето—„лун", осень „согос" и зима—„телег". Тогда человек стал зимой по снегу ходить на промысел, а остальное время добывать рыбу. Стало человеку жить хорошо".

Течение времени в году измеряется фазами луны—иначе говоря, год—„ал" распределяется по месяцам, начиная с ранней весны, с марта месяца, а именно: март—„урн-ике"—ворон (прилетает) месяц; апрель—„лонт-васех-ике"—„гуси—утки (прилетают) месяц; май—„кульконт-ике"—рыба мечет икру месяц"; июнь—„ай-вар-ике"—„маленький вар месяц" (вар особый способ рыбной ловли посредством сплошных заграждений); июль—„алле-варике"—„большой вар месяц"; август—„лун-ер-ике"—„половина лета месяц"; сентябрь—„волегюх-ике"—„лист (падает) с дерева месяц"—(листопад); октябрь—„пат-

ике"—„замерзает—месяц"; ноябрь—„вонт-имельта-ике"—в урман ходить месяц;" декабрь—ярмынька-ике"—„ярмарка месяц"; январь—„сег-кайтак-ике"—„налим икру мечет месяц"; февраль—„солун-курок-ике"—„пустое время орла месяц" (орлу нужно было бы быть здесь, а он улетает попусту—„солун").

Как видно из этого перечня, наименования месяцев приурочены к определенным моментам хозяйственной жизни остяка или к тем или иным явлениям природы, тесно связанным с его хозяйственной деятельностью. В этих наименованиях в значительной мере отображается годичный кругооборот хозяйственной жизни остяка. Так, здесь мы встречаем указания прилета птицы, метания икры рыбой, т. е. указания не просто на какие либо явления природы, а имеющие именно определенное значение для остяка. Далее этот уклон выражен еще более ярко, когда названием месяца определяется время „вара" т. е. ловли рыбы, время хождения в урман на промысел и, наконец, как завершение всего этого время ярмарки.

Из отдельных явлений природы позволим остановиться на некоторых. Особое внимание остяка привлекает такое грозное явление, как грозовые тучи, гром и молния. Всем этим ведает грозный злой дух—„Ылян-пелек-лунг"—с северной стороны дух" или иначе „Чуга—лунг"—туча—дух". Он посылает на землю грозовую тучу—„чуга"-он всех запугивает раскатами грома—„чуга". Наконец, в его же ведении и молния—„чуга-солвал", которая заключается в том, что лунг стреляет раскаленными каменными стрелами—„чуга-нял-кух"—громовая стрела из камня. „Когда блистает молния, то туча растет, а когда туча исчезнет, она тает, вся выливается на землю".

Когда сильно и долго гром гремит, то Торум вызывает к себе „Ылян-пелек-лунг"—с северной стороны лунга и дает ему проборку:—„зачем ты моих людей пугаешь". „Лунг на это ничего не может сказать, только сам испугается и уж больше не гремит. Туча скоро проходит и лунг уже издалека только сверкнет молнией и улетит".

В тесной связи с этим лунгом находятся такие явления, как мороз—„этих", тепло—„мелех", дождь—„ловать", снег—„чого".

Когда в туче убывает вода—появляется радуга—„чуга-ёгол" громовой лук. Это лунг опускает на землю свой лук—„ёгол" и набирает из рек и озер к себе воду, чтобы потом опять пустить на землю дождь.

Ветер—„вот" тоже вызывает грозные явления—бурю—„тарам-вот"—„гремит ветер" и буран—„пурка-вот"—дым ветра. Самым же ветром ведает особый дух—Вот-лунг" ветра дух, о котором более подробно говорилось уже выше.

Этими, к сожалению, немногими наблюдениями ограничиваются наши сведения о воззрении ваховских остяков на окружающую природу. Все же здесь мы имеем целое миросозерцание, одухотворяющее все явления природы, здесь мы имеем поэтическое воззрение на природу, радость бытия и идею братства („сначала все люди были одни"), и идею человеколюбия, и чувство уважения к жизни живых существ.

Это миросозерцание соответствует определенной стадии в развитии производственных отношений, оно отвечает известным ступеням материальной культуры, чрез которые прошли в свое время все народы.

Это мировоззрение ближайшим образом соответствует охотничьему и рыболовному хозяйству и скотоводству в его примитивных формах, а в области социальных отношений родовому устройству.

Поэтому, начавшаяся на нашем севере реконструкция остяцкого хозяйства, развитие новых производственных отношений, классовое расслоение, доселе слабо дифференцированной, массы остяцкого населения и, наконец, культурный под'ем масс—все это в корне подрывает это миросозерцание, как свойственное самым примитивным формам хозяйства.

И на смену этому миросозерцанию создаются и крепнут новые формы мировоззрения в условиях иных социально-производственных отношений, на основе социалистического устройства жизни нашего Севера.

X. ПРОМЫСЛЫ [1]).

В зависимости от природных условий и целого ряда сопутствующих им моментов хозяйство ваховских остяков в основных его чертах можно, как увидим далее, подразделить на три типа:—звероловное, звероловно-рыболовное и рыболовное.

Основным элементом, об'единяющим все эти три вида хозяйства остяков, является товарообмен с теми или иными пережитками натурального хозяйства.

Основой натурального хозяйства, его стимулирующим моментом в северной полосе Сибири является оленеводство в его чистом виде когда оно служит единственным и исключительным фактором туземного хозяйства.

Оленеводство по характеру и видам своей продукции, обеспечивая все примитивные потребности населения в отношении питания, одежды, обуви, жилища и передвижения, тем самым способствует хозяйственной изоляции туземца от услуг и предложений рынка и не втягивает его долгое время в товарообменные отношения.

Но с течением времени, по мере привития туземцу новых потребностей и целого ряда иных условий, устои натурального хозяйства нарушаются, туземец все более и более втягивается в тиски товарообмена, когда он для удовлетворения своих новых потребностей вынужден выбрасывать продукты своего промысла на рынок, применяться к его запросам, а отсюда и искать новые виды промысла.

Переходя к новым формам хозяйства, основанным на товарообмене, туземцы однако же в силу инерции и консерватизма их хозяйственной жизни долгое время еще не оставляют многих пережитков натурального хозяйства.

В такой именно стадии развития находится хозяйство ваховского остяка, когда он значительную долю своих потребностей уже вынужден удовлетворять предложениями рынка на началах товарообмена.

---

[1]) Настоящая глава является частью особой работы автора—„Хозяйство ваховских остяков", представленной в свое время, как результат экспедиционного обследования, в Главный Комитет Севера при ВЦИК.

Втягиваясь в этот товарообмен, остяк все более и более расширяет круг своих потребностей, а в связи с этим он вынужден искать новые пути, новые возможности хозяйственной деятельности. Различного рода промыслы занимают в его жизни все большее и большее значение.

Хозяйство ваховских остяков по своей форме, как основанное на товарообмене, однородное, по видам же основных промыслов оно, как увидим далее, не однотипное.

Основными видами промысла ваховских остяков является пушной промысел и рыболовство, варьирующие в той или иной степени в зависимости, как от наличия оленеводства, так и от физико-географических условий.

В этом отношении местные хозяйства можно подразделить следующим образом: верхнее течение Ваха (выше с. Лариака вверх по Ваху до р. Корельки), где мы имеем пушное хозяйство в его чистом виде, и нижнее течение Ваха (от устья до Лариака), где будет уже рыболовно-пушное хозяйство, с колебанием в ту или иную сторону в зависимости от природных условий, а в самом нижнем течении уже и чисто рыболовное хозяйство.

В цифровых данных это выражается следующим образом:

Основные виды промысла.

РАЙОНЫ	Всего пушнины			Всего рыбы		Всего продано на сумму	Всего продано на сумму в %	
	Добыто штук	Продано всего штук	Продано всего на сумму	Добыто кгр.	Продано на сумму		Пушнины %	Рыбы %
Верховье Ваха . .	21180	19030	20776 р.	26916	97 р.	20873 р.	99,5%	0,5%
Низовье Ваха . .	15006	14974	15653 р.	96964	5187 р.	20840 р.	75,2%	24,8%
Всего по Ваху . .	36186	34004	36429 р.	118980	5437 р.	41713 р.	87,3%	12,7%

Как видно из этой таблицы, главным видом хозяйственной деятельности ваховских остяков является пушной промысел, который по ценности реализованной продукции по Ваху составляет 87,3% и рыбный промысел 12,7%, при чем этот последний несколько возрастает в нижнем течении, доходя до 24,8%, и почти совершенно сходит к нулю на верхнем плесе, составляя там всего лишь 0,5% общей стоимости реализованной продукции.

В дальнейшем изложении мы будем придерживаться этого подразделения Ваха на верхнее течение и нижнее, называя иногда их „верховье" и „низовье" Ваха, при чем верховье обозначает лишь верхний плес нашего пути, а не вершину Ваха.

Пушной промысел—этот главный вид хозяйственной деятельности остяков, основной фактор их экономики выражается вообще по Ваху в следующем:

Пушной промысел.

РАЙОНЫ	Всего добыто белок	На сумму	Всего пушнины (исключая белок) штук	На сумму	Всего пушнины	На сумму	%/%% соотношение разных видов пушнины	
							Белка	Прочая пушнина
Верховье Ваха	20910	21955 р.	270	564 р.	21180	22509 р.	98,7%	1,3%
Низовье Ваха .	14667	15900 р.	334	899 р.	15006	16792 р.	94,7%	5,3%
Всего по Ваху	35577	37855 р.	605	1453 р.	36186	39301 р.	98,2%	1,8%

Основным видом пушнины, как по количеству шкурок, так и по их ценности в общей массе, является белка, которой, как видно из таблицы, из общего количества добычи в 36186 шкурок добыто всего 35577 шкурок, т. е. 98,2%, на сумму 37,855 руб., что из общей суммы стоимости всей добытой пушнины на сумму 39,301 руб. составляет 96,3% ее стоимости.

Таким образом, белка является моментом, определяющим хозяйственную мощность всего промысла.

Ввиде подсобных сортов пушнины в общей добыче остяка является колонок, выдра, горностай и лисица. Медведь, россомаха, волк исчисляются всего единицами—всего 13 штук. Соболь встречается ввиде редкого исключения. Бурундук по своей малоценности не имеет у остяков промыслового товарного значения, идет исключительно на домашнее потребление.

Переходим к рассмотрению пушного промысла по двум намеченным нами районам Ваха.

Здесь прежде всего мы замечаем большую разницу в общей добыче пушнины в средних величинах на хозяйство по верхнему и нижнему течению Ваха, а именно: добыча белки по верхнему течению Ваха определяется в 21180 штук, что на общую добычу по всему Ваху в количестве 36186 штук дает 58,3% и по нижнему течению 15006 штук или 41,2% общей добычи. Это процентное соотношение определяется однакоже не количеством хозяйствующих единиц в этих двух районах Ваха, а иными условиями, как это увидим ниже.

По верхнему течению Ваха имеется всего 42 хозяйства, что дает при добыче в 29110 белок в среднем на хозяйство 504 белки, по нижнему же течению на 63 промышляющих хозяйства имеется добычи 15006 белок или 238 белок на хозяйство.

Таким образом мы имеем значительную разницу в продукции пушного промысла по этим двум районам Ваха, различную экономическую мощность их промысла, как в их общих величинах, так и в отношении отдельных хозяйств.

Эта разница об'ясняется как физико-географическим положением этих районов, так и некоторыми особенностями хозяйствующих единиц. Верхнее течение Ваха является более изолированной частью района, чем его нижний плес, менее освоенной в промысловом отношении, более богатой пушниной и не имеет рыболовства промыслово-товарного характера; нижнее же течение Ваха является менее богатым

пушниной с одной стороны и имеет рыбные богатства, достаточные для ведения рыболовного промысла с другой стороны.

Главное же значение в продукции пушного промысла имеет оленеводство, как это видно из следующей таблицы:

Пушной промысел и оленеводство.

РАЙОНЫ	Число промышлявших хозяйств	Оленные хозяйства			Безоленные хозяйства		
		Число промышлявших хозяйств	Добыто белок	В среднем на 1 хоз.	Число промыш. хоз.	Добыто белок	В среднем на 1 хоз.
Низовье Ваха .	63	17	7880	463	46	7116	154,7
Верховье Ваха	42	32	19139	596	10	2041	204,1
Всего по Ваху	105	49	27019	551	56	9157	163,5

Оказывается, что добыча пушнины, как видно из этой таблицы, стоит в прямой зависимости от наличия оленей. В то время, как на 49 оленных хозяйств по всему Ваху мы имеем добычу 27019 белок, что дает в среднем на хозяйство 551 белку, в хозяйствах безоленных на 56 хозяйств имеем добычу в 9157 белок или в среднем 163,5 белок на хозяйство. Таким образом пушной промысел оленных хозяйств в среднем на одно хозяйство превышает добычу безоленных хозяйств в 3,3 или почти в три с половиной раза.

То же соотношение успешности промысла и наличия оленей мы имеем и в отдельности по нижнему и верхнему течению Ваха, что уже окончательно устанавливает прямую зависимость этих двух моментов остяцкого хозяйства. По верхнему плесу оленные хозяйства, как видим из таблицы, в среднем имеют 596 белок на одно хозяйство и безоленные 204,1 белки на хозяйство; по нижнему плесу оленные 463 белки на хозяйство и безоленные 154,7 белок. Таким образом, обусловленность успешности промысла от наличия оленеводства резко сказывается в том и другом районе, вне зависимости от остальных сопутствующих промыслу обстоятельств и, очевидно, имеет в местных условиях превалирующее в этом отношении значение.

Олени, как известно, являются прекрасным и единственно возможным в северных условиях для туземца–промышленника средством сообщения на далекие расстояния. И вот, если мы обратим внимание на промысловые районы ваховских остяков, то оказывается, что главными местами промысла являются в большинстве случаев не местный урман, не прибрежная полоса Ваха, а более или менее отдаленные районы. Верхний плес Ваха, наиболее богатый оленями по количеству оленных хозяйств, совершенно не промышляет в местной тайге; мы имеем здесь следующие показатели промысловых районов: вершина Ваха (500—700 клм. от жилья) 28 показаний, река Таз и его притоки 17, вершина Тыма -17, Сабун — 10, Кулун-Еган — 14, Пур -4; все эти районы удалены от жилья промышленников нашего верхняго плёса, примерно от 500 до 1000 клм. Районы эти, как менее освоенные в промысловом отношении, более богаты пушниной и мы имеем в верхнем плесе Ваха чисто звероловное хозяйство с более

богатой его продукцией. Промышлять в отмеченных районах, а значит и покрывать значительные расстояния может в массе только верхний район Ваха, как более обеспеченный оленными хозяйствами, где мы имеем на 42 промысловых хозяйства оленных 32 хозяйства. Безоленные, как оказывается, пользуются оленями своих сородичей в наем.

Нижний плес Ваха, где имеется на 63 промышляющих хозяйства всего 17 оленных хозяйств, оказывается в промысловом отношении более привязан к местной тайге, так как остяки, не имея оленей, уходят на промысел на лыжах клм. на 200—300 в окружности от жилья и лишь оленные, а также отправляющиеся глубокой осенью на обласках по притокам Ваха или на Оби, имеют возможность промышлять в отдаленных районах. Мы имеем здесь следующие показатели промысловых районов: местная тайга по Ваху, Оби и его притокам 54 показания (в верхнем плесе ни одного), вершина Ваха—2, притоки Таза—10, Тым—2, Пур—3 и Аган—8. Не имея ни одного показателя в отношении промыслового района на местную тайгу в верхнем плесе, мы получаем в нижнем районе 54 таких показателя. Это значит, что примерно такое же количество хозяйств ограничено в сфере своей промысловой деятельности территорией местного урмана, более уже освоенного, менее богатого пушниной и лишь некоторая доля хозяйств промышляет в отдаленных районах.

Таким образом, олени, давая возможность остяку промышлять в отдаленных районах, более богатых пушниной, являются одним из основных факторов пушного промысла. Поэтому, в связи с пушным промыслом необходимо ознакомиться с положением оленеводства по Ваху в его цифровых показателях:

Оленеводство.

РАЙОНЫ	Всего хоз.	Оленные хозяйства			Смешанные оленно-лошадные хоз.		
		Имеющих оленей	Число оленей	На 1 хоз.	Число хоз.	Число оленей	На 1 хоз.
Верховье Ваха	42	31	126	4,8	5	47	9,4
Низовье Ваха .	66	17	61	15,3	13	111	8,5
Всего по Ваху	108	48	187	6,2	18	158	8,6

Прежде всего из этой таблицы видно, что далеко не все остяки обеспечены оленями. Так, по верхнему Ваху, наиболее обеспеченному оленными хозяйствами, мы имеем на 42 хозяйства 31 оленных хозяйства и 11 безоленных, а по нижнему течению на 66 хозяйств всего лишь 17 оленных и 49 безоленных хозяйств, а по всему Ваху на 108 хозяйств—всего 48 оленных хозяйств и 60 хозяйств безоленных. Таким образом 56,5% хозяйств, т. е. более половины совершенно не обеспечены средствами передвижения для пушного промысла, иначе говоря, лишены этого основного фактора производства.

Хозяйства, имеющие оленей, обеспечены ими не в равной степени, а, главное, не в достаточной мере в смысле полного обслуживания нужд промышленника по передвижению. Минимальное количество оле-

ней для промыслово-оленного хозяйства, как средство его передвижения, определяется в 10—12 ездовых оленей.

Если минимальным количеством обеспечения средством передвижения является 10—12 голов ездовых оленей, то при наличии по Ваху в его верхнем плесе в среднем на хозяйство 5,6 оленей вообще, а в нижнем плесе 10 на хозяйство (но в том и в другом случае здесь числятся и неездовые), обеспечение ваховских промышленников оленным передвижением должно признать стоящим далеко ниже минимальных в этом отношении требований.

Таким образом, если более половины хозяйств 55,5%, как это мы видим, совершенно не обеспечены средствами передвижения для пушного промысла, то меньшая его половина, – 44,5% обеспечена далеко не в достаточной степени, а значит и не владеет в должной мере одним из основных факторов пушного промысла.

В связи с пушным промыслом необходимо упомянуть и о собаководстве, так как собака в пушном промысле является необходимой принадлежностью. По Ваху водятся собаки особой породы, приспособленной как к местным условиям, так и к пушному промыслу— это, так называемые, „северные лайки".—Оказывается, что из 105 промысловых хозяйств 14 совсем не имеют собак, а на остальные 91 хозяйство имеется всего 162 собаки, что дает 1,8 собаки на хозяйство Обеспечение точно также недостаточное.

Следующим элементом промыслово-охотничьяго хозяйства является его промысловый инвентарь, который по Ваху представляется в следующем виде:

Промысловый инвентарь.

РАЙОНЫ	Ружья			Капканов	Черканов	Рогатин	Плашек	Самострел	Луков	Кулемов	Слопцов
	Кремневые	Пистонные	Центр. боя								
Низовье Ваха	6	81	57	19	243	46	11	141	27	3	625
Верховье Ваха . . .	10	76	24	26	364	55	2	120	34	16	1170
По всему Ваху . . .	16	157	81	45	607	101	13	261	61	19	1795

Промыслово-охотничий инвентарь остяка подразделяется на две группы: огнестрельное оружие и различные ловушки, луки и рогатина.

В отношении огнестрельного оружия мы замечаем некоторую количественную и качественную неравномерность обеспечения верхнего и нижняго течения Ваха.

Верхнее течение Ваха, более изолированное, почти совершенно не подвергается влиянию русских, оказывается менее обеспечено ружьями; на 82 промышленника (с 16—70 лет) мы имеем 100 ружей, т. е. 1,1 ружье на охотника, при чем 76 из этих ружей пистонные и лишь 24 центрального боя, т. е. одно ружье этой более совершенной системы приходится на 3,4 охотника.

В нижнем же течении мы имеем несколько лучшее положение, здесь на 110 промысло-способных человек имеется всего 138 ружей; т. е. 1,2 ружья на человека. Ружей центрального боя 57, т. е. 1 ружье на 1,9 человека. Таким образом, этим сортом ружей, более совершен-

ных, нижнее течение обеспечено более верхнего почти в два раза и это при том условии, что главным промысловым районом является как раз обратно верхнее течение. Положение, очевидно, здесь в этом отношении не нормальное, что, несомненно, сказывается на успешности промысла.

Прочие орудия охотничьего промысла—самолов и т. п. по Ваху не отличаются по своим видам особым разнообразием, как это мы наблюдаем в других местах нашего севера. Здесь чаще встречаются слопцы, черканы, луки-самострелы, изредка капканы, плашки, кулемы, ручные луки и рогатины и нет совершенно лисьих ловушек („кляпцы"), известных, например, в соседнем Нарымском крае[1]). Ловушками вообще оказывается более обеспечено верхнее течение Ваха, где мы имеем всего 1787 ловушек или 42,4 ловушек на 1 хозяйство, и в нижнем плесе имеется всего 1115 ловушек, т. е. 17,8 ловушек на одно хозяйство.

Более распространенным видом ловушек являются слопцы, которых по верхнему плесу—1170 или 27,3 на хозяйство и по нижнему плесу 625 или 9,9 на хозяйство. Наиболее действенным орудием из ловушек в добыче белки являются черканы, которые по их количеству занимают второе место; всего черканов по верхнему Ваху—364 т. е. 8,6 чиркана на хозяйство и по нижнему течению 243, т. е. 3,9 чиркана на хозяйство.

Обеспечение промышленников черканами, если учесть, что именно эти ловушки имеют не малое значение в добыче белки, должно признать недостаточным. И уже совершенно не удовлетворяются потребности охотников в отношении капканов, которых зарегистрировано всего лишь 45 штук. Нужда же в этих ловушках большая на лисицу, россомаху. В большом ходу, как видим, и луки, как ручные, так и настораживающиеся—самострелы. Первые применяются на белку и птицу и вторые на лисицу и выдру.

Второе место в хозяйстве ваховских остяков занимает рыболовный промысел, и в этом отношении Вах является далеко не однородным. Верхний плес Ваха занимается рыболовством почти исключительно в целях пропитания, домашнего потребления, нижнее течение Ваха занято рыболовством уже для сбыта. Здесь рыболовство по мере продвижения к устью Ваха получает все более и более промыслово-товарное значение, а в самом нижнем течении определяет и самый тип хозяйства.

Продукция рыболовного промысла в основных его видах выражается в следующем:

Рыбный промысел.

РАЙОНЫ	Всего хозяйств	Всего добыто рыбы клгр.					
		Язь и под'яз.	Щука	Разной мелкой рыбы	Карась	Всего рыбы	В среднем на 1 хоз.
Савкины—Большие Полины	18	8000	22620	11040	1808	43468	2411
Кирилкины—Лариак	48	18128	10512	19824	1532	47996	999
Чукломеевы-Корельки	42	4992	2800	18804	320	26916	640
Весь Вах . .	108	31120	35932	47668	3660	118380	1096

[1]) Шатилов М. „Остяко-самоеды и тунгусы Приварымского района" „Тр. Том. Кр. Муз." Т. I. 1927 г.

Как видим, основными видами рыбы, промышляемой по Ваху, является щука, язь, под'язок, карась и разная мелкая рыба, к которой относится окунь, ерш, чебак, елец. Все эти рыбы, так называемой, местной породы. „Под'емной" рыбы, более ценной—красной рыбы по Ваху не водится и лишь в самом нижнем течении иногда встречается нельма.

В отношении рыболовства пройденное нами течение Ваха в нашей таблице подразделено на три плеса—три рыболовно-промысловых района:—а) уже известный нам район—верхний плес—от юрт Чухломеевых до р. Корельки, б) средний плес—от с. Лариака вниз до юрт Кирилкиных (включительно) и в) от юрт Больше-Полиных до устья Ваха—юрт Савкиных—нижний плес.

Рыбным промыслом, дающим основные продукты питания, занимаются все без исключения 108 обследованных нами хозяйств. Значение рыбного промысла, как такового, возрастает по мере продвижения от верхнего плеса к устью Ваха. В верхнем плесе мы имеем на 42 хозяйства общей добычи рыбы всего 26916 кгр., что дает в среднем на 1 хозяйство—640,8 кгр; в среднем плесе эта добыча уже возрастает, здесь мы имеем на 48 хозяйств—47996 кгр. т. е. на 1 хозяйство—999,9 и в третьем, нижнем плесе этот промысел увеличивается по сравнению с первым на 1 хозяйство почти в четыре раза—здесь на 18 хозяйств добыча определяется в 43468 кгр или на 1 хозяйство 2411 кгр. [1])

В дальнейшем мы увидим, что в этом последнем плесе рыболовство играет превалирующее значение и определяет собою самый тип хозяйства этого плеса.

Из общей рыбо-промысловой продукции наибольшее значение по всему Ваху имеет разная мелкая рыба, которой на общую добычу в 118380 кгр. было добыто 47668 кгр. или 41,4%. Второе место занимает щука—45932 кгр. или 30,6%. На третьем месте стоит язь и под'язок—31120 кгр. или 24,8% и, наконец, карась, котораго добыто всего лишь 3660 кгр. или 3,%.

Это соотношение несколько видоизменяется по отдельным плесам в сторону повышения удельного веса более ценных сортов по мере продвижения от верхнего плеса к устью.

В верхнем плесе наибольшее значение имеет разная мелкая рыба, которой на общую добычу в этом плесе в 26916 кгр. мы имеем 18804 кгр. т. е. 70,9%. Второе место занимает язь и под'язок 4992 кгр. или 17,8%.

Затем идет щука 2800 кгр. или 10,4% и, наконец, незначительное количество карася 320 кгр. или 0,9%.

В среднем плесе мы уже замечаем более благоприятное соотношение этих сортов рыбы. Так, первое место в общей добыче этого плеса уже занимает, хотя и мелкая рыба, как и в первом плесе, но в меньших процентах соотношения, а именно: на общую добычу в 47996 кгр.—имеется мелкой рыбы 19824 кгр. или 38,7%. На втором месте стоит язь и под'язок—18128 кгр. или 35,1%, т. е. занимает почти одинаковое место с мелкой рыбой. Третье место занимает щука—10512 кгр. т. е. 22,7% и, наконец, карась 1532 кгр. или 3,4%.

---

[1]) Здесь должно заметить, что показатели общей добычи рыбы очень условны, так как обычно добычу не взвешивают, но общее соотношение показателей, несомненно, характерно для отмечаемых нами трех плесов.

В нижнем плесе происходит дальнейшее изменение этих соотношений в сторону благоприятную, а именно: в общем улове этого плеса в 43468 кгр. первое место занимает более ценная по местным условиям рыба—щука, которой добыто 22620 кгр. или 52,2% по сравнению с общим уловом. Второе место занимает разная мелкая рыба—11040 кгр. или 25,4%. Затем идет язь и под'язок—8000 кгр. или 18,3% и, наконец, карась—1808 кгр. или 4,1%.

Таким образом, мы видим, что если в верхнем плесе первое место в рыбном промысле занимает разная мелкая рыба—сорта малоценные по качеству и общая добыча и средняя на одно хозяйство незначительна, то в среднем и особенно в нижнем плесе мы уже имеем более ценные сорта с общим более значительным уловом В среднем на одно хозяйство этот улов превышает добычу верхняго плеса в два и в четыре раза.

В зависимости от этого, т. е. качества добываемой рыбы и общей успешности промысла, рыболовство в верхнем плесе имеет исключительно значение только для домашнего потребления, а в среднем и особенно нижнем рыболовство получает промыслово-товарное значение.

Как в том, так и в другом случае рыболовство занимает, если не первое, то видное место в хозяйстве остяка, а в нижнем плесе Ваха этот промысел занимает первое место в общей его экономике и определяет собой и самый тип хозяйства.

В соответствии с характером рыболовства, видами промышляемой рыбы мы имеем по Ваху и свои орудия промысла, и особый рыболовный инвентарь

Здесь нет больших „заводных" неводов, нет самоловов и переметов, так характерных для Оби и вообще больших водных бассейнов. Главными орудиями промысла здесь являются различного рода плетеные ловушки, сплошные заграждения из „жильника", наплавные сети и небольшие невода. Невода по Ваху размером всего от 40 до 120 м. Сети 20—60 м.

Рыболовный инвентарь.

РАЙОНЫ	Неводов	Сетей	Корчаг	Морд	Заездков и дорожек	Чердаков	Жильников
Низовье Ваха	132	314	33	57	23	—	185
Верховье Ваха	40	102	46	91	18	6	133
По всему Ваху .	172	416	79	148	41	6	318

Первое место по количеству, как видим, занимают наплавные сети—416, что дает на общее количество орудий промысла в 1130 36,8%. На втором месте стоят сплошные заграждения посредством жильников—318 т. е. 28,1%. Затем мы имеем ловушки 227 т. е. 20% и, наконец, невода—182 или 15,2% общего количества орудий. Этот рыболовный инвентарь по низовью и верховью Ваха

распределяется несколько особо, в соответствии с характером промысла и выше отмеченными сортами продукции на этих плесах.

Верхний плес, имея главной добычей разную мелкую рыбу, имеет больше всего ловушек—138 и сплошных заграждений—жильников—132 или, об'единяя эти способы промысла мы получаем всего 230 подобных орудий промысла, сетей имеем всего 102, а неводов всего лишь 40, что при 42 промысловых хозяйствах не обеспечивает каждое хозяйство неводом. Несколько иначе обстоит дело в нижнем течении (средний и нижний плес).

Здесь рыболовство занимает более почетное место и имеет своим об'ектом более крупные сорта рыбы и мы наблюдаем первенствующее значение таких орудий промысла, как сети, которых насчитывается 314, что дает в среднем на хозяйство (всего 66) 4,7 сетей; второе место занимают—„жильники", которых имеется 185, третье по ко-

С к о т о в

Районы.	Всего хоз.	Число хоз., не имеющих скота	Оленные хозяйства			Лошадные хозяйства		
			Число олен. хоз.	Всего оленей	На 1 хоз. олен.	Число лошад. хоз.	Всего лошад.	На 1 хоз лошад.
Низовье Ваха . .	66	9	4	61	15,2	40	94	2.3
Верховье Ваха . .	42	7	26	126	4,8	4	10	2,5
Всего по Ваху . .	108	16	30	187	6,2	44	104	2,4

В соответствии с уклоном промысловой деятельности в ту или иную сторону мы имеем некоторое различие хозяйства ваховских остяков и в отношении скотоводства; в верхнем плесе, где чисто промысловые хозяйства, мы имеем преимущественно оленеводческие хозяйства, в нижнем же течении, где имеются смешанные звероловно-рыболовные хозяйства и где пушной промысел отходит уже на второй план, наблюдается уже переход от оленеводства к лошадному хозяйству.

По верхнему плесу из 42 хозяйств оказывается 7 хозяйств совершенно не имеют скота и 4 хоз. лишены оленей, т. е., иначе говоря, 20,% хозяйств лишены главного фактора пушного промысла. Далее 31 хозяйство имеет оленей, при чем 26 хозяйств чисто оленных и 5 хозяйств смешанного типа, имеющих оленей и лошадей—первые имеют в среднем на хозяйство 4,8 оленя, вторые 9,4 оленя. Лошадных хозяйств в верхнем плесе всего лишь 5, имеющих 10 лошадей.—Эти хозяйства находятся в первых от Лариака вверх по течению юртах—Чухломеевых и Больше-Лариакских; далее вверх по Ваху лошадь еще не проникла.

Иное соотношение видов скотоводства мы имеем в нижнем течении Ваха. Здесь на 66 хозяйств имеется 9 хозяйств необеспеченных скотом, т. е. 13,6%.

Оленных из общего количества оказывается всего 17 хозяйств, при чем чисто оленных всего лишь 4 хозяйства, но значительно по местным условиям крупных, имеющих в среднем на хозяйство 15,2

личеству место принадлежит неводам—132 невода или на 1 хозяйство —2 невода и последнее место занимают ловушки. Наличие двух неводов на хозяйство и почти пяти сетей говорит уже достаточно определенно о значительной роли рыболовства в этой части Ваха.

В отношении обеспечении Ваха рыболовным инвентарем в заключение должно заметить, что если целый ряд хозяйств количественно неводами и сетями обеспечен достаточно, то есть хозяйства, совершено не обеспеченные ими, а, главное, весь вообще этот инвентарь в качественном отношении не удовлетворителен. Дель и нитки, употребляемые для неводов и сетей, низкого качества, быстро изнашиваются, рвутся и требуют частого ремонта.

В тесной связи с основными видами промыслов или, вернее, в отношениях взаимной обусловленности стоят промыслы и скотоводство ваховских остяков.

О Д С Т В О.

Смешанные оленно- лошади. хоз.					Рогатый скот			Всего скота	
Число смеш. хоз.	Число оленей	На 1 хоз. оленей.	Число лошадей	На 1 хоз. лошадей	Число хоз имеющ. рогат. скот	Колич. скота	На 1 хоз.	Всего скота.	В среднем на 1 хоз.
13	111	8,5	29	2,2	7	27	3,9	322	4,9
5	47	9,4	9	1,8	—	—	—	192	4,5
18	158	8,8	38	2,1	7	27	3,9	514	4,8

оленя. Смешанные оленно-лошадные 13 хозяйств имеют в среднем 8,5 оленя на 1 хозяйство.

Здесь мы имеем минимальное количество чисто оленных хозяйств—всего 4, но они оказываются наиболее оленными, по сравнению с средним оленным хозяйством верхняго течения; очевидно, здесь мы имеем крепкие, наиболее устойчивые оленно-промысловые хозяйства, не склонные к тому же в силу своего основного промысла—пушного—обзаводиться лошадьми.

Что касается обеспечения нижнего течения Ваха лошадьми, то здесь на 55 хозяйств, владеющих вообще скотом, 51 хозяйство имеет лошадей, при чем 40 хозяйств чисто лошадных—с 2,3 лошадей в среднем на 1 хозяйство и 11 хозяйств смешанных лошадно-оленных с 2,2 лошадей в среднем на хозяйство.

Таким образом, если в верхнем плесе встречаются лошади всего лишь в 4 хозяйствах, то здесь мы уже наблюдаем обратное—почти поголовный переход остяков к лошадному хозяйству с сохранением всего лишь 4 чисто оленных хозяйств. Это соотношение соответствует основным видам промысла в том и другом случае, чисто пушному хозяйству верхняго плеса, и смешанному звероловно-рыболовному хозяйству нижняго течения.

Особо стоит рогатый скот, который мы встречаем всего лишь в 7 хозяйствах в двух пунктах нижняго течения—в с. Ларнаке и в юртах Охтын-Урье; скот держат главным образом русские и три остяка, имея в среднем 3,9 голов на хозяйство. Очевидно, рогатый скот едва

лишь начинает прививаться в остяцком хозяйстве. И эти три остяка являются в этом отношении пионерами.—Это, как нам известно, совершенно оседлые, почти обрусевшие остяки.—Остальных видов домашняго скота—овец, свиней и т. п. по Ваху не имеется.

Обращаясь к общим цифрам о количестве оленей и лошадей по Ваху, мы получаем на всех оленных и оленно-лошадных 48 хозяйств всего лишь 345 оленей, что дает в среднем 7,6 оленя на одно хозяйство, при чем в действительной жизни мы имеем колебания от 2—3 оленей до 48 оленей на хозяйство. Эти средние величины говорят о том, что оленеводство по Ваху, как это уже отмечалось выше, не является отдельной отраслью хозяйственной деятельности в смысле промысла расчитанного на рынок, а служит лишь средством передвижения, удовлетворяя и в этом последнем отношении остяцкое хозяйство лишь до некоторой степени и не всегда, так как минимальное количество оленей, как средство передвижения для промыслово-охотничьяго хозяйства, определяется в 10—12 голов ездовых оленей. Средние величины количества лошадей оказываются еще более минимальными. Всего на 62 оленно-лошадных хозяйства мы имеем здесь 142 лошади, т. е. в среднем на 1 хозяйство 2,2лошади (здесь учитывается и молодняк). Очевидно, лошадь в хозяйстве остяка имеет лишь некоторое вспомогательное значение, обслуживая его в отношении перевозки тяжестей, зимой при рыбных промыслах (на Оби), доставки дров и, давая некоторый заработок остяку зимой на перевозке пассажиров и кладей.

В связи с промыслами и скотоводством стоит вопрос о средствах передвижения.

Средства передвижения.

Районы.	Лодки		Сани для лошадей	Нарты			Телеги	Лыжи	Упряжки		
	Завозни	Обласы		Грузовые	Легкие	Промыслов.			Конные	Оленные	Собачьи.
Низовье Ваха. . .	14	156	97	36	32	49	1	111	91	129	54
Верховье Ваха . .	3	105	11	36	49	35	—	76	9	122	53
По всему Ваху. .	17	261	108	72	81	84	1	187	100	251	107

Летним средством передвижения по Ваху являются исключительно лодки, по всему Ваху зарегистрирована всего одна телега. Основным видом лодки по Ваху, а в верхнем течении почти исключительным, является долбленый обласок, которых по всему Ваху имеется на 108 хозяйств—261 облас, т. е. в среднем 2,4 обласа. Вместимость, грузоподъемность этих лодок незначительная—от 160 до 400—600 клг. Более вместительными лодками являются завозни, каюки (крытые), которых в верхнем течении всего лишь 3 и в нижнем 14. Имеются завозни, поднимающие до 1000 клгр. груза.

Зимними средствами передвижения являются по верхнему течению почти исключительно нарты и лыжи, а по нижнему встречаются во всех лошадных хозяйствах и сани.

Всего оленных нарт по верхнему течению 84 или в среднем по 2,3 нарты на хозяйство, в нижнем же течении на 17 оленных хозяйств (более крупных, чем вверху) имеется 68 оленных нарт или 4 нарты в среднем на одно хозяйство. Саней вверху зарегистрировано всего 11 на 4 хозяйства и в нижнем течении 97 саней на 55 хозяйств.

Промысловые нарты (тяга собаками) в верхнем плесе встречаются почти во всех хозяйствах—на 42 хозяйства 35 нарт, в нижнем же плесе на 66 хозяйств—49 нарт.

В общем, обеспеченность остяков оленными нартами нельзя признать достаточной, но она, конечно, стоит в прямом соотношении с количеством их ездовых оленей. Две нарты в среднем на хозяйство говорят лишний раз за то, что далеко не все остяки имеют возможность отправляться на пушной промысел всей семьей со значительными запасами и некоторым снаряжением, так как для этого требуется в среднем 4—5 нарт.

В соответствии с зимними средствами передвижения мы имеем конечно и виды упряжи, из которых по низовью Ваха встречаются оленные, собачьи и конные, а по верхнему течению, главным образом, оленные и собачьи, а конных всего лишь 9.

Лыжами остяки обеспечены, примерно, соответственно наличию промышленников.

В заключение о видах промысловой деятельности остяков необходимо остановиться на подсобных промыслах, каковыми будут добыча дичи, ореховый промысел и сборы ягод.

Промысел на птицу.

Районы.	Всего хоз. в районе	Добыто								Всего добыто дичи	В среднем на 1 хоз.
		Уток	Глухарей	Тетерей	Рябчиков	Куропаток	Гусей.	Лебедей	Гагар		
Верховье Ваха .	42	4065	434	342	185	35	40	35	36	5172	126,1
Низовье Ваха .	66	6320	294	79	522	134	18	16	87	7470	114,5
Всего по Ваху.	108	10385	728	421	707	169	58	51	123	12642	117,6

Добыча дичи, как подсобный промысел, дающий одно из средств питания семьи остяка в некоторых хозяйствах имеет в этом последнем смысле видное значение. Главными видами добычи является птица водяная—утки, гуси, лебеди и гагары, которых добыто по верхнему Ваху всего 4176 или 94,6 в среднем на 1 хозяйство, и по нижнему течению всего 6441 или 99 в среднем на 1 хозяйство. Из красной дичи добываются глухари, рябчики, тетерева и куропатки, которых по верховью добыто всего 996, т. е. в среднем 24,3 на одно хозяйство, по нижнему течению 1039 или в среднем 15,9 на хозяйство. Всего дичи добыто по верховью 5172 или 126,1 на 1 хозяйство, по нижнему течению 7470 или 114,5 на 1 хозяйство, по всему Ваху добыто всей дичи 12642 штук или 117 на 1 хозяйство.

Птица не имеет в хозяйстве остяка промыслово-товарного значения и идет исключительно на питание. Дичь потребляется в вареном виде и иногда засаливается и завяливается впрок.

Пух и перо по Ваху точно также идет исключительно на свои нужды.

Относительно орехового промысла, а также сбора ягод за обследованный год говорить почти не приходится. Он прошел, как и ряд пред'идущих лет, под знаком полного неурожая орехов, а сбор ягод не имеет здесь промыслового значения.

Сбор орехов по Ваху достигает лишь 4760 кгр., что в среднем на хозяйство дает всего лишь 40 кгр., на сумму в общей сложности 620 руб. или на 1 хозяйство 5 р. 70 коп.

Еще меньшее значение имеет сбор ягод.

Из ягод остяками заготовляется и потребляется брусника, клюква, черемуха, морошка, смородина и голубица. Всего было добыто разной ягоды 3780 кгр., из которой и было продано 480 кгр. брусники,—остальная ягода пошла на домашнее потребление. Сбора и заготовки грибов не бывает, так как грибов остяки не едят.

По рассмотрении общих цифровых данных о продукции отдельных видов промысловой деятельности по Ваху, их соотношении и удельном весе каждого промысла в хозяйстве остяка, необходимо дать хотя бы краткую, характеристику состояния всех промыслов, освещение и выявление целого ряда основных моментов промысловой деятельности, условий, сопутствующих промыслам, благоприятных для них или отрицательных.

Каждая промысловая деятельность, помимо хозяйствующего суб'екта, прежде всего предполагает об'ект, затем территорию, на которую распространяется эта деятельность, время, способы, использование продукции, общее состояние промыслов и их статика, и динамика.

Начнем с основного промысла—пушного.

Прежде всего—хозяйствующий суб'ект.—Пушной промысел—охота у остяков, как и других сибирских туземцев, по понятным соображениям, является уделом мужской части населения и считается не только его обязанностью, но и его непререкаемой прерогативой. Ружье и вообще охотничьи принадлежности гордость зверопромышленника и его непременная принадлежность.

Каждый остяк является промыслоспособным, считается уже отдельной единицей в этом отношении, начиная с 16 лет. Оканчивается подобное состояние вне зависимости от каких либо преклонных лет—предельного срока, а по фактическому состоянию—иногда и 80-летний старик считается промыслоспособным.

Но подобное положение мужчин в зверопромышленности не означает того, чтобы женщины совершенно не участвовали в этом деле. Они сопутствуют промышленникам во время пути в том случае, если остяк отправляется на оленях в дальний промысел, обслуживают их в смысле оборудования жилища, приготовления пищи, ухода за оленями, а иногда и ходят на лыжах осматривать расставленные охотниками ловушки.

Районом промысловой деятельности является как местная тайга по Ваху —„вах-вонт"—Ваховский урман, район, прилегающий к постоянному зимнему жилищу—юртам, так и более или менее отдаленные районы.

В близ лежащей тайге вынуждены промышлять остяки безоленные, т. е. не имеющие средств передвижения на дальние расстояния, и, как мы уже говорили, в таких районах промышляют, главным образом, в нижнем течении Ваха. Верхний же плес, более обеспеченный оленями,

а также оленные остяки низовья все промышляют в отдаленных районах расстоянием 500 и 1000 клм. от своих юрт. Такими районами для нашего верхнего плеса являются—верховья Ваха, его притоки—Сабун, Кулун—еган, Кыс, Енисейская тайга, притоки Таза и р. Таз, верховья Тыма и, наконец, Пур. Нижний плес имеет устремление главным образом на Аган, Пур, Сабун, Таз и отчасти на Тым, ходят иногда и под Березов и вообще на левобережную тайгу по Оби.

В отношении промысловых угодий должно заметить, что каких либо закреплений постоянных угодий за отдельными промышленниками или даже целыми группами—родовыми единицами не имеется.

В этом отношении наблюдается полный простор,—кто где хочет, там и промышляет. Это касается отдаленных районов; районы же местные, доступные лишь безоленным охотникам считаются в их преимущественном пользовании без определения, конечно, приблизительных границ. В отдаленных же районах, когда группа зверопромышленников, устраиваясь станом, осваивает в промысловом отношении прилегающий к становищу район, этот последний уже является фактически запрепленным за этой группой на время ее пользования. Поэтому одновременного промысла разных групп в одном районе не может быть.

Промысловый зверь и зверь вообще по ваховскому наречию называется—„к у-р у н г-в а я х" (с ногами зверь), в противоположность названию птиц – „т о г л а н-в а я х" (крылатый зверь). Иначе промысловый зверь называется еще „в о н т-в а я х" (урманный, лесной зверь).

Отсюда и самое наименование звероловного промысла по остяцки—„в о н т-в а я х-и м е л ь т а"—(идти в урман ловить зверя). Слова, которое бы выражало отвлеченное понятие „промысел", в наречии ваховцев нет и это понятие они выражают вышеприведенным описательным путем, как и многие другие отвлеченые понятия ими выражаются образно, а не одним каким нибудь специальным словом.

Из промысловых зверей по Ваху и его притокам водятся: белка—„л я н г е," колонок—„н о р у м-с а с", горностай—„к о н т а х с а с", лисица—„в о к а", выдра—„к о л ы в," россомаха—„к о м л я х", заяц—„т е г о р", бурундук—„к у т ю р к и", и, наконец, медведь—„и х". Встречаются изредка волк—„ю г р е к" и рысь—„р а с с", которые однакоже считаются зверем не местным, пришлым. В верховьях притоков Ваха и далее на север водится лось—„к ю х" и дикий олень—„в о н т-в е л и" (урманный олень), песец—„к о н" и соболь—„нюгос".

Эти два последние наиболее ценные звери встречаются по Ваху чрезвычайно редко.

Белка водится, главным образом, в кедровниках, но встречается и вообще в хвойном лесу, склонна к массовым переселениям в зависимости от запасов питания, лесных пожаров и других явлений.

Питается белка, главным образом, орехом, в случае неурожая орехов—ягодами, грибами, сосновыми и еловыми шишками. Промысел на белку сильно колеблется в зависимости от всех этих причин.

Пушнина, как известно, имеет различную ценность в зависимости от времени добычи пушного зверя. Наиболее чистый, прочный и пушистый мех зверь вообще имеет в средине зимы—в период ноябрь—январь, почему в это время именно предпочитается охота. Белка, колонок, горностай и лисица „очищают" мех по первому снегу. Шкура медведя считается наиболее ценной к моменту его залегания в бер-

логу (октябрь месяц), а уже при лежке в берлоге начинает портиться.

Промышлять ходят остяки в два приема, в зимний сезон—первый, с первым снегом до ярмарки—в половине декабря, и второй—с конца января и до апреля.

Периодом пушного промысла на всех зверей за исключением выдры является зимнее время, начиная с конца октября с замерзания рек и до апреля.—На выдру охотятся во всякое время года. Возможны и некоторые колебания во времени охоты в 2—3 недели в зависимости от рекостава, первого снега, когда пушной зверь начинает „чистить" свой мех. В марте месяце начинается „гон" белки (спаривание), когда уже и шкурка теряет свою ценность, а главное, белка уже обещает детенышей Охота на белку, как правило, к этому времени не прекращается, а наоборот, в последний промысловый месяц стараются использовать все возможности для большей продуктивности промысла. Таким образом, охота на белку в марте и начале апреля является вопиющим злом, так как вместе с маткой уничтожается будущий молодняк, и тем самым в корне подрывается пушной промысел.

Промышлять остяки снаряжаются небольшими артелями—„а р к а с ы"—(много человек)—в 5—10 человек; более уже считается неудобным для промысла. Отправляются обычно, смотря по средствам передвижения, на оленях или на лыжах все вместе. Оленные остяки берут с собой иногда и всю семью и все стадо оленей; безоленные же идут одни—только охотники, и отправляются они или последним водным путем на лодках насколько возможно дальше по притокам Ваха, а затем, бросая лодки, идут на лыжах, или сразу от жилья отправляются на лыжах и берут в таких случаях промысловые нарты для запасов, одежды и т. п., запряженные собаками. Но и сам промышленник нередко подпрягается и везет на себе нарты, помогая собакам.

Как в смысле снаряжения, так и обеспечения теплой одеждой, походным жилищем и запасами безоленные охотники оказываются в значительно худшем положении, чем оленные.

Обычно на промысел берется безоленными промышленниками запас в ограниченном количестве, не загружая нарты и себя.—Из запасов обычно берут: немного хлеба, муки, рыбьяго жиру, порсы, сушеной рыбы, соли, чаю и огнеприпасы.

Для ночлега в пути и на промысле берется оленья шкура и изредка кумыш или малица. На себя же промышленники надевают короткую меховую из оленины куртку—„в е л е-с о х-ч о в". На ноги обычно надеваются кисы, на голову за немногими исключениями надевают во время пути и на охоте платок или легкую шапку. На руках носят оленчые рукавицы—„п а с" с отверстием для пальцев, что дает возможность стрелять и т. д., не снимая рукавиц.

Оленные остяки имеют возможность брать больше запасов, а также берут теплую одежду—кумыш, малицу и нередко походный из оленьих шкур чум. Но на самый промысел от становища они также ходят на лыжах в такой же легкой одежде.

Жилищем на стоянках служит, как уже отмечалось, коническая круглая юрта, покрывающаяся иногда шкурами оленя, в большинстве же ветками, холстинами, которые затем забрасываются снегом. Применяется и еще более примитивное жилье—яма в снегу или шалаш, крытые хвоей и снегом.

Отправляясь артелями, местные остяки придерживаются артельных начал лишь во время пути и на стоянках. Обычно более опытный промышленник признается всеми, как старший—„ике", роль которого, как главы, очень скромная; он является лишь связующим звеном, все же крупные вопросы, связанные с передвижением и промыслом, решаются сообща—„мыр-кель„—(народным словом, голосом).

Общим и основным правилом является требование, что никто из членов артели на промысле или во время пути не может отделиться и уйти один, а также и обратно, никто ни при каких обстоятельствах не может быть брошен, оставлен один в тайге. В случае недостатка запасов у кого либо, члены артели делятся своими запасами.

Самый же промысел ведется каждым охотником своими силами и для себя, и лишь охота на медведя, лося или оленя иногда ведется общими силами и тогда добыча является общим достоянием, при чем шкура убитого животного в таких случаях отдается охотнику, выследившему зверя.

Устроивши общий стан, обычно охотники расходятся в разные стороны на лыжах промышлять, ставя ловушки и т. д.

Орудиями промысла является ружье—„печкан", лук—„ёгал" и целый ряд ловушек, среди которых можно отметить черкан—„петев", капкан—„вока-петев", слопцы—„сесек", кулема на медведя- „ихсесек", плашка—„туге-вох".

Лук различается—ручной лук „кет-ёгал" и сторожевой лук—„кочехта-ёгал". Кляпцы, ловушка очень распространенная по Нарымскому краю, по Ваху встречается редко.

Из местных орудий пушного промысла наиболее интересными, хотя и известными вообще у остяков, являются черканы и лук, на описании которых позволим несколько остановиться.

Черкан—„петев" имеет две основных части—небольшой лук и небольшие вилы с черенком. Внизу между этих вил имеется поперечный брусок „порожек", а в верхней части вил другой такой же брусок „разводка", который служит разводкой для вил. Эта разводка имеет посредине прорезь, через которую движется параллельно зубьям вил ударник—„ёглом-юх"—(с луком дерево)—вертикальный длинный брусок с прикрепленным к нему горизонтальным бруском.

В верхней части вертикального бруска продета тетива лука. Далее эти основные части черкана имеют ряд приспособлений, при помощи которых они и действуют. Вертикальный брусок на передней своей стороне имеет зарубку, куда закладывается насторожка—„кухлеги" (каменная насторожка)—небольшой деревянный клинышек.

Насторожка закрепляется особым подвижным гужиком, к которому привязываются две „синки"—„ун", т. е. нитки, крученые из конского волоса, концы которых привязываются к задней стороне нижнего бруска. Вверху черкана на рукоятке привязывается петля, к которой прикрепляется „суклема"—небольшая деревяшка, нижний конец которой широкий с развилиной, а верхний узкий. Этот конец суклемы соединяется веревочкой с упомянутой уже насторожкой. Таково в общих чертах устройство черкана. Действует он следующим образом: на облюбованном месте охотник укрепляет чиркан заостренными концами вил в снег или в землю; лук натягивает, тетива удерживается посредством суклемы. С задней стороны черкан загораживается ветками, куда помещается приманка с таким рассчетом, чтобы взять ее можно было через промежуток вил черкана под ударником, где к нижнему

бруску протянуты „синки", соединенные с насторожкой. Когда зверок пытается схватить приманку, он неминуемо касается синки, которая при этом освобождает насторожку от придерживающих ее гужиков, суклема падает и ударник с силою бьет о нижний брусок, где и попадает под удар зверок.

Установка черкана на разных зверков несколько различна.

Лук ручной, как показывает самое название, применяется охотником непосредственно, а лук сторожевой настораживается и действует уже в отсутствии охотника и отличается от первого особым приспособлением в виде, так называемого, самострела. По своему устройству собственно самый лук бывает простой и составной из нескольких пород дерева. Простой лук, изготовляемый из одной породы дерева, употребляется, как ручной для охоты на мелкого зверка—белку, и др.

Лук вообще—„ёгал" имеет форму слегка согнутого коромысла, концы которого стянуты тетивой, скрученной из пеньки или из ремня. Коромысло составного лука склеивается из двух-трех длинных деревянных пластинок различных пород, чем достигаются большие преимущества этого лука перед простым. Обычно употребляется на устройство такого лука береза, черемуха и кедр. или сосна.

Из березы изготовляется наружная часть коромысла лука, так как береза наиболее упруга и в то же время легко выгибается. Оставаясь же долгое время в выгнутом состоянии береза теряет эту упругость и ослабляет нажим тетивы, а тем самым и силу полета стрелы. Для предотвращения этого внутренняя сторона лука делается из кедра или сосны особого качества,—так называемой „кремлины" или „кренины". Это особое качество дерева встречается изредка, образуется обычно на солнечной стороне, где дерево делается особо смолистым и иногда имеет овальную форму и отличается особенной крепостью. Присоединяя к наружной березовой части лука изнутри пластину из „кремлины", остяк предохраняет березовую часть лука от чрезмерного выгибания и от потери упругости, достигая тем самым особой упругости лука и его прочности. Эти составные части лука обычно склеиваются рыбьим клеем; затем коромысло лука оклеивается очень тщательно тончайшим слоем бересты.

Подобного же рода устройство лука, как и виды стрел мы находим и в древнейшее время, судя по былинному эпосу, небольшую выдержку по которому из материалов S. Patkanowa[1]) здесь уместно привести: „Кремлевый лук сделан из кремлевого дерева. Он сделан из одной целой половинки боровой сосны.

Березовый лук сделан из березового дерева. Он сделан из одной целой половинки дубравной березы.

Лук, снабженный берестой сделан (при помощи) бересты...

Клеевой лук склеен при помощи рыбьяго клея...

Тетивный лук снабжен тетивой"!

Это выдержка из гимна в честь сына Турыма (Торума) Пайрахта, она начинается с описания его лука, который был составной из двух отдельных пластинок—кремлевой сосны и березы.

Эти пластинки склеивались рыбьим клеем, почему и лук назван клеевой лук—(Der geleimte Bogen).

---

[1]) S Patkanow—Die Irtysch.—Ostjaken"... т. I стр. 138.

Склеенные вместе пластинки обматывались ниткой и обертывались в поперечном направлении лентой тонкой бересты, которую приклеивали к луку также рыбьим клеем.

Употребляемые для стрельбы из лука стрелы—„н я л" имеют различные наконечники, смотря по назначению стрелы. Обычно древко стрелы имеет в длину не более 60—70 см. и толщину в палец. В основании стрелы имеется небольшая развилинка для установки стрелы на тетиву. С этого же конца стрела на протяжении 8—12 см. имеет оперенье с трех сторон, необходимое для правильности полета стрелы.

Наконечники стрелы—„беловятки" бывают железные и костяные различной формы. Те и другие наконечники изготовляются самими охотниками и изредка особыми мастерами из тех же остяков. В зависимости от назначения стрелы носят особые названия—медвежья стрела—„и х-н я л", лисья стрела—„в о к а-н я л" и т. д.

На медведя употребляется копьеобразная железная беловятка с большими зазубринами на ея заднем конце.

Стрела эта на расстоянии 20—25 см. от ея основания несколько надрезывается, чтобы медведь, будучи ранен, не смог выдернуть стрелу; как только он схватит конец стрелы лапой, так стрела ломается по надрезу и передняя ее часть остается в теле медведя.

Лисья стрела—„в о к а-н я л" имеет наконечник плоский вилообразный.

На птицу употребляется стрела с узким копьеобразным наконечником. На белку и другого мелкого зверка употребляют стрелу с совершенно особым наконечником. Эти стрелы имеют на переднем конце древка значительное до 5 см. в поперечнике утолщение или из того же дерева, или костяное. Эти стрелы—„томар" бьют мелкого зверка, не разрывая его, не портя таким образом его шкурку.

Ручным луком промышляют исключительно мелкого зверя и птицу.

На лисицу, выдру, а иногда и на крупного зверя употребляется сторожевой лук, имеющий еще особое приспособление—самострел.

Самострел для лука устраивается следующим образом: основанием самострела является деревянный брусок до 1 метра (примерно), шириной до 8 см. и толщиной до 5 см. На переднем конце бруска делается углубление для накладывания на него средины дуги лука. На заднем конце бруска имеется несколько пилообразных зарубок, на одну из которых закладывается веревочная петля, к которой привязывается спуск—„суклема".

Брусок самострела в передней своей части см. 30 от конца имеет глубокую зарубку с небольшим выступом, рядом с которым делается небольшая отлогая зарубка.

Далее следуют части самострела—настораживающие.

Упомянутый выше спуск или „суклема", состоит из деревянной плоской пластинки до 20 см. длиной, нижний конец которой широкий с развилиной—гнездом, а верхний узкий, скошенный. Суклема, как было упомянуто, привязывается к петле на одной из зарубок на заднем конце бруска. К нижнему концу суклемы привязывается трехгранная до 8 см. длиной деревяшка—„щелочек", который вкладывается в небольшую отлогую зарубку на бруске в его передней части и прижимается к выступу находящейся рядом зарубки, гнездом—„насторожки", которая представляет собой заостренную деревяшку до 5 см. длиной, на толстом конце которого имеется гнездо. К верхней ее части привязы-

вается белая нитка или конский волос длиной до 5—6 метров—„синка", к концу которой привязывается прутик „подсиночник".

Таким образом, самострел имеет: основание—брусок и настораживающие части—суклему, щелочек, насторожку, синку и подсиночник.

Этот довольно сложный прибор приводится в действие следующим образом: в облюбованном охотником месте, где по его предположению должен пойти зверь, устанавливается на сошки основание самострела—брусок, на конец которого в его уступ кладется дуга лука ее средней частью; тетива лука натягивается и задевается за углубленный бок насторожки. К тетиве, как обыкновенно, прикладывается стрела, а весь инструмент направлен в предполагаемую цель. Все остальные настораживающие части размещаются по своим местам, как это выше указано. Синка, привязанная одним концом к насторожке, протягивается перед луком через предполагаемую тропу зверя и укрепляется подсиночником где нибудь в кустах. Синка висит свободно, чтобы зверь, задевши ее грудью, несколько подался вперед при этом синка натягивается, отчего срывается насторожка, тетива лука освобождается и с большой силой спускает стрелу по линии протянутой синки, т. е. в то самое место, где в данное время находится зверь. Стрела в таких условиях бьет без промаха и с такой силой, что если минует кости, рана получается сквозная. Раненого таким образом, если и не убитого „наповал", зверя охотники потом находят по следам обессиленного от потери крови и уже легко добивают.

Сторожевой лук употребляется на лисицу, выдру, рысь, волка, медведя, оленя и лося. Успех данного способа промысла зависит от опытности охотника в смысле выбора места насторожки лука.

Каждый зверь имеет свои излюбленные места, где его обычно и стережет лук охотника. На волка, лук устанавливается по лесным тропам, на лисицу глубокой осенью у незамерзающих ручьев, где она в то время держится. На медведя или по выслеженным его тропам или на мысах, вдающихся глубоко в болото, откуда обычно медведь, как говорят охотники, предпочитает переходить болото.

На лосей и оленей, которые здесь встречаются очень редко, устраиваются „засеки". Выследивши их стойбище и тропы, остяки валят лесину одна на другой поперек хода зверя под углом, постепенно его с'уживая и оставляя в конце угла проход, где и устанавливаются сторожевые луки.

Помимо этого применяются остяками и другие общеизвестные способы охоты на зверя. Так, выше уже было отмечено применение ими целого ряда ловушек. На медведя охотятся с „лабаза", выслеживают летом с ружьем, поднимают в конце зимы из берлоги, стреляя из ружья или принимая медведя на рогатину—„пальмо".

Звероловный промысел, вообще, начинается по первому снегу или с замерзанием рек и продолжается до последнего снега, до весны, когда и применяются в различных условиях все вышеотмеченные ловушки.

Черканами добываются белки, колонок, горностай.

Устанавливаются они по выслеженным следам зверя или вблизи его жилья, на белку в лесах, а на колонка и горностая в сорах или гривных местах.

Плашка обыкновенного устройства ставится также на колонка и горностая.

Слопцы употребляются главным образом на зайца в течении всей зимы по опушкам таловых зарослей. Капканы ставят первую половину зимы на лисицу, россомаху и волка.

В прежнее время промышляли зверя отравой, теперь этого не практикуется за неимением отравы (стрихнин). Во всех этих видах охоты очень важное значение имеет собака, отыскивающая следы или норы зверя, приводящая охотника таким образом или прямо на добычу, или указывая место установки ловушек.

Осматриваются ловушки два три раза в неделю, а то и каждый день, так как иначе зверок, попавшийся в ловушку может быть истреблен или шкурка испорчена зверем или птицей. Всеми ловушками за исключением капканов остяки обеспечивают себя сами.

Продукция пушного промысла целиком идет в продажу и лишь беличьи лапки и шкурка бурундука идут на свои нужды. Из беличьих лапок составляются целые меха, лапок в 500—800.

Беличий мех (лапки)—„лянге-лап-сох"—употребляется на легкие женские и детские шубки, детские одеяла и шапочки.

Общее состояние промысла по сравнению с прошлым временем считается неудовлетворительным; промысел падает, по словам остяков, потому, что белка вот уже лет 10 как уходит все дальше и дальше, вследствие неурожая ореха. Остяки также считают, что белка, вообще, уже сильно выбита в районах их промыслов.

Об истощении белки на почве голода остяки заключают из того, что им приходилось нередко в дуплах находить совершенно истощенных, или издохших белок целыми семьями. Что здесь мы имеем голодовку или какую либо эпидемию трудно сказать без специального обследования. В отношении убыли белки вообще играет громадное значение, как уже отмечалось, охота на белку в марте—апреле месяцах, когда идет гон (спаривание) белки, когда таким образом вместе с маткой истребляется будущий молодняк.

Мерами к поддержанию пушных фондов вообще могло бы служить запрещение охоты, начиная с периода гона пушного зверя, т. е. с марта, запрещение охоты вообще лет на 10—20 на лисицу, соболя в местных урманах, а также создание заповедников наряду с целой системой мероприятий по поднятию экономического благосостояния туземцев, когда он не будет гнаться за пушниной „до последней белки".

Если первый основной промысел ваховских остяков—звероловство расчитан исключительно на сбыт, отличается высокой товарностью, то второй промысел по Ваху—рыболовство удовлетворяет, главным образом, местные нужды пропитания населения и лишь в самом нижнем течении, начиная с юрт Больше-Полиных, он уже приобретает рыночное значение, и рыбный промысел здесь уже является главным занятием населения.

В рыбном промысле все, конечно, определяется водной стихией.

Время и место промыслов и их способы, сорта рыбы, все это зависит от целого ряда природных условий и, главным образом, от уровня воды.

Вах и его притоки, если и богаты рыбой, („кул"-рыба), то малоценными сортами; под'емной рыбы—осетра, стерляди и нельмы по Ваху не водится; нельма—„саманг-кул", если и встречается, то изредка и то лишь в нижнем течении Ваха. Местные породы рыб следующие: щука—„сарт", окунь—„юг", язь—„агренеке", под'язок"—

„кул-мок"—(рыба детеныш), чебак—„кильси", елец—„мюгтек", ерш—„ярых", налим—„сёх" и, наконец, встречающийся в большом количестве по озерам, карась—„мугы".

Из орудий рыболовного промысла должно отметить невод—„саев" и сеть—„калав" обычного устройства и затем целый ряд ловушек и иных приборов, как например: плетеная ловушка—морда—„пон", удлиненная такая же ловушка—„пас", жильник—„сех" для „пон" и „пас", загородка из жильника на истоках—„вар", котец из жильника—„вар-пут", черпак, дорожка—„кес-кан", острога—„кул-поглонт-товох" и, наконец „бот"—„лолков".

Сети и невод обычного устройства и поэтому мы позволим себе несколько остановиться лишь на некоторых местных ловушках и приборах.

Здесь прежде всего заслуживает внимания морда—„пон".

Эта ловушка по своему устройству, вообще, подобна общеизвестным таким же ловушкам—„мордам" и отличается лишь большим размером, она имеет в длину до 3 метров и в диаметре до 1 м.

Плетется она обычно из таловых прутьев, при чем поперечное плетение бывает сплошь очень тщательно обвито или таловым, или из кедрового корня лычком, что придает особую прочность стенкам ловушки. Устанавливается эта ловушка во время весенняго под'ема рыбы вверх по реке вдоль берега среди заграждений из жильника на особых шестах.

Подобного же устройства ловушка—„пас" отличается от первой лишь соотношением своих размеров; она имеет особо удлиненную форму—в длину до 3 метров и в диаметре до 40 см. Устанавливается она на истоках—урьях среди заграждений из тальника.

Жильные заграждения, жильник—„вар"—это сплошные щиты из тонких таловых дранок, переплетенных таловым лычком или таловой веревочкой с промежутком на 1—2 см. одна дранка от другой.

Щиты эти имеют от 1½ до 2 метров вышины. Из этих жильников устраиваются сплошные заграждения на истоках озер, в урьях при спаде воды, где рыба, направляясь по течению воды, собирается в массе и вылавливается затем сетями.

Из тех же жильников устраивается на истоках особая ловушка—котец. Для этого щиты из жильника идут с двух берегов поперек истока—урья с некоторым уклоном по течению воды, образуя тупой угол, в центре которого имеется проход для рыбы (шириной до 20—30 см.). Затем стенки щитов развертываются в сторону по течению воды и образуют круглое заграждение в поперечнике до 1½—2 метров. В средине прохода в это заграждение устанавливается особый щит ввиде острого треугольника, острым концом к входу в котец и расширяющимися стенками внутрь. Этой установкой образуется свободный вход рыбы вниз по течению в ловушку—котец и затрудняется обратный выход из нее рыбы. Рыба, таким образом, попадая в ловушку, не находит обратного из нее выхода. В связи с этим стоит черпак для рыбы, плетеный или из таловых прутьев или из дранок кедрового корневища. Этим черпаком рыбаки, под'езжая к ловушке на лодках, вычерпывают рыбу прямо в лодку, в которой сидят сами, или в пустой запасный обласок. Как сплошные заграждения из жильников так и котец, а также ловушка „пас" устанавливаются на истоках во время спада воды, когда рыба идет из озер, с заливных лугов в русло реки. Сплошные заграждения, несомненно, являются одним из хищнических способов рыбной ловли зимой.

Острога, бот и дорожка—приборы общеизвестные и ничем от обычного типа этих приборов не отличаются. Переметов и иных самоловов по Ваху не встречается, за исключением его низовьев.

Рыболовными угодьями в разные промысловые периоды являются то заливные соровые луга и озера, то соровые истоки и прибрежные части Ваха, то пески и русло Ваха и его притоков.

Рыболовные угодья по Ваху являются общим достоянием, они не закрепляются не только за отдельными хозяйствами, но и за целыми юртами и лишь в пределах прежних родовых единиц намечается некоторая грань, которая однако же не так строго проводится. Так, остяки с притока Ваха р. Колок—ёгана почти поголовно выходят на рыбный промысел на самый Вах, устраиваются своими юртами среди местных остяков и целое лето промышляют, но это происходит примерно в районе прежняго рода; спуститься ниже по течению Ваха, где и рыбы больше, Колок—ёганцы уже не считают удобным.

Род Прасиных и Каминых, расположенные выше села Лариака точно также вниз по Ваху не спускаются.

Соровые истоки—урья, истоки с заливных лугов и озер при продолжительном пользовании ими определенным промышленником считаются им освоенными и таким образом закрепляются за определенным хозяйством; это, так называемые, варовые угодья, о чем речь будет ниже. Но закрепление это дает лишь возможность личного пользования данным „урьем"-истоком, но не дает права его передачи, так как рыба, пока не поймана, считается общим достоянием.

В нижнем течении Ваха, примерно до его половины, с весны вода заливает все соровые луга с расположенными на них лесными зарослями на большие пространства месяца на $1^1/_2$, так что эти соровые луга освобождаются от разлива иногда лишь в июле мес. За это время рыболовными угодьями являются эти соровые заливные лута, куда рыба, главным образом язь и под'язок уходят с главного русла в более тихие места метать икру.

В это время промышляют рыбу сетями по заливным озерам и ловушкой—„мордой"—„п о к" по реке, вдоль берегов, где в это время идет рыба, минуя быстрину—средину реки.

Затем, к концу этого периода, когда вода начинает спадать, уходить с заливных соров и озер, рыбу промышляют по истокам таких соровых мест, заливных озер. Рыба по мере убыли воды начинает и сама уходить с этих заливных мест по истокам в реку.

В это время промышляют рыбу, главным образом, путем сплошных заграждений истоков жильниками—„в а р", где добывают собравшуюся у этих заграждений рыбу сетями, ловят, так называемую, „варовую" рыбу.

Добывают в это время рыбу также и в котцах и ловушками, как это указано выше.

Практикуется также заграждение истоков небольших озер, где рыба остается таким образом до зимы, когда она вся вылавливается сетями. Этот способ промысла является также хищническим, как и вообще сплошные заграждения, когда масса рыбы погибает при глубоком промерзании озер.

Рыбный промысел по Ваху, как правило, единоличный и лишь неводами рыбу промышляют небольшими артелями два—три хозяйства.

В последнем случае добыча распределяется по количеству фактических участников в промысле, а не по числу едоков в семьях.

С весны за время разлива в мае и июне месяце ловится главным образом язь, под'язок. Летом с установкой воды в норму и осенью до заморозков промышляют рыбу неводами на песках. В это время добывают щуку, окуня, мелкую рыбу и иногда в нижнем плесе нельму. В зимнее время ставятся на прибрежных местах плетеные ловушки, а также, пока еще лед тонкий, путем особой системы прорубей в нем неводят рыбу. Зимние рыбалки по Ваху не имеют уже большого промыслового значения.

Добытая рыба идет, как это мы видим, главным образом для собственного потребления, для чего она заготовляется в большом количестве впрок различными способами: сушится на кострах, подвяливается на солнце, заготовляется толченая в порошок—порса, и, наконец, зимой просто замораживается.

Кроме того, из рыбы приготовляется рыбий жир, являющийся лакомым блюдом остяка. Непосредственно рыбу потребляют и в жареном, вареном и сыром виде.

На продажу рыба, главным образом щука, засаливается в обласках, и лишь в некоторых случаях в низовье Ваха в бочках, а также готовится для рынка и сушеная рыба—язь, щука. Благодаря слабой засолке случается нередко порча той или иной рыбы, так что при сбыте бракуется рыбы примерно до 10—15%.

Рыболовный промысел за последнее десятилетие к 1926 г. не претерпел каких либо серьезных изменений и происходят колебания в разные годы лишь в зависимости от под'ема воды по Ваху и по Оби. Если же взять более длительный период времени, то произошло значительное снижение добычи рыбы. Одной из причин, кроме общих условий колебания рыбного промысла по всей системе Оби, являются в местных условиях по Ваху различного рода сплошные заграждения истоков, благодаря чему рыба, не успевшая миновать эти заграждения и не выловленная, остается в разных заливных озерках, заливчиках и т. п. где и „глохнет". Пагубно отражается также добыча рыбы в период икрометания, когда таким образом губится будущий ее урожай.

Оленеводство на далеком севере, особенно в приполярном севере и далее, настолько важная отрасль народного хозяйства, что без него и невозможно даже самое существование человека. Для жителя этих широт олень служит не только средством передвижения, но и дает ему пищу, одежду, жилище и т. д. Оленеводство в жизни населения играет настолько важную роль, что самый образ жизни его приспособлен к потребностям и жизни оленных стад.

Характеризуя значение домашних оленей для жителей севера, Брем[1]) говорит: „Ручной олень—опора и гордость, удовольствие и богатство, мучение и тяжесть"—для оленевода.

Северный олень—„Cervus Jarandus" встречается, как известно, в северных широтах. Кроме домашних северных оленей есть и дикие северные олени, по своему анатомическому строению совершенно такие же как и домашние, но по внешнему виду разница между ними большая. У того же Брема мы находим такую фразу: „Я не знаю другого животного, на котором-бы так ясно выразилась вся тяжесть невольничества, все проклятия рабства" и далее: „Ручной северный олень—

---

[1]) Брем—„Жизнь животных".

печальный раб своего бедного, печального господина; дикий северный олень—гордый властелин"...

По понятиям ваховских остяков домашние и дикие олени вначале были, как бы родные братья, когда послал их на землю Торум, а потом дикие олени стали бродить по лесам и тундрам, а ручные жить с людьми, при этом остяк проводит аналогию и говорит: „также, как и люди, вначале были одни, а потом пошли русские и остяки".

Ваховские остяки отличают местных и, вообще, сургутских оленей, как более крупных от приполярных самоедских оленей; последние, по словам ваховцев, менее пригодны для езды по глубокому снегу в урманах. Местный олень сплошь серый за очень редкими исключениями, когда встречаются и белые олени, которых мы встретили по Ваху всего несколько экземпляров. Поэтому для украшения верхней зимней одежды вставками из белой оленины ваховцы пользуются покупными у самоедов шкурками белых оленьих телят.

Олень по ваховскому наречию—„в е л и", самец—„к у р-в е л и", холощеный олень—„к о в т ы-в е л и",—самка—(ваеженка)—„н о в т а к-в е л и", теленок до 2-х лет—„п е т е к-в е л и",от 2 до 3-х лет—„с у р т ы-в е л и". Вполне взрослым олень считается с трех лет.

По Ваху практикуется только езда в нартах, верховой езды на оленях или верховой перевозки клади ваховцы не знают. Оленя начинают слегка приучать к упряжи еще телком, в первую же осень, но в пустых нартах. Обучают более серьезно езде на второй год, а для настоящей езды употребляют оленей на третью зиму—с двух лет по третьему.

Более сильными в езде, но менее выносливыми оказываются самцы „к у р-в е л и", наиболее выносливыми и собственно рабочими оленями надо считать холощеных—„к о в т ы-в е л и", а более легкими на бегу—„рысаками" считаются матки—важенки—„н о в т а к-в е л и". Оленеводство по Ваху не имеет большого и даже просто промыслового значения и олени служат лишь важнейшим условием успешности промысла, являясь единственно возможным в северной обстановке средством передвижения на большие расстояния.

Обеспечение оленями, как мы выше видели, далеко не удовлетворительно даже и в смысле средств передвижения. Размер стада различен от 5 до 35 оленей.

Оленеводство по Ваху переживает переходный момент. Дело в том, что ваховские остяки, если и не являются совершенно оседлыми, то все же и не кочевыми чистого типа—они ведут полукочевой образ жизни. Оленеводство же в чистом его виде требует кочевого образа жизни хозяина стад.

Ваховские же остяки, занимаясь оленеводством при полукочевом образе жизни, не сумели еще приспособиться к оленеводству в новых хозяйственно-бытовых условиях, к оленеводству, так называемому, „избенному".

Возможность же „избенного" оленеводства, когда хозяин стада уже вышел из стадии кочевника-номада, когда он в силу хозяйственных и бытовых условий ведет уже совершенно оседлый образ жизни, вполне установлена известным оленеведом проф. С. А. Грюнер и не только в условиях далекого севера, но и в средней полосе Сибири до 55°.—Как по физико-географическим условиям этих широт, так и по биологическим условиям возможность подобного „избенного оле-

неводства отмечается у нас в Сибири во многих местах[1]), а некоторые специалисты допускают „избенное" оленеводство даже и южнее, вплоть до южных границ Сибири[2]).

Но эта форма оленеводства значительно отличается от оленеводства номадного, связанного органически с кочевым образом жизни; оно требует уже целого ряда соответствующих приспособлений и ухода за стадами со стороны оленевода.

Ваховские же остяки, как ведущие полукочевой образ жизни, уже пережили некоторые моменты этого номадного—оленеводства, и совершенно еще не приспособились к новым требованиям оленеводства, к новым условиям хозяйственной жизни, а потому и самое оленеводство у них переживает переходный момент, носит совершенно примитивный характер.

Если у самоедов и остяков более северной полосы оленьи стада бродят свободно по необ'ятным пространствам севера в поисках подножного корма, то все же они не предоставлены всецело самим себе, за ними кочует и их хозяин, за ними имеется поэтому некоторый присмотр. Большие стада имеют даже иногда и пастухов и караульных собак. Олени ваховских остяков совершенно предоставлены самим себе; с ранней весны до снега они пасутся в урманах совершенно свободно, проходя большие пространства без всякого присмотра. Хозяин их, привязанный уже к своему месту и промыслу, кочевать за оленями не может. Не имеют ваховские олени и пастухов и караульных собак. Предоставленные самим себе, олени уходят за лето так далеко, что их поиски, начинаясь с первым снегом, продолжаются сплошь и рядом неделю, две, а иногда полтора, два месяца, как об этом имеется у нас ряд показаний, так что охотники в таких случаях теряют промысловый сезон первой половины зимы. Естественно, что при таких условиях неизбежен постоянный урон в стадах от болезней, нападения хищников, потери отдельных оленей и т. п. Лишь в редких случаях оленей держат летом при жилье, для чего при юртах устраиваются загоны или из городьбы или ввиде той же бревенчатой юрты, но более обширной—„в е л и-к а т"—оленья юрта. На корм олени выпускаются в близлежащий бор. Но подобное положение наблюдается по Ваху всего лишь в нескольких случаях и, конечно, возможно лишь при небольших стадах.

Зимой олени пригоняются к юртам и затем, или на них отправляются со всем стадом в далекий путь на промысел, или в непромысловое время они пасутся близ юрт. Выпас стад летом производится в сосновых борах более или менее отграниченных от других местностей болотными пространствами. Питаются олени, так называемым, оленьим мохом—ягельником. На зиму какого либо запаса кормов не производится и олени зимой сами добывают себе корм, питаясь тем же ягельником, добывая его из под снега, а уже при большом снеге особым серо-зеленым мохом на кедрах, елях.

Естественно, что при таких условиях олени остаются вне присмотра как в отношении спаривания, приплода, так и ухода за теленком, а значит и размножения стада.

Время спаривания оленей—листопад—сентябрь и начало октября, когда олени бродят еще свободно в лесу; хозяин таким образом ли-

[1]) И. Н. Щухов—„Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе".
[2]) С. В. Керцелли—„Избенное оленеводство и его значение в сельском хозяйстве".

шен возможности подбора производителя. Более молодые спариваются уже по снегу, когда стада уже пригнаны и тогда возможен некоторый подбор, что и практикуется.

Обычно в стаде оставляются два—три производителя, а остальных самцов холостят. Холостят оленей весной в возрасте от 1 года до 2 лет, но возможно холощение и позже, однакоже не старше десяти лет. Холостят остяки самым примитивным способом: оленя сваливают, связывают ноги и крепко держат и затем иногда перерезают ножом семенной каналик, но чаще перекусывают или сильно мнут его зубами. Операцию эту обычно проделывают женщины, у которых, по словам остяков, более „верный и острый зуб".

Подобный способ холощения оленей вообще известен у наших северных туземцев. Более безболезненно проходят холощение зубами, кровоизлияния нет и каких либо мер для предупреждения заболевания не принимается. Дней пять такого оленя не запрягают.

Матка телится в апреле, мае месяце, телится без всякого присмотра. Телят иногда бывает по два, обычно один. Матку, если ею пользуются для езды, не употребляют в упряжь лишь за неделю, две до родов.

Из общего количества родившихся телят обычно достигают зрелого возраста, примерно 50%. Гибель молодняка бывает в возрасте до 1 года главным образом в жаркое время; остяки полагают, что телята первые же дни и недели своей жизни в урмане не выносят гнуса, больших переходов стад и прочих неблагоприятных условий. Несмотря на значительный урон молодняка, все же стадо обычно может удваиваться года через 3—4.

Совершенно особое место по вопросу об оленеводстве, несомненно, занимают различные эпизоотии и, вообще, болезни оленей—этот ужасный бич северного туземца, когда он часто в несколько дней лишается всего своего достояния, средств передвижения в далекой тундре и иногда сам и его семья обрекаются на гибель.

Все решительно приполярные путешественники, как, например, Миддендорф, Пютц, Шренк, Черский, Серошевский и мн. другие отмечают эти страшные раззорительные эпизоотии оленей на всем далеком севере.

По Ваху за последнее десятилетие не наблюдалось больших поголовных падежей оленя, но все же были значительные уроны от различных болезней.

В нашу задачу не может входить подробное ознакомление с этими болезнями—это дело специалистов-ветеринаров-оленеведов.

Все же мы позволим привести сведения о болезнях оленя по Ваху со слов самих остяков, сопровождая их показания некоторыми литературными данными по этому вопросу и указывая народные способы лечения.

Из болезней оленей, как более часто встречающихся, ваховскими остяками отмечаются следующие:

1) чесотка—„ваях-тассы".—При этой болезни появляются на коже паразиты, затем начинает слезать шерсть на ляжках, груди, животе, появляются коросты;—болезнь длительная—до года и более, иногда кончается смертью. Остяки лечат чесотку примочкой из пороха, промывая ею все зараженные места. Иногда, по их словам, это помогает. Болезнь эта заразная.

Эту болезнь некоторые исследователи тобольского севера, как например, Дунин-Горкавич, ветеринарный врач А. Макаревский совершенно не отмечают.

2) Нарыв в горле"—л у л л о-п и т е с" (рот болит). Нарыв. бывает настолько сильный, что прорывается наружу в передней части шеи снизу—олень гибнет. Лечат соленой водой или отваром багульника, устраивая как бы полоскание горла, вливая этот отвар в рот больного оленя. И эта болезнь упомянутыми авторами также не отмечается.

3) „Выпадок"—„л у н к о л-т о г о й-к ы р ы н г л и н-к а в а с"—(копыто отпадает—пропадает"). Течение болезни остяки характеризуют так: гнойное воспаление копыта, в результате чего оно отпадает, обнаженные части ноги на месте копыта чернеют, происходит загноение. Болезнь заразная. Местных способов лечения нет. Заболевших перегоняют на сухие места.

Судя по этому описанию, здесь мы имеем одну из страшных оленних болезней—„повальную копытную болезнь". Болезнь эта, по словам А. Макаревскаго[1]), характеризуется „гнойным заболеванием копытной щели и других частей копыта и фалангов с заражением гнойными абсцессами последовательно и других частей организма; гнойные язвы иногда появляются и в ротовой полости, как при ящуре, но это от того, что при этой болезни олени лижут больные места и заражают таким образом и язык. Болезнь очень заразная и дает большой процент смертности—до 50% и более.

Иммунитета она не дает, мясо больного скота не дает специфического заболевания на людях".

4) Расширение селезенки"—„т а р к а-т а л ь-э н е м г и н-к а в а с"—(„селезенка выросла—пропадает"). Болезнь, по словам остяков, характеризуется частыми, все возрастающими одышками животного вследствие сильного расширения селезенки. Селезенка разростается, по их словам, настолько, что „задавит сердце", парализует его деятельность и олень пропадает. Болезнь не заразная. При наших попытках более ясно выяснить характер этого заболевания, нам удалось в нескольких местах получить лишь совершенно определенные утверждения об указанном необычайном расширении селезенки. Средств никаких не знают. Болезнь эта упомянутыми авторами также не отмечается.

5) „Оленья худая болезнь"—"в е л и-к ы н ь в а с", характеризовать которую остяки затруднились, указывая только на „прилив крови к сердцу",—смерть моментальная. Бывает, что олень падает в упряжи во время езды. Болезнь очень заразительная.

Из отмеченных болезней более часто встречается „чесотка" и „нарыв в горле".

Встречается ли по Ваху столь известная болезнь—„ящур", на основании наших распросных данных сказать трудно.

В вышеприведенных описаниях со слов остяков нельзя усмотреть моментов характерных для ящура. Возможно, что ящура по Ваху и нет, так как, по словам того же А. Макаревского[2]), „ящуром олени заражаются от других домашних животных", а по Ваху, как мы отмечали, лишь в его низовьях имеется всего несколько лошадей. Давая приведенные выше характеристики оленьих болезней по Ваху со

[1]) А. Н. Макаревский—„Эпизоотии оленей и борьба с ними"—Ежег. Тоб. Губ. Музея. Вып. XVI—1906 г.

[2]) А. Макаревский—ibid.

слов самих остяков, мы, разумеется, отнюдь не претендуем на совпадение их с соответствующими научными указаниями и старались лишь выяснить признаки болезней с возможной точностью, как это представляется местным оленеводам, и указать местные способы лечения.

Болезни оленей далеко еще не изучены ветеринарией, хотя бы в той полноте, как болезни наших других домашних животных. Упомянутый выше вет. врач. А. Макаревский полагает, что „оленеводство, вообще, страдает, главным образом, от трех-четырех эпизоотий: сибирской язвы, ящура, повальной копытной болезни и чумы оленей[1]).

Остяки оказываются совершенно безпомощны в борьбе со всеми этими болезнями, и в лучшем случае, что они делают, так поспешно, в панике бегут с мест об'ятых эпизоотией и тем самым разносят болезнь по другим местам.

Ветеринарная помощь оленеводам, борьба с эпизоотиями—этим безпощадным врагом оленеводства—это, несомненно, один из боевых, актуальных вопросов нашего севера, на что за последние годы по Ваху и обращается большое внимание.

Продукция оленеводства довольно разнообразна: мясо, шкуры, волос, жилы, кости и т. д.

По Ваху, ввиду слабого оленеводства, домашних оленей колят для своих нужд очень редко. Оленье мясо, как это подробно отмечалось при описании пищи остяков, употребляется в сыром виде, копченое, вареное и вяленое на солнце, а также приготовляются различные кушанья из отдельных частей оленя и даже из крови. Оленье молоко ваховцы, к сожалению, не употребляют. Наличие оленьяго мяса вносит большое разнообразие в питание остяка и является для него большим праздником.

Отдельные части шкуры и кожи оленя—„в е л и-с о х"—(оленья шкура) идут на различные поделки для костюма, обуви, предметов промысла, домашнего обихода, культа и т. д.

Шкура оленя с туловища полняком идет на зимнюю одежду—кумыш и малицу, а также служит постелью остяка—„н а р в а-в е л и-с о х"—(постель—оленья шкура). Из полного же оленьяго меха делается спальный мешок и одеяло—„л ю н в а-в е л и-с о х"—(одеваться—олений мех).

Другие отдельные части меха имеют различное назначение. Шкура с ног оленя—„н и р" идет на обувь—ноговицы и лунты, а также на подволоки—„нималь". Кожа со лба оленя—„в ы н е н-в е л и-с о х" (лобовая оленья кожа) отличается особой прочностью и поэтому идет на подошвы обуви, также на подошвы идет кожа с ног над копытами.

„П е ш к а"—п е ч е к-с о х"—шкура маленького теленка, погибшего вслед за рождением, идет на шапки—треухи и одежду для детей. Особенно ценится шкурка неплюя, т. е. шкурка теленка 3—4 месяцев. Неплюй имеет несколько сортов в зависимости от возраста теленка. Наиболее ценным является трехмесячный тонкошерстный неплюй, который идет на отделку—украшение меховых костюмов и обуви. Кожа неплюя идет на выработку замши.

Здесь будет уместно несколько остановиться на выделке остяками кожи. Выработкой кожи занимаются исключительно женщины.

---

[1]) А. Макаревский ibid.

Шкура прежде всего подвергается усиленной обработке посредством дымления ее на костре, для чего устраивается остов из прутьев, который и покрывается шкурой. Внутри такого как бы шатра разводится курево из гнилушек. После значительного продымления шкура подвергается механической обработке руками и затем специальными приборами. Прежде всего шкура подвергается очистке от мездры особым скребком—„ол", представляющим небольшую, несколько выгнутую дощечку с железным скребком по выпуклости. После снятия мездры, шкуру мочат с очищенной стороны водой и свертывают ее, чтобы она отмякла, затем натирают ее гнилушками, чтобы в них впиталась вода.

После этого шкуру обрабатывают вторым скребком—„юх-туювюх"—это несколько выгнутая дощечка с двумя ручками и на выгнутой части имеется мелкая железная пилка; этой то пилкой и производится окончательная обработка, при чем шкура натирается „березовой губой". Обработавши кожу, снимают с обратной стороны скребком мех.

За все это время кожа кроме того разминается руками для придания ей мягкости. О покраске кожи мы уже говорили выше.

Рог оленя и крупные кости идут на изготовление некоторых домашних принадлежностей и охотничьих приборов—игольниц, ножных ручек, наконечников стрел, пистонниц, пороховниц и т. д.

Из сухожилий оленя, разбитых на волокна, как мы видели, изготовляются очень крепкие нитки для шитья одежды, обуви и проч. Те же жилы, не разбитые на волокна, в их естественном виде идут на струны национальных музыкальных инструментов остяка.

Особо ценится подшейный белый волос—„сурам", который в прежнее время употреблялся на вышивку костюмов—„сурам-янвал", теперь шитье встречается изредка. Этот же подшейный белый волос на живых оленях иногда имеет и ритуальное значение,—его завязывают узлом и тем самым этот олень посвящается местному лунгу—духу—„телег-тегор"—(болотный заяц). Олень этот поступает под покровительство лунга, его уже, по поверью остяков, не тронет зверь и даже сам хозяин урмана—„их"—медведь, но за то оленя этого нельзя и заколоть.

Кожа оленя употребляется также и для оборудования предметов культа, так, например, ею обтягивается бубен шамана, а коротковошерстным мехом оленя с ног—кисами обтягивается колотушка бубна.

Наконец, и сам олень в целом служит религиозным нуждам остяка; нередко, как это мы видели, олень приносится остяками в жертву местному лунгу.

Как видим, использование продукции оленеводства остяками чрезвычайно разнообразно; оно охватывает многие моменты их жизни, начиная от домашних предметов, одежды, обуви, промысла, питания и проч. и обслуживает, наконец, и высшие проявления человеческого духа —служит искусству.

Олень—„вели" поэтому является доподлинно национальным животным остяка—его другом и понятно почему олень воспевается в бесчисленных вариациях в народном остяцком эпосе[1]).

---

[1]) С. Патканов—„Тип. остяцк. богатыря"...
S. Patkantw—Die Jrtysch—ostjaken.—und ihre Uolkspoesie".

Далее необходимо сказать несколько слов о другом домашнем животном нашего севера собаке „амп". Собака в северных условиях также имеет громадное значение, а для безоленных стяков она заменяет до известной степени оленей.

На севере, как известно, водится особая порода собак „лайки" или, как их называют остяки,—„кантах-амп" (остяцкая собака). Собака является неизменным другом спутником охотника в его промыслах, часть из которых совершенно без нее можна без собаки. Охотничья собака „вайх-амп" (на зверя собака). Те же собаки или специальные езловые служат остяку для перевозки тяжестей дров, воды зимой или перевозят промысловые парты во время пушных промыслов. Езловые собаки „ликер-талильта-амп" („парты таскает собака"). Способ упряжки и езды на собаках описаны были выше, в главе о средствах передвижения.

Собак берут на охоту и употребляют в упряжь на второй год. Две собаки обычно везут промысловые парты, на двух, трех парах можно уже ехать по хорошей, крепкой дороге. Сильная собака может везти до 60 кгр. клади. Питается остяцкая собака летом сама, лишь изредка получает рыбные отбросы, зимой же собака требует большой заготовки пищи, главным образом рыбы или рыбных отбросов.

Езловые остяки, как это мы видели по статистическим данным, обеспечены собаками довольно слабо. Среди собак тоже бывают заболевания, из которых наиболее известна „собачья чума"

Если учесть значение собаки для хозяйства остяка, то она заслуживает также большого внимания как в смысле улучшения породы, размножения, так и защиты ее от эпизоотий.

Среди промыслов по Вагу должно также отметить особо ореховый промысел—„нагор-верите" (орехи делать), занимающий видное место в хозяйстве остяков в урожайные на орех годы.

Больших, сплошных кедровых лесов по Вагу нет, кедр встречается некоторыми островками в хвойных лесах вообще.

Каких либо определенных промысловых угодий по сбору орехов, которые бы находились в чем либо преимущественном пользовании, нет. Каждый может промышлять, где ему угодно.

Промышлять приходится, смотря по урожаю ореха, в различных местностях, иногда очень далеко от жилья, кам 50—100.

Сбор орехов- „нагорверите" начинается обычно в конце августа и продолжается при их урожае до конца сентября. В этом промысле принимает участие вся семья остяка- мужчины, женщины и подростки. Бой шишек „нагор-ох" (шишка) производится посредством околачивания ствола кедра особым прибором „колотом".

Орудиями орехового промысла являются: колот, валек и решето.

Колот—„мигив" это большой деревянный молот. Рукояткой его служит жердь длиной до 2—3 и более метров, самое же било деревянная чурка длиной до 70 -80 см. и в диаметре до 30 см. Этим то молотом с силой ударяют по стволу кедра и шишки падают от сотрясения дерева.

По сбору шишек, они подвергаются обработке вальком; валек „нагорох-конта-юх" -„(ореховые шишки тереть дерево) это деревянный валек с поперечными рубцами, которым шелушатся на доске орехи из шишек.

После шелушения орехи просеваются на особом решете -„ситка", которое представляет собой продолговатый деревянный ящик с про-

дольной решеткой из составных деревянных дранок вместо дна. Решето подвешивается на особых козлах или под деревом. В него насыпаются орехи, решето встряхивают, мелкий сор проходит в щели между дранок, а орехи остаются.

Как видим, это все самые обычные орудия орехового промысла и переняты ваховцами, очевидно, от русских, так что, например, решето даже не имеет собственно остяцкого названия, а искаженное русское—„ситка" вместо сито.

Иных способов добывания ореха ваховцы не знают. Рубки дерева в этих целях не бывает. Взлезание на дерево практикуется очень редко, как вследствие опасности, так и потому, что в глухих местах кедр в нижней своей части более чем до половины ствола не имеет сучьев, удобных для лазания.

Урожайность ореха вообще периодически колеблется. В среднем хороший урожай бывает через 4—5 лет. За последние же 10 лет урожая орехов почти не было совсем и лишь 2—3 года можно считать с урожаем, хотя и плохим. С одного дерева в среднем бывает сбор шишки—в хороший урожай—один мешок и плохой $^1/_4$ мешка шишек.

В среднем на семью сбор орехов—в хороший урожай 600—800 кгр. средний—400 кгр. и плохой до 200 кгр. и менее.

Неурожайность ореха остяки об'ясняют различно; общую периодичность урожаев они об'ясняют истощением и затем постепенным накоплением питательных соков и производительных сил дерева

Неурожайность же, вообще, об'ясняют сильными заморозками весной или осенью, когда гибнет зародыш в цвету или самая „озимь".

Каких либо болезненных явлений на кедрах остяки не замечают. Сильно вредит урожайности также птица-кедровка, встречающаяся здесь в большом количестве. Она истребляет и просто губит шишки, по мнению остяков, процентов на 20. Начатая кедровкой шишка, хотя бы и не вся с'едается, гибнет уже вся—она засыхает, а кедровка обычно истребляет не всю шишку, а берет орех на выбор. Понятна поэтому массовая гибель шишки.

Чрезвычайно неблагоприятно также отзывается на ореховом промысле или вернее на состоянии самых кедровых лесов—это описанный нами способ шишкобоя колотом; в результате сильных ударов тяжелым молотом по стволу кедр по меньшей мере подвергается порче или совершенно гибнет, когда сбивается верхний покров ствола—кора, после чего гибнет, засыхает самое дерево. В местах постоянного шишкобоя нередко встречаются могучие, на корню погибшие, кедры.

Шишкобой производится семьями, нередко и артелями. В последнем случае добыча делится по количеству участников промысла.

При дальнем расстоянии места промысла орехи вывозятся в юрты уже по зимнему пути.

Как видно, этот промысел не может служить устойчивым фондом в хозяйстве остяка, но в случае урожая может составить довольно видную статью дохода.

Наряду с этим необходимо, наконец, отметить, как вспомогательные промыслы—это охота на птицу и сбор ягод.

Птица по остяцки называется—„п о г л о н-в а я х"—(крылатый зверь). Птицу различают водяную и урманную.

Мы позволим отметить лишь птицу имеющую промысловое значение; урманная: глухарь—„л ю к", тетеря и косачь—„е т е р к и";—ку-

ропатка—„ынк", рябчик—„пенк",—и водяная:—утки—„вясех", гуси—„лонт", лебедь—„кутум", гагара—„тахтэн". На лебедя охотятся очень редко.

Промысел на водяную птицу начинается с весеннего перелета птиц до вскрытия рек и продолжается около месяца, а на уток, кроме того, в период их линяния—в июле месяце и на молодых выводков.

Линялую утку остяки стреляют из лука стрелами, плавая за птицей на легких маленьких обласках.

Кроме того, уток добывают и ловушками—перевесом и пленицей. Перевес—„вясех-калав" (утиная сеть) устраивается так: делается просека между двух озер или на перелете с озера на реку в лесах, зарослях. На этой просеке на значительную высоту несколько внаклон устанавливается на особых двух шестах на блоках сеть, а внизу расстилается другая сеть. Птица, перелетая с одного озера на другое, направляется по этой просеке, ударяется в перевес, который, падая, накрывает целую стаю уток. Засевшие в кустах охотники сейчас же вылавливают птицу.

Другая ловушка—пленица—„вясех-тонтах-лис" (утиная волосяная петля) представляет собой несколько настороженных петель из конского волоса (покупаемого на ярмарке). Петли протягиваются на особом основании из легких прутьев с поперечными перекладинами-плашками и устанавливаются по озерам в местах заросших травой, где изредка имеются чистые проходы между открытыми местами. Птица, плавая по озерам, устремляется в эти чистые места и попадает в невидимые для нее петли; птица начинает биться и тем самым сильнее затягивает петлю.

Из ружья водяную птицу стреляют редко; ружье применяется лишь на гуся, лебедя и гагару.

Красная урманная птица добывается зимой отчасти стрельбой из ружья, но главным образом ловушками, из которых можно отметить: слопцы—„люк-сесек"—(ловушка на глухаря) и волосяные петли—„люк-тонтах-лис" (на глухаря волосяная петля). Устройство этих ловушек общеизвестно.

Из указанных птиц остяки не едят гагар, но все же они отмечены мною, как промысловые, так как их шкурки идут на мех для детских шубок, одеялец и т. п.

Вся птица за немногими исключениями потребляется самими остяками; шкурки с головок уток, гагар, а также шкурки лебедей целиком идут на меха для детских шубок, женских легких теплых кофточек и проч. Пух и перо остяками не собирается. Яйца весной по гнездам собираются, но в редких случаях.

Совершенно ничтожное место в жизни остяка занимает сбор ягод. О грибах мы не говорим; грибы ваховцы, как и другие остяки, не едят. Из ягод „ул" (ягода) по Ваху большее значение имеют: черемуха—„ём", брусника „ул", клюква—„пянь", морошка—„морок", на втором месте можно поставить смородину—„товтан", голубицу—„тахтэн-ул" и княжнику—„пютка-морок" (птичья морошка).

Ягоды употребляются почти исключительно в сыром виде; черемуха иногда сушится и толчется.

Оба последние промысла—добыча дичи и сбор ягод не имеют по Ваху промыслового—товарного значения; продукция этих промыслов идет почти исключительно на собственное потребление и в известное

время года является (особенно дичь) значительным подкреплением в смысле питания местного населения.

Слабое состояние этих промыслов об'ясняется, надо полагать, отсутствием сбыта их продукции на местах, так как и дичи и различных ягод здесь довольно много, и безусловно далеко не все запасы используются.

Отмеченными видами промыслов исчерпывается вся сфера промысловой деятельности остяка, но далеко, конечно, не исчерпываются, хотя бы и не все, а некоторые возможности использования природных богатств края даже и при наличных силах остяков.

В заключение должно отметить, что промыслы современного ваховского остяка остаются теми же, что и во времена до прихода русских—времена героического эпоса, из которого мы знаем о занятиях остяков того времени, о видах их промыслов и об орудиях промысла. Занятия остяков того времени заключались также в охоте, рыбной ловле и оленеводстве.

Охота производилась при помощи лука и стрел, а также различных ловушек. Из современных рыболовных снастей также были известны в те времена плетеные морды („пон"), загороди из жильника („вар") и сети („калав"). Наверное остяки знали также и другие ловушки.

Олени в те времена были единственными домашними животными. Они доставляли остяку все необходимое в его жизни: пищу, одежду, средства передвижения, они служили и для жертвоприношений[1]).

В общих чертах, таким образом, прогресса хозяйства остяков в смысле появления каких либо новых его отраслей за эти последние более чем три столетия мы не наблюдаем; за это время произошло лишь снижение всех этих промыслов в смысле количественном.

И лишь за последнее время по Ваху, благодаря целому ряду мероприятий государственных и кооперативных организаций, создаются новые возможности промысловой деятельности ваховского остяка.

Проводимые в данное время мероприятия по реконструкции хозяйства ваховских остяков на ряду с поднятием культурного уровня населения приведут в ближайшее время к значительному под'ему экономического благосостояния остяков, победят веками воспитанную в них инерцию, втянут их в круг более культурных навыков и понятий. Все это откроет широкие возможности для строительства нового уклада жизни ваховцев на основе тесного содружества со всеми трудящимися СССР и в то же время даст возможность выявить и закрепить национальные особенности остяцкой народности.

---

[1]) С. Патканов.—Тип остяцкого богатыря".
S Patkanow—Die Jrtysch Ostjaken".

Населенные места по Ваху.

1. Нижне-Вартовские юрты (на Оби близ устья р. Ваха)
2. Рогным-пай-пугол - (Прорытый остров юрты) или Савкины.
3. Ай-Тара-пугол - (Малые журавлиные юрты) или Кюхе-Пугол (Кукушкины юрты) или Малые Тарховы.
4. Алле-Тара-пугол—(Большие Журавлиные юрты) или Большие Тарховы.
5. Соромин-пугол или Соромины ю.
6. Ай-Полин - пугол или Малые Полины ю.
7. Алле-Полин-пугол или Большие Полины ю.
8. Ягон-пугол — (Бор-юрты) или Кирилкины ю.
9. Колок-ёган-пугол—(Вороновой реки юрты) летние юрты остяков с реки Колок-ёган.
10. Оськины юрты (остяцкого названия выяснить не удалось).
11. Мелин-пугол—(Омут-юрты) или Мелинские ю.
12. Левке-пугол или Лапчинские.
13. Лег-пете-пугол.
14. Епифанкины. (Остяцкого названия выяснить не удалось).
15. Охтын-урье-пугол - (исток озера-юрты).
16. Паманг - урье - пугол — (Гравяной исток — юрты или Никулкины ю.
17. Алле-Лаваз - ёган-пугол — (Большие юрты Лаваза реки) или Большие Лаваз-ёганские ю
18. Ай-Лаваз-ёган-пугол—(Малые юрты Лаваза реки) или Малые Лаваз-ёганские ю.
19. Люк-Пай-пугол (Глухариный остров юрты).
20. Пух-юх-пугол—(Стрелочное дерево юрты).
21. Вели-пугол—(Оленьи юрты).
22. Село Лариак. Лариакское - (дар-заливные луга, ях-народ) или Лариах-пугол, или Торум-кат-пугол-божья юрта—юрты.
23. Чухломейги-пугол—(Лесные ямы—юрты) или Чухломеевские ю.
24. Панаскины юрты.
25. Алле-Лариах-пугол—(Большие Лариакские юрты) или Алле-лариах-эмтер-пугол — (Большого Лариакского озера юрты).
26. Нягал-юх-пугол (Низкий лес—юрты) или Малые или Нижние Ромкины ю.
27. Огорт-юх-пугол — (Высокий лес—юрты) или Большие или Верхние Ромкины ю.
28. Микулько-пугол – (Микулькины юрты).
29. Никкин-ёган-пугол—(Бабья река—юрты).
30. Вах-вэнт-пугол—(Узкого Ваха——юрты).
31. Вах-коте-пугол—(Ваха половина—юрты).
32. Ягон-пенек-пугол—(Бор-мыс-юрты).
33. Корельки - ёган-пугол.—(На р. Корельки).
34. Кыс-ёган-пугол.

Населенные места указаны в направлении от устья Ваха вверх по течению. Отмечены лишь пункты по самому Ваху и Большой Лариакской протоке за исключением его притоков. Следует различать населенные пункты территориально—юрты весенние, летние и зимние, как находящиеся в разных местах.

Населенные пункты по притокам Ваха не отмечаются, как нами непосредственно не обследованные, и ввиду того, что их названия по различным оффициальным источникам весьма противоречивы.

Р. Вах и его притоки. *)

Правые притоки.

1. Яль-нельтан-игал –Войска закаялись (воевать) речка.
2. Вока-вонт-игал—Лисичий урман—речка.
3. Колек-ёган—Воронова река.
4. Ар-игал—Раздельная речка.
5. Лаваз-ёган.
6. Песек ёган.—Песцовая река.
7. Сабук.
8. Кулун-ёган—
9. Коток-ёган—Мартышкина (птица) река.
10. Корельки-ёган—Стерляжья река.
11. Куль-ёган—Рыбная река.
12. Кыс-ёган.

Левые притоки.

1. Кулун-ёган.
2. Мох-куль-ёган.
3. Мохтох-куль-ёган.
4. Никкин-ёган—Бабья река.
5. Большая Лариакская протока (60 клм.) и впадающее в нее озеро Алле-Лариах-эмтер—Большое Лариакское озеро.

---

*) Отмечены притоки лишь самого Ваха в направлении от устья вверх по течению.

Указатель остяцких слов и отдельных выражений.*)

Аготай мыс 107.
Агренеке язь 58,151.
Ай-вар-ике маленький вар месяц (июнь) 129.
Амп собака 161.
Амп ликер собачьи нарты.
Амп кат собачья юрта 43.
Ал год 129.
Алле большой 31.
Алле-вар-ике большой вар месяц (июль) 129.
Алле-ёган большая река 31.
Алле-ике большой старик 110.
Алле-инк большая вода, море 31.
Алле-рыт большой облас 72.
Ани сестра 98.
Ани тетка старшая 98.
Анка мать 98.
Аня сестра старшая 98.
Апа отец 98.
Ар-ях много народа 30.
Ась-ях обской народ 30.
Атим старший брат 97,98.
Атым-лунг злой дух 101.
Атым-ку злой человек 111.

Вагал-юх боковое дерево (боковина сиденья нарты) 76.
Ван-курва-воров коротенькие штаны 71.
Вар загородка из жильника 152,164.
Варес-синь-тонтох волосяная нитка для бересты 54.
Вар-пут ловушка на рыбу, котец 152.
Варты синий 56.
Ват город 2,22,48.
Ват-пугол город юрты 23,80.
Ват-пугос-лунг город матери духа 101.
Ват-ях (из) города народ 2,22,80.
Вах-вонт ваховский урман 144.
Ваях-амп на зверя (охотничья) собака 161.
Ваях-кенте зверя ловить 56.
Ваях-тассы чесотка (оленья болезнь) 157.
Веле-сов-чов из оленины куртка 146.
Вели олень 77,155.
Вели-кыньвас оленья худая болезнь 158.
Вели-кат оленья юрта 45,156.
Вели-сох оленья шкура 159.
Вер-поруй-нявьна крови печеный хлеб 64.
Вер-сол-кровь кишка (колбаса из крови) 62.
Вер-чокка кровь каша (вареная кровь) 62.
Вике—халат 68.
Вой жир (рыбий) 61.
Вока лисица 145.
Вока-нял лисичья стрела 149.
Вока-петев лисий капкан 147.
Волег-юх-ике лист (падает) с дерева месяц (сентябрь) 129.
Волтав рубанок 57.
Вонт-ваях урманный зверь 145.
Вонт-ваях-имельта ходить в урман ловить зверя 145.
Вонт-вели урманный (дикий) олень 145.
Вонт-ике урманный старик 110.
Вонт-имельта-ике в урман ходить месяц (ноябрь) 130.
Вот ветер 130.
Вох-кар железная печка 44.
Вынен-вели-сох лобовая оленья кожа 159.
Выич-тонтох лобовой ремень 78.
Вялех-вели-юх гнать оленей дерево (шест) 78
Вясех утка 163.
Вясех-калав сеть для уток перевес 163.
Вясех-тонтох-лись утиная волосяная петля 163.

Ёг окунь 58.
Ёган река 12.
Ёган-ват-ях река народа (из) города 2.
Ёгал лук 147.
Ёглом-юх с луком дерево, ударник 147.
Ём черемуха 66,163.
Елен-соган берестяный кузовок 50,53.
Ёлта ворожба шаманство 121,124.
Ёлта-ку шаман 100,121,126.
Ёлта-мюль шапка шамана 123.
Ёлта-лепа халат шамана 123.
Ёлта-нир обувь шамана 123.
Ёлта-пас рукавицы шамана 123,124.
Еркан-ку самоед 30.
Ёрнас рубаха 68,70.
Ёрнас-нум-тоф верхняя половина рубахи кофта 71.
Ёрнас-тоф половина рубахи юбка 71.
Етерки тетеря 162.

Игал речка 31.
Ике старший, мужчина, старик 85,91, 100,110,127,128,147.
Ике муж 98.
Ике свекор 98.
Ике луна 129.
Ике-ванин старика лицо 127.
Ики дядя по отцу 98.
Иким дед 97,98
Имаке хорошо 116.
Име жена 97,98.
Име-ванин старухино лицо 127.
Ими свекровка 98.

*) Цифры означают страницы. Принятые сокращения: бож—божество, воев.—воевода, вол—волость, вот. кн.—вотский князь, г.—город, губ.—губерния, жерта.—жертвенное место, кн.—князь, оз.—озеро, окр,—округ, ост. кн.—остяцкий князь, остр.—остров, с.—село, сказ—сказитель, ю.—юрты, юг. кн. юганский князь, РИК—районный испольнительный комитет, сельсовет—сельский совет.

Ими теща 98.
Имиль бабушка 98.
Ирех жертвоприношение, приклад 103, 115,116.
Ирех-лаваз прикладный амбар 105.
Итневес окно 41.
Их медведь 63,110.
Их-нил медвежья стрела 149.
Их-пары-вельвель медведя праздник делать 111.
Их-сесек медвежий слопец 147.
Йр жертва 115.

Какы брат младший 98.
Калык племянник 98.
Калыки племянница 98.
Калав сеть 152,164.
Канта-ку остяк 30,99,100,127.
Кан-инк царская водка (вино) 65.
Кантах амп остяцкая собака 161.
Касна трубка 67.
Касы человек 94.
Кат юрта, дом 39,84.
Каткан-матуркан два богатыря 79.
Кат-кон юрты дымоход 43.
Кат-корр юрты крыша 41.
Кат-луиг домашний дух 109.
Кат-пелек юрты половина 44.
Кат-пете юрты передния часть 44.
Кат-пете леме юрты перед полка 44.
Кат-пуным юрты стена 40.
Кат-сурам-касы юрта умер человек, надгробие 119.
Кет-ёгал ручной лук 147.
Кес-кан дорожка 152.
Киньси чебак 58,152.
Ковеле-нир обувь из кожи с ноги оленя, ноговицы 69.
Ковты-вели холощеный олень 155.
Когарта-нянь вареный хлеб 64.
Когартем-пальты вареное сало в кишках 62.
Коём бубен 123.
Коём-сох кожа, которой обтянут бубен 123.
Коём-нор-вох перекладины бубна 123.
Коём-сюль обечейка бубна 123.
Коён-лег-пеля болотный берег, яр 7.
„Хок-кок" приговор медвежьего праздника (без перевода) 112.
Колыв выдра 145.
Колёк верхняя короткая одежда 70.
Колёк-ни верхняя короткая одежда женская 71.
Кон соболь 145.
Контах-сас горностай 145.
Кос звезда 129.
Кос-лилель звезда душа 129.
Котя день 129.
Котла-ёр полуденная сторона, юг 100, 101.
Котя-ёр-торум-пелек полуденная божья сторона 129.
Котя-пелек южная сторона 30.
Кото-вере-инк руками деланное вино 67.
Кочик нож 57.
Кочехта-ёгая сторожевой лук 147.
Ку муж, человек 97,99.
Куй-пам чесаная трава,—пырей 55—70.
Кул рыба 151.
Кул-инк-поруй-нянь на рыбьей ухе печеный хлеб 64.
Кул-конт-ике рыба икру (мечет) месяц (май) 29.
Кул-мог под'язок 58.
Кул-поглонт-товох острога 152.
Кул-пяпельте-леме рыбу сушить, сушилка 60,61.
Кур-пазник 73.
Кура-ликер копылья нарты 76.
Курр изображение, тень 117,119.
Курр-лунг изображение лунга 105,108.
Курунг-ваях (с ногами) зверь 145.
Кур-вели самец—олень 155.
Кутов-рыт средний облас 72.
Кут-тонтох—лук средней узды кости 78.
Кут-тонтох-вели пристяжной олень 77.
Кутум лебедь 163.
Кутым-сох с кружками посох (для лыж) 75.
Кутюрки бурундук 145.
Кымлях россомаха 126. 145.
Кысьве дранки черемухи или кедровых корешьев 50.
Кэх-пай камень—остров 103,104.
Кюх лось 145.
Кух-итневес ледяное окно 41.
Кярек-кул сырая рыба.

Лабаз амбар 45.
Лап-ни-лупе-тоф из лапок женская шубка (половина) 71.
Лар заливные луга, соры 22,78.
Лар-ях заливных лугов народ 22,33, 78,79.
Лек-мальты лукошко 50.
Лемы—полки 43.
Лелем-ликер—легковые нарты 76.
Ликер—нарты 78.
Ликер-тальта-амп—нарты таскает собака (ездовая) 161.
Ликер-амп—нарты собачьи 76.
Ликер-вели нарты оленные 75,76.
Ликер-ту-перт—нарты задняя доска 76.
Ликер-сине-перт—нарты передняя доска 76.
Ликер-сине-нор-перт—нарты передняя связь доска 76.
Лилель—дух, душа 105,117,118,163.
Ловать—дождь 130.
Лолков—бот 152.
Лонт—гусь 163.
Лонт-вясех-ике—гуси, утки (прилетают) месяц 129.
Лувят-рогыта-когол—ступка молоть табак 53,67.
Лулло-питес—рот болит (нарыв в горле) 158.
Луиг-(и)-дух (и) 101,103.
Лун—лето 129.

Лун-ер-ике—лета половина месяц (август) 129.
Лун-кат—летняя юрта 42.
Лункол-тогой-курыиглин-кавас—копыто отпадает пропадает 158.
Лупе лянге-лап-сох—шуба из меха беличьих лапок 71.
Лыт-мальки—рукава малицы 69.
Лыт-моловсе—рукава кумыша 69.
Люй—ложка, черпак 53,61.
Люк—глухарь 162.
Люмп—лыжи 75.
Любва-вели-сох—одеваться оленья шкура 159.
Люк-сесек—ловушка на глухаря 163.
Люк-тонтах-лис—на глухаря волосяная петля 163.
Ляват—двери 126.
Лян-каса-яга-пугол—юрты покойников, кладбище 27,106,119.
Лянге—белка 145.
Лянге-лап-сох—беличьих лапок мех 151.

Май-ку—жених 92,94.
Май-ни—невеста 92,94.
Мальтем-ликер—грузовые нарты 76.
Мальты—лукошко—50,54.
Мальки—верхняя одежда, малица 69.
Мальки-ох-капюшон малицы 69.
Матур—богатырь 22,24,81,105,109.
Маяи-котл—гостинный день 82,103,116.
Мелек—тепло 129,130.
Менель—сноха 98.
Менкам—змея 123.
Менлев—пойдем 84.
Мигив—колот бить шишки 161.
Мин-волломан-каниикам—мы живем, как две женщины—90.
Моловсе—верхняя одежда кумыш 69.
Морох—морошка 66,163.
Мугы—карась 58,152.
Мыг—земля 100,128.
Мыг-кат—земляная юрта 40.
Мыг-наги-кан—земля белого царя 31.
Мыг-телех-кат—земляная зимняя юрта 46.
Мыг-хот—земляной дом 46.
Мыр—народ 84.
Мыр-ката-менлев пойдем в народный дом—народное собрание 84, 85.
Мыр-кель—народное слово, голос 148.
Мыр ох—глава народа 85.
Мюгтек—елец 58, 152.
Мюль—шапка, треух 69.
Мярек—икра 60.
Мярек-поруй-нянь—на икре печеный хлеб 64.

Наги-кан—белый царь 22, 24, 25.
Наги-нянь—белый хлеб 65.
Нагор-верите—орехи делать 161.
Нагор-ох—шишки 161.
Нагор-ох-конта-юх—ореховые шишки тереть дерево (валек) 161.
Нарва-вели-сох—постель—оленья шкура 159.
Нарва-пăм—циновка (из) камыша 55.
Нималь-лыжи-подполоки 75.
Нинь-яр-ернас—женская одежда рубаха—платье 70.
Нир - обувь из оленьей шкуры 68.
Нир—шкура с ног оленя 159.
Новтак—вели—самка—олень-важенка 155.
Ного—мясо 61.
Ного-вели—мясо оленя 62.
Ного их—мясо медведя 63.
Ного-кюх—мясо лося 62.
Норум-сас—колонок 145.
Нох—сын 98.
Нох-торум—сын божий 110.
Нюр-веле-талех-селта—ремень тащить оленьи нарты 77.
Нянь—хлеб 63.
Нянь-верите-кар—хлеб делать печка 44.

Оком-рыт—малый облас 72.
Ол-вёнтох—штаны 68.
Оли дядя по матери 98.
Олов—полог 89.
Олов-май-ни—полог невесты 97.
Оте саган—сродные братья 98.
Охне—дверь 40, 41.

Пай—остров 105.
Палантив—колотушка бубна 123, 125.
Панан-юх звучит дерево (домбра—111, 125, 127.
Паным-вели—коренной олень 77.
Пас—рукавица 69, 146.
Пас—ловушка на рыбу 152,
Пат-ике—замерзает месяц (октябрь) 129.
Патам-кул—мороженая рыба 59.
Пегар-лун-кат—деревянная летняя юрта 42, 47.
Пегар-телех-кат — деревянная зимняя юрта 41, 47.
Пенго-кан-ку—лесной ханский народ-тунгусы 30.
Пенк—рябчик 163.
Пёслих-пăм—чесаная трава-осока 55, 70
Петев—черкан 147.
Петек-вели—теленок олень (до 2-х лет) 155.
Петявола—здравствуй 128.
Петявола-ике—здравствуй старик 111.
Печек-сох-пешка—шкурка маленького теленка оленя 159.
Печкан—ружье 147.
Пирок—пирог 65.
Пирна—крест 123.
Писан—столик 55, 64.
Помм-той—желтый 50.
Пон—плетеная ловушка, морда 152, 153, 164.
Поруй-ивась-нянь—печеный на палочке хлеб 64.
Пот-нюр-тонтах — затылочный ремень (упряжь оленя) 78.
Пурка-вот—дым ветра, буран 130.
Пурр-кат—круглая юрта 46, 47.
Пурр-уит—прибор для определения толщины стенок строющейся лодки 74.

Пур-тюгол—ремень под подбородком оленя (упряжь) 78.
Пут-тонтах—передний ремень, повод 78.
Пютка-морох—птичья морошка-княженика 163.
Пют-семете-юх-куро—рыбу толочь деревянное корыто 60.
Пяк—узда 77.
Пянельте-ного—вяленое мясо 62.
Пянельте-тугуна-ного—вяленое на огне мясо—62.
Пянтем-кул—сушеная рыба 52.
Пянтем-куд-пекар-ник—уха из сушеной толченой рыбы 59.
Пянтем-мярек-нянь—сушеной икры хлеб 60.
Пянь—клюква 66, 193.

Рагам—семья 97, 98.
Рагам-луиг—семейный дух 109.
Рагам-ях—родные люди, сватовья 98.
Расс—рысь 145.
Руть—русский 22, 23, 30, 99, 100.
Руть-ай-ни—русская маленькая женщина-девушка 71.
Руть-ике—русский мужчина 125, 128.
Руть-кат—русская юрта, дом 23, 47, 106
Руть-кар-русская печка 44.
Руть-ни—русская девица, богородица 109.
Руть-нянь—русский (кислый) хлеб 65.
Руть-мых—русская земля 31.
Руть-торум—русский бог 109.
Рыт—лодка, облас 72, 75, 78.

Сабир-ку—сибирский человек 31.
Саев—сеть 152.
Саманг-кул—нельма 58, 151.
Сарт—щука 58, 151.
Сатев—ножны 57.
Сёгы—лямка, хомут 77.
Сёг-кайтак-ике налим икру (мечет) месяц (январь) 129.
Селя-мен-секам—расходись в разные стороны 56, 90, 91.
Сёсек—слопец 100, 126, 147.
Сёг—налим 58.
Сех—жильник 152.
Сим-тонтох—лычко (для) бересты 52.
Ситка—решето для ореха—161.
Согос—осень 129.
Солун-курок-ике пустое время орла месяц (февраль) 130.
Сох-юх-посох—дерево 94.
Сугме-сянек-березовая губа 55, 67.
Сугме-луват—березовый чай 66.
Сугол-назник 57, 73.
Сунга-пянельте-ного—на солнце вяленое мясо 62.
Сунг солнце 129.
Сунг-ланата-торум-пелек—солнце заходит божья сторона (запад) 129.
Сунг пакапта торум-пелек—солнце восходит божья сторона (восток) 129.
Сурам—подшейный белый волос 101, 160.
Сурым-касы—умер человек 119.
Сурам-янвал—вышивка подшейным белым волосом оленя 160.
Сурты-вели—теленок оленя (2-х—3-х лет) 155.
Сыньрахтэн-нянь—с маслом (сдобный) хлеб 65.

Тань—выкуп невесты, калым 88, 89.
Тарам-вот—гремит ветер, буря 130.
Тарка-таль-энемгин-кавас—селезенка выросла, пропадает (оленья болезнь) 158.
Тахтэн—гагара 100, 160.
Тахтэн-уд—гагарья ягода, голубица 163.
Тегор—заяц 145.
Текая—младшая сестра 98.
Текая—младшая тетка—98.
Телег—зима 129.
Телех-кат—зимняя юрта 40.
Тельта-луват—табак 66.
Тельта-мынь—табакерка 66.
Товкак—смородина 66.
Тоглан-ваях—крылатый зверь, птица 62, 145, 162.
Того—весна 129.
Тонтох—береста—42, 43, 49, 54, 75.
Тонтох-кат—берестяная юрта 42, 43, 47,
Торум—бог 82.
Торум-вох—божье железо, небо 99, 128.
Торум-кат—божья юрта, церковь, 27, 29, 39, 106, 126, 127.
Торум-сёсек—божий слопец 100, 126.
Туй—верховье (реки) 31.
Туге-вох—плашка, ловушка) 147.
Тугот-пуркой—огонь дерево, камелек 43.
Тувкис—тунгус 30.
Тэв—подстилка из гнилушек (в люльке) 55.
Тэр-кул—жареная рыба 59.
Тюгал—чувал 40.
Тюгал-ул—чувала труба 40.
Тюнь—толченая рыба 59, 60.
Тюнь-поруй-нянь—на толченой рыбе печеный хлеб 64.
Тюменталь—летели 100, 126, 127.

Уги—дочь 98.
Ул—ягода 66, 163.
Ул—брусника 66, 163.
Ур-ку—сват 93, 94.
Ури-ике—ворон (прилетает) месяц (март) 129.
Уштяки—остяки 30.

Ханды—ханский народ 30.
Хонди-хо—хана народ 30.
Хот, хат,—юрта, дом 45.

Чай-луват—чай 66.
Чарас—море 31, 117.
Чивак—древесные стружки, вехотка 53.
Чого—снег 130.
Чуга—туча 130.
Чуга-нял-кух—громовая стрела из камня 130.
Чуга солвал—молния 130.

Этих—холодно 129.
Этих—холод 130.

Ынг—куропатка 163.
Ыл-ванг—запад 101.
Ылев-кул-некар-инк—уха из свежей рыбы 59.
Ыл-юх—связь, дерево (копыльев у нарты) 76.
Ылян-торум-пелек—северная божья сторона 30, 129.

Юг—окунь 151.
Югон—ночь 129.
Югрек—волк 145.
Юмат-синь—колесо (для витья веревки) 60.
Юнг-итневес—ледяное окно 41.
Юх—дерево 54.
Юх-кух—деревянные блоки (на передней связи полозьев нарты 77.
Юх-куро—деревянное корыто 60.

Ях—народ 2, 22, 80.
Ярмынька—ярмарка 84.
Ярмынька-ике—ярмарка месяц (декабрь) 130.
Ярых—ёрш 58, 152.

Указатель собственных имен.

Абрамов Н. А.—15, 30, 82.
Австралия—110.
Аган р. 4, 12, 135, 145.
Азиатская Россия—1, 2, 6, 14.
Азия—12, 13, 93, 110.
Академия Наук—6, 7, 8, 31.
Алач-ост. кн.—17.
Алачеев Дм. ост. кн.—26
Алачеев Мих. ост. кн. 26.
Алачеев Сид. ост. кн.—26.
Александр Аббакумович воев.—13.
Александро-Ваховский рик—84, 85.
Александровское с.—1.
Алексей Михайлович ц.—29
Алле-Ике-Большой старик (бож.)—99, 100, 122, 128.
Алле-Лариах-Эмтер-оз.—22, 79.
Алле-Поле-чивех (гора) 127.
Алле-Полин-пугол-ю,—107.
Алле-Тара-пугол-ю.—108.
Алле-Торум-Большой-Торум—116, 128.
Алле-Эмтер-оз.—104, 128.
Андаровские ю.—5.
Америка—93, 110.
Аничков Владимир—17.
Анна Кодская—ост. кн.—19.
Антиксон—31.
Анучин В. И.—66.
Ар-Игал-р—107.
Аслымская вол.—18.
Ась.-ёган—р.—1,31.
Ась-Ях—р. (Обь)—1, 22, 78, 101, 104.
Атам-лунг-Злой дух—101, 104, 129.
Африка—93.

Базняковская вол.—18.
Бардак—ост. кн.—17, 19, 27.
Бардакова вол.—18.
Бардаковка р.—18.
Вардаковы—ю.—17.
Барятинский Ф. воев.—17.
Белые горы—17.
Березов г.—5, 19.
Березовский окр.—46, 89.
Берг Л. С.—1.
Бия р.—1.
Бобарыкин воев.—1.
Большая Лариакская протока—104.
Больше-Лариакские юр.—80, 100, 104, 122, 125, 128, 140.
Большие Полины ю.—82, 104, 107, 137 138.
Большие Тарховы ю.—108.
Большое озеро—(Лариакское))—128.
Борис Годунов—28.
Брем—154.
Буцинский В. Н.—18, 19, 20
Брязга Богдан—16, 17.

Василий—обдорский кн. 19.
Вас'юган р.—5, 18
Вас'юганская вол.—18.
Вах р.—1, 11, 13, 22, 26, 28, 30, 34, 35, 37, 46, 52, 56 58, 63, 65, 69, 71, 72, 80, 81, 83, 84, 93, 97, 102, 104, 106-110, 132, 145, 153, 155, 157, 164.
Вах-коте-пугол-ю.—3.
Ваховская вол. 18, 26, 28.
Ваховская инородная управа—84.
Ваховский край—8.
Ваховский район—1, 7, 8.
Ваховское с.—28.
Вели-пугол-ю.—100.
Вергунов М. 29.
Верхние Ромкины-ю.—104, 123.
Верхоянский окр.—39.
Вогульская земля—14.
Вока-вонт-игал-р. 107.
Вонт-ике-Урманный старик (дух)—27, 101, 102, 105
Вонт-Лунг-Урманный дух—102.
Воня ост. кн.—17, 18.
Вот-Лунг-Ветра дух—102, 130.
ВЦИК—131.

Гавриил. Кодский ост. кн.—19.
Ганаевы-ю—27.
Гарритсон Гессель—15.
Георги—15.
Гижигинский окр.—39.

Главный Комитет Севера—131.
Глинка К. Д.—6.
Годунов Петр—1.
Головачев П.—28.
Головин Ф. Сургут. воев.—26.
Гондатти Н. Л.—63, 87, 112, 114, 115.
Городков Б. Н.—5, 7.
Григоровский А.—47.
Гриневич-обсерв.—6.
Грюнер С. А.—155
Гюрята-Рогович—13.

Дженкинсон Антонио—14.
Дмитриев-Мамонов А.—89, 90.
Дунин-Горкавич А. А.—2, 5, 8, 10, 27, 28, 31, 63, 66, 112—115, 122, 124, 158.
Дюргейм—81.

Ианг-Яго-р.—5.
Ивановский А. А.—31, 33.
Ике-старик (собств. имя)—106, 107.
Име-старуха—106, 107.
Инк-ике-Водяной старик (дух)—101, 108,
Ильин Р. С.—78.
Ирех-огорт-юх-пеля (жертв. место)—103
Ирех-Сылта-пай (жертв. остров)—82.
Ирех-Сылта-пай-кор-тегор (жертв. место—104).
Иртыш р.—12—15, 17, 31.
Искер г.—17.

Европа—110.
Елагуй р.—1, 2, 14, 24.
Енисей р.—6.
Енисейская губа—1.
Енисейская тайга—145.
Ермак—17.

Золотоволосый остяцкий царь—24, 25, 107.

Кайдалов Я.—28, 29.
Казым р. 5, 17, 31.
Каюла Сапоркин-юган. кн.—28.
Калпа вот. кн.—16.
Кастрен А. М.—12.
Катунь—р.—1.
Камины—ю.—80, 153.
Карахонская вол.—18.
Керцелли С. В.—150.
Кеть р.—5.
Кинема Бардаков—19.
Кириакины—ю. 137, 138.
Кода—19.
Кодская вол.—26.
Кодские земли—17.
Коён-лог-пеля-яр.—7, 106.
Колек-ёган р. 4, 8, 34, 35, 107.
Колёк-ёган-лунг-параны—
Колёк-еганский дух лесной—107.
Колымский округ—39.
Корельки-ю.—137, 138.
Корельки-ёган. р. 2, 4, 6, 7, 28, 34, 35.
Корельковский сельсовет—83.
Кор-Тегор-Болотный Заяц (дух)—104.
Кор-Тегор-пай-Болотного Зайца остров—128.
Костров Н. 89.
Коток-ёган р. 3, 4, 34.
Кочегам—19
Крылов П. Н.—5.
Кул-Косяк (предок рода Прасиных)—80, 81, 83.
Кул-сарт-лунг-Рыба щука-дух—104.
Кулун-ёган р.—1-4, 7, 8, 34, 102, 103, 134, 145.
Кулун-ёган-игал р.—2, 4, 82, 107.
Куль-ёган р. 2, 4, 28.
Куноват р.—5.
Купландеевские ю.—28.
Курок-(орел)—126, 128.
Куртогольские ю—20.
Кыс р.—4, 145.
Кучум—16.

Лапчинские ю. 7, 106.
Лариак, Лариакское с.-2-4, 7, 8, 10, 22, 27, 29, 35, 37, 39, 81-85, 105, 106, 108, 137, 138, 140, 141, 143.
Лариакская Большая протока—22.
Лариакская вол.—18, 26, 28
Лариакская инородная управа—84.
Лариакский приход—28.
Лариакский сель-совет—84, 85.
Лариакский район—1.
Лариакский Туземный Районный Исполнительный Комитет (Тузрик)—83.
Леббок—81.
Левке-пеле-ике (Мыс Лапчинской старухи)—107.
Левке пеле-ике. (Мыс Лапчинского старика)—107.
Левке-пугол.-ю.—7, 106.
Лерберг А. Х.—12.
Лобанов-Ростовский С. М. воев.—26.
Лоптунтух-ёган-р.—8.
Лопукольцы-ю.—27.
Лугуй ост. кн.—17.
Лунг-сур-ирех-сылта-пай (Дух живет—прикладный камень остров)—103.
Лампукольская вол.—18, 26, 27.
Лундакульские-ю.—27.
Лема-р.—18.
Лямсины-ю.—17.
Ляпин-р. 5.
Лятих—сиб. кн.—16.

Магаевы-ю. 27.
Мак-Ленан 81.
Макаревский А. Н.—158.
Мамрук-Обд. кн.—19.
Малые Тарховы-ю.—108.
Мансуров—воев.—17.
Мелинские—ю. 106.
Мелин-пугол-ю. 106.
Миддендорф А. Ф. 56, 77, 82, 89, 157.
Микола-ике-Никола-Старик (дух)—99, 100.
Микола-Торум-Никола—бог (дух) 27, 99, 100, 101, 106, 116.
Миллер Г. Ф. 12, 46.

Михайловский В. М.—63, 112, 121, 122.
Молдан-юг кн.—16.
Москва—13, 26.
Московия—14.
Московская Русь 17, 18, 20, 21, 26.
Мох-куль-ёган-р. 2, 4.
Мохтох-ёган-р. 2, 4.

Наги-ике-Белый старик (бог)—99, 100, 127.
Надустькины (родовая фамилия)- 81, 84.
Надуськинский сель-совет—83.
Надым-р. 12.
Назымово с. 5.
Нарымская вол.—26.
Нарымский Край—39, 75.
Немьян-ост. кн.—16.
Нестор летоп. 15.
Неун ост. кн—19.
Нинкин-ёган-р. 1, 2, 4. 109.
Нинкин-ёган-пугол-ю.—109.
Нижне-Вартовские-ю—104.
Нижне-Ромкины-ю. 81, 103, 104.
Нюренберг-г.—1.
Нягал-юх-пугол-ю.- 2, 4, 80, 103.

Обдорские грады—14.
Обская губа—12.
Обской городок—17.
Обь-р.—1, 12-14, 17, 18, 20, 22, 24, 27 28, 31, 72, 78, 101, 108, 135, 139, 142.
Оглоблин Н. Н.—19, 20, 24-26.
Огородников В. И.—13.
Огорт-юх-пеля-жертв. гора—82.
Огорт-юх-пугол-ю. 23, 79, 80, 97, 103, 110.
Окон-муго. (Быстрая протока)—106.
Окон-муго-пугол-ю.—106.
Оксенов А. В. 12, 13, 84.
Оленьи-ю—106.
Орган-икин—19,
Орто-велем-пай-(остр.)—25.
Остяцкая земля—14.
Охотский окр.—39.
Охтын-урье-ю.—33.

Пайрахта-(сын Турыма)—148.
Паллас П. С.—31, 32, 47.
Патканов С.—12, 25, 39, 46, 51, 63, 72, 82, 95, 160, 164.
Пегая Орда—15, 17, 18.
Пеля-руть-ката-лунг (дух)—27, 106.
Песек (ёган) р.—1, 4, 27, 108.
Петр I.—20, 29.
Петропавловский окр.—39.
Пимская вол.—19.
Писемский воев.—18, 26, 28.
Полины-ю.—28.
Потчак-дух—102.
Прасин А. Г. (сказ.)—79, 22, 125, 126.
Прасин Н. Л. (сказ.)—100.
Прасин Л. Г. (сказ.) 110.
Прасин Е. С. (сказ.)—24, 79, 97, 111, 112.
Прасин Н. А. (сказ.)—80.
Прасинский сель-совет—83.
Прасины (родовая фамилия)—81, 84, 154,
Прасины-Ромкины—80, 84, 103.
Пугос-лунг-(мать—дух)—82, 101, 107, 108, 117, 129
Пудовникова Л. П.—7.
Пулково—1.
Пур-р.—14.
Пурсоля—104.
Пушкин Н. воев.—26.
Пух-юх-пай-(яр)—108.
Пух-юх-пугол-ю.—106.
Пух-юх-лунг (дух)—106.
Пыжины-Заречные-ю. 110.
Пыткай-юган. кн.—16.

Радлов В. В.—47.
Ремезов С.—1, 14, 27.
Рогным-пай-пугол-ю.—2, 108,
Ромкины-ю.—80.
Россия—14.
Руть-Ват-г.—17.
Сабир (Сибирь)—31.
Сабун-р.—1, 4, 8, 27, 34, 36, 106.
Сабунские увалы—8.
Сабунско-кулун-ёганский материк—8.
Савкины ю.—108, 137, 138.
Салым-р.—5, 18, 31.
Салымская вол.—18, 26.
Самар—ост. кн.—16.
Сайяли—80, 81.
Самарово с.—16, 17.
Самаров Таир-ост. кн.—19.
Самоквасов Д.—84, 89.
Самоядь—15.
Сарнянг-автав-кантах-кан-(ост.кн.)—24, 28, 107.
Сегельетов П. С. (сказ)—25.
Сегельетовский сель-совет—83.
Сегельетовы (родовая фамил.)—81, 82, 84.
Семияровская волость—18, 26.
Серошевский В. Л.—82, 89, 122, 157.
Сибирь—13, 19—21, 29, 31, 39, 46, 59, 63, 155.
Сибирские грады—14.
Сибирская земля—14.
Сирелиус Н. Д.—51, 53, 55, 56.
Скалозубов Н. Л.—5.
Скалон—В. Н.—2, 8.
Словцов П. А. 17.
Соромины ю.—28, 108.
Спенсер—81.
Сосва—р.—14.
Степан Ляпа—13.
Страленберг—81.
СССР—164.
Суета—19.
Сумба—р.—1, 27.
Сургун-ват.—г.—17.
Сургут—г.—8, 9, 10, 12, 17—19, 25.
Сургутская земля—18, 19.
Сургутский край—1, 5, 8, 11, 12, 27.
Сургутский Нар. Земский Суд—28.
Сургутский окр.—46.
Сургутский уезд—5.

Сургутское дух. правление—29, 30.
Сыгва—р.—14.
Сымская вол.—18.

Тавда—р.—12, 13.
Таз.—р.—1, 4, 7, 8, 28, 34—36, 134, 145.
Таз.—оз.—1, 27.
Тазовская вол.—27.
Тазовская церковь—с.—5.
Тазовский край—8.
Танга ост. кн.—27.
Тара-лунг-пай.—жертв. остр. 108.
Тара-лунг-текай—(дух)—108.
Тартария—14.
Тарховы—ю.—28.
Телег-тегор.—(дух)—160.
Телег-тегор-лунг.—(дух)—101.
Теплоухов—15.
Тобол—р.—14, 15.
Тобольск.—г.—19.
Тобольская губ.—1, 3, 39.
Тобольская Дух. Консистория—29.
Тобольский окр.—46.
Тоглон-ваях-лунг.—(дух)—101, 129.
Томск—г. 19, 67.
Томская губ. 5, 31.
Томский окр.—1, 8.
Томский Комитет Севера—83.
Томский Краевой Музей—1, 7, 110.
Томской город—28.
Торум—99—101, 103, 109, 116, 118, 121, 125, 126, 128, 129, 130, 148, 155, 156.
Торум-анки-богиня мать (дух)—101, 107.
Торум-кат-пугол-с—27, 105.
Торум-танес-пай—(остр.)—107.
Тура—р.—12.
Туруханский город—14.
Туруханский окр.—39.
Турым (торум)—148.
Тюмень—г.—13.
Тым—р.—4, 5, 8.
Тымская вол.—18.

Угорская земля—12.
Угрия—12.
Урал—5, 12, 13.
Урунк—17.

Филофей Федор (митр. сиб.)—20, 29.
Фишер Н. К. 12, 17.

Цейлон—95.

Черский И. Д. 157.
Чуга-лунг—дух—129, 130.
Чугунов С. М.—31, 32.
Чумей-Кодский кн.—19.
Чусовая—р.—12.
Чухломеевы—ю.—80, 82, 104, 137, 138, 140.
Чухломейги-пугол—ю.—104.

Шатилов М. Б.—63, 66, 110, 137.
Широкогоров С. М.—122.
Шлецер—12.
Шренк А. 112, 114, 157.
Штернберг Л. Я.—83, 112, 114, 122.
Шульце Л. Р.—31, 63, 64, 83, 112.
Шухов И. Н.—31, 87, 156.

Щеглов И. В.—13, 17, 18.
Щербачев—29.

Ылян-пелек-лунг—холодной стороны—дух—102, 129, 130.

Юган—р.—2, 10, 11, 18, 108.
Юган Большой—р.—19.
Юганская Большая вол.—18.
Юганская Малая вол.—18.
Югорские грады—14.
Югорские самоеды—14.
Юганская вол.—26.
Югорская земля—12—16.
Югра—12—14, 16.
Югрия—12.
Югры—15.
Юм-сур-лунг (дух)—102, 103.
Юрацкие самоеды—14.
Юшман-вог. кн.—16.

Ягол-пенек-пугол-ю.—109.
Ядринцев Н. М.—47, 67, 87.
Якутский окр.—39.
Яль-нельтан—Игал—р.—4, 24, 25, 107.

Abdori—14, 15.
Asia—1.
Battist Agness 14.
Cadori—14.
Europa—1.
Irtysch—25, 78, 87, 148, 160, 164.
Jgoria—15.
Jngoria Regio silvestris—14.
Jngri—14, 15.
Kondori—14.
Mesen fl.—14.
Michow H. Dr.—14, 15.
Moscovia—14.
Münster Seb.—14.
Nürnberg.—2.
Ob fl.—14.
Obdora—15.
Ostjaken—15, 25, 78, 87, 148, 160, 164.
Patkanow S. 25, 78, 87, 148, 160, 164.
Pega Orda—15.
Petzora fl.—14.
Permia Regio—14.
Pezerca—14.
Rusland—14.
Russia—1.
Samojeda—15.
Sibiria—15.
Slata Baba—15.
Solotaja Baba—15.
Sybir—14.
Tartaria—1.
Wagga—2.
Wah—2.
Wied Anton—14.
Wogulen—15.

Список использованной литературы.

1. Абрамов Н. А. „Описание Березовского края". Зап. Р. Г. О. XII—1857 г.
2. Андреев А. И. „Обзор русских исторических работ по изучению финно-угорских народностей СССР" Финно-угорский сборник. Ак. Наук—1928 г.
3. Анучин В. И. „Очерк шаманства у енисейских остяков" т. II ч. 2. Сборн. Муз. Антр. Этн.—Ак. Наук 1914 г.
4. Берг Л. С. „Очерк истории русской географической науки". Ак. Наук—1929 г.
5. Брем А. Э. „Жизнь животных".
6. Буцинский П. Н. „Заселение Сибири и быт ее первых насельников"—1899 г.
7. Буцинский П. Н. „К истории Сибири—Сургут. Нарым, Кецк до 1645 г."—1893 г.
8. Буцинский П. Н. „Крещение остяков и вогулов при Петре I".
9. „Водные пути Сибири". Изд. Упр. внутр. водн. путей сообщ. 1925 г.
10. Головачев П. М. „Томск в XVII в." Матер. к истории гор.
11. Гондатти Н. Л. „Культ медведа у зап.-сиб. инородцев" Тр. О. Е А. Э. т. VIII—1887 г.
12. Городков Б. Н. „Опыт деления зап.-сиб. низменности на ботанико-географич. области". Ежег. Тоб. Губ Муз. XXII—1911.
13. Григоровский Н. П. „Описание Вас'юганской тундры". Записки Зап.-Сиб. О. Р. Г. О. кн. VI—1884 г.
14. Григоровский Н. П. „Азбука сюссогой гулани"—(составл. для инородцев Нарымского края) изд. Правосл. Мисс. Общ. Казань—1879 г.
15. Дмитриев-Мамонов А. „Самоеды Березовского окр." Пам. кн. Тоб. губ. 1884 г.
16. Дмитриев-Мамонов А. „Юридические обычаи Березовского окр." Пам. кн. Тоб. губ.—1884 г.
17. Дунин-Горкавич А. А. „Тобольский Север" т. I—III.
18. Дунин-Горкавич А. А. „Географические очерки Тобольского Севера".
19. Дунин-Горкавич А. А. „Очерк народностей Тобольского Севера."—Изв. Р. Г. О 1904 г.
20. Дунин-Горкавич А. А. „Русско-остяко-самоедский словарь".—1910 г.
21. Ивановский А. А. „Сургутские остяки" - Русск. Антроп. Журн. кн. 3. 1915 г.
22. Ильин Р. С. „Об условиях почвообразования в Томском окр." Тр. Томск. Кр. Музея. т. III—1929 г.
23. Ильин Р. С. „Природа Нарымского Края"—Материалы по изуч. Сибири. Изд. Томск. отд. О. И. С.—1930 г.
24. Керцелли С. В. „Избенное олепеводство и его значение в сельском хозяйстве".
25. „Книга глаголемая. Большой чертеж". Изд. Спасского—1845 г.
26. Лерберг А. Х. „Исследования, служащие к об'яснению древней Русской истории" 1819 г.
27. Макаревский А. Н. „Эпизоотии оленей и борьба с ними" Ежег. Тоб. губ. муз. XVI—1906 г.
28. Миддендорф А Ф.—„Путешествие на север и восток Сибири".
29. Миллер Г Ф. „Описание Сибирского царства" кн. I.—1750 г.
30. Михайловский В. М. „Шаманство" сравнит. этнограф. очерки в. I. 1892 г.
31. Костров Н. „Нарымский край" Томск. 1872 г.
32. Костров Н. „Женщина у инородцев Томск. губ."—1875 г.
33. Новицкий Г „Краткое описание о народе остяцком" 1715 г. Изд. Майкова 1884 г.
34. Огородников В. И. „Очерки истории Сибири"—1926 г.
35. Оксенов А. В. „Сношение Новгорода Великого с Югорской землей". Лит. сб „Вост. Обозр." 1885 г.
36. Оглоблин Н Н. „Обзор столбцов и книг Сибирского Приказа" ч. I—IV
37. „Памятная книжка Тобольской губ."—1884 г.
38. Памятная книжка Тобольской губ. 1911 г.
39. „Памятники сибирской истории" кн. 2, 1713—24 г.
40. Патканов С. К. „Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям".
41. Патканов С. К. „Стародавняя жизнь остяков и их богатырей по былинам и сказаниям" „Жив. Стар."—1891 г.
42. Патканов С. К. „О приросте инородческого населения Сибири" —1910 г.
43. Паллас П. С. „Путешествие по Лапландии, сев. России и Сибири".
44. Плотников А. Ф. „Нарымский край"—1901 г.
45. Руденко С. „Антрополог. исследование инородцев северо-западной Сибири". Зап. Ак. Наук т. XXXIII—№ 3.
46. Самоквасов Д. „Сборник обычного права сибирских инородцев".
47. Серошевский В. Л. „Якуты" т. I.—1896 г.
48. Сирелиус Н. Д. „Домашние ремесла остяков и вогулов". Ежег. Тоб. губ. муз. кн. XVI—1906 г.

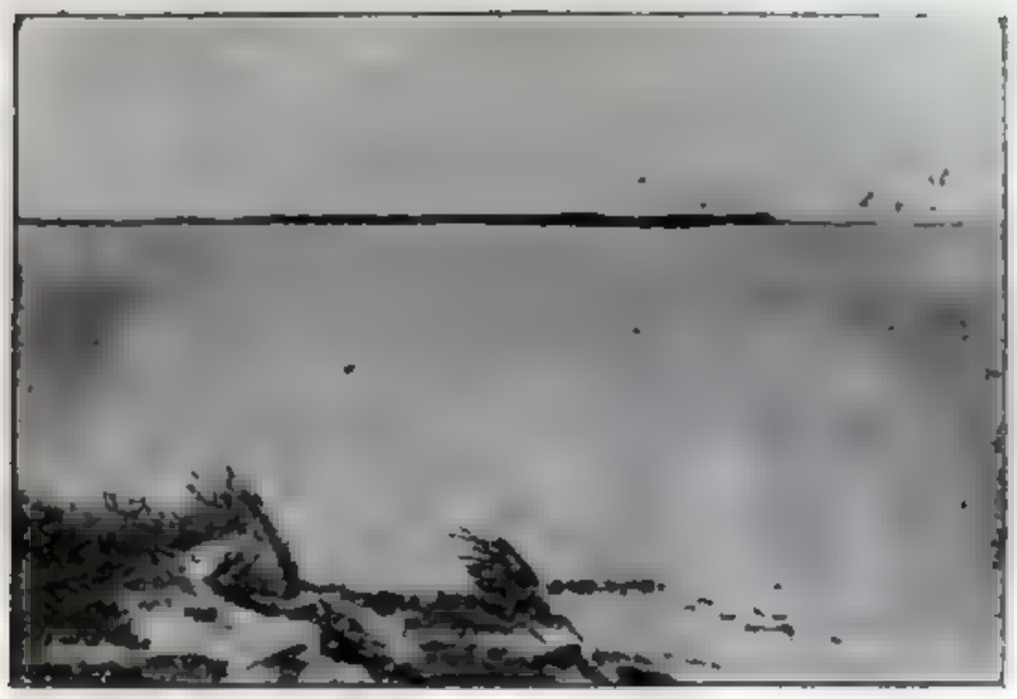
49. Словцов П. А. „Историческое Обозрение Сибири".—1886 г.
50. Скалозубов Н. Л. „Описание карты естеств.—истор. област. Тобольск. губ." Ежег. Тоб. губ. муз. XIV—1905 г.
51. „Список народностей СССР".—Ак. Наук—1927 г.
52. „Список населенных мест Тобольской губ." 1891 г.
53. Шатилов М. Б „Остяко-самоеды и тунгусы Приенрымского района". Тр. Том. Кр. Муз. т. I. 1927 г.
54. Швецов С. П. „Очерк Сургутского края". Записки Зап-Сиб. О. Р. Г. О. 1889 г.
55. Широкогоров С. М. „Опыт исследования основ шаманства у тунгусов"—1919 г.
56. Шренк А. „Об инородцах Амурского края"—1899 г.
57. Штернберг Л. Я. „Сахалинские гиляки" Этногр. обозр. кн. 3—1893 г.
58. Штернберг Л. Я. „Избранничество в религии" „Этногр." кн. 3—1927 г.
59. Шульце Л. Р. „Салымские остяки" Зап. Тюменского общ. изуч. местн. края в. I—1924 г.
60. Шухов И. Н. „Р. Казым и ее обитатели". Ежег. Тоб. губ. Муз. XXVI—1915 г.
61. Шухов И. Н. „Последние следы угасшего оленеводства в Тарском окр.".
62. Щеглов И. Н. „Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири".
63. Чугунов С. М. „Материалы для антропологии Сибири"—1883 г.
64. Фирсов Н. „Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве" Казань—1866 г.
65. Фишер И. Е. „Сибирская История"—1774 г.
66. Харузин Н. „Этнография" т. I—IV.
67. Харузин Н „История развития жилища у кочевых и полукочевых народностей России".
68. Харузин Н. „Очерк истории развития жилища финнов". Этногр. Обозр. 1895 г.
69. Харузин Н. „Медвежья присяга и тотемистические основы культа медведя у остяков и вогулов".
70. Ядринцев Н. М. „Начало оседлости"—Лит. сборн. изд. „Вост. Обозр." 1889 г.
71. Ядринцев Н. М. „О культе медведя у северных инородцев". Эти. Обозр. IV—1890 г.
72. Der allerneueste Staat Siberien einer grossen und zufor wenig bekannten Moscowitischen Provinz in Asien. „Nurnberg—1720 г.
73. Michow H. Dr. „Die Altesten Karten fon Rusland, ein Beitragen zur historischen geographie"—1884 г.
74. Patkanow S. „Die Jrtysch—Ostjaken und ihre Volkspoesie" ч. II. 1900 г.

Список использованных картографических источников.

1. „Атлас Азиатской России". Изд. Перес. Упр. 1914 г.
(Карты: Тобольской, Томской и Енисейской губ. и Почвенная карта России).
2. „Изображение России, Московии и Тартарии"—Антонио Дженкинсон—1562 г. „Атлас Аз. России".
3. Карта России. Изд. в 1613 г. голландцем Гесселем Гарритсоном по „автографу царевича Федора Годунова"—Берг Л. С.—„Очерки истории русск. геогр науки"—Ак. Н.—1929 г.
4. „Карта Азиатской России". Изд. Генер. Штаба.
5. „Почвенная карта азиатской части СССР". Ак. Наук—1927 г.
6. „Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанского"—1672. Берг Л. С. „Очерки вст. рус. геогр. науки" А. Н.—1929 г.
7. „Чертеж всех сибирских градов и земель". С. Ремезов—1698 г. Атл. Азиатск. России—1914 г.
8. „Чертеж Сибири Петра Годунова"—1701 г.—Берг Л. С.—„Оч. ист. р. геогр. науки"—1929 г.
9. „Чертежная книга Сибири" С. Ремезов 1701 г.—Атлас изд. Археографич. комиссии—1882 г.
10. „Этнографическая карта Сибири".—Ак. Наук.—1927 г.
11. „Carte genepale d' Empire de Russie et de Tartarie grande et petite en Europe et Asie". Nürenberg—1739 г.
12. „Moscovia aus Seb. Munsters Cosmographie"—1544 г.
13. „Moscovia des Anton Wied"—1555 г.
14. „Moscovia des Battista Agnesse"—1525 г

Последние три карты (12, 13 и 14) по изданию—Michow H. Dr.—„Die Altesten Karten fon Rusland, ein Beitragen zur historischen geographie" Hamburg—1884 г.

Библиографический указатель по остякам и вообще угро-финнам смотри—„Финно-Угорский сборник" изд. КИПС—Акад. Наук—1928 г. (Антропология, этнография, языкознание, археология, история, картография).

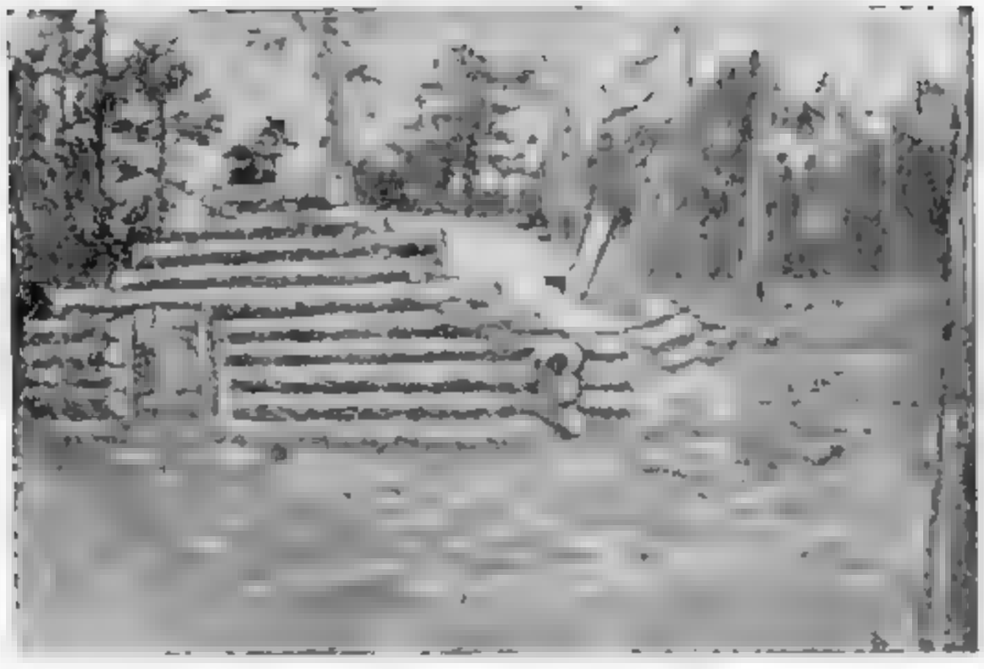


Устье р. Ваха.

Берега Ваха. „Коен-лёг-пеля"—„Болотный берег-яр". Торфяники.

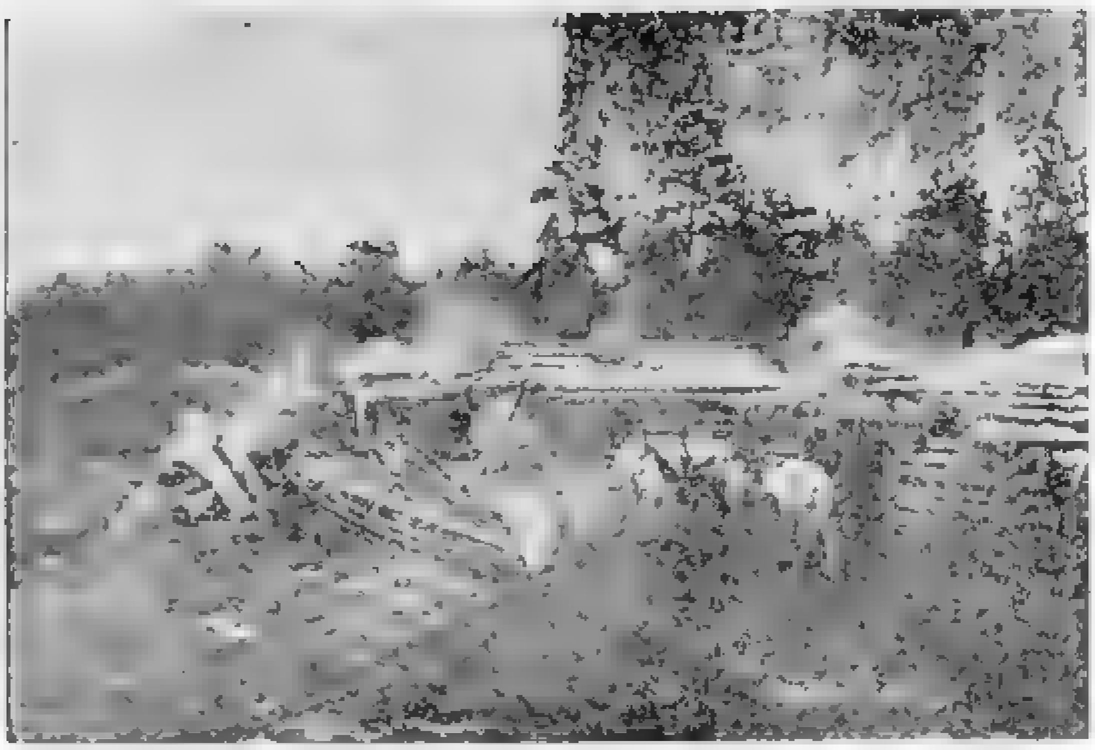
„Заломы" по Ваху.

Земляная зимняя юрта—„Мыг-телех-кат" – стр. 40.



Деревянная зимняя юрта — „Пегар-телех-кат" — стр. 41.

Летняя берестяная юрта — „Тонток-кат." — стр. 43



Летняя круговая игра „Гетар[illegible]" (стр. 42) и игра осенью — „В[illegible]" — стр. 4[illegible])

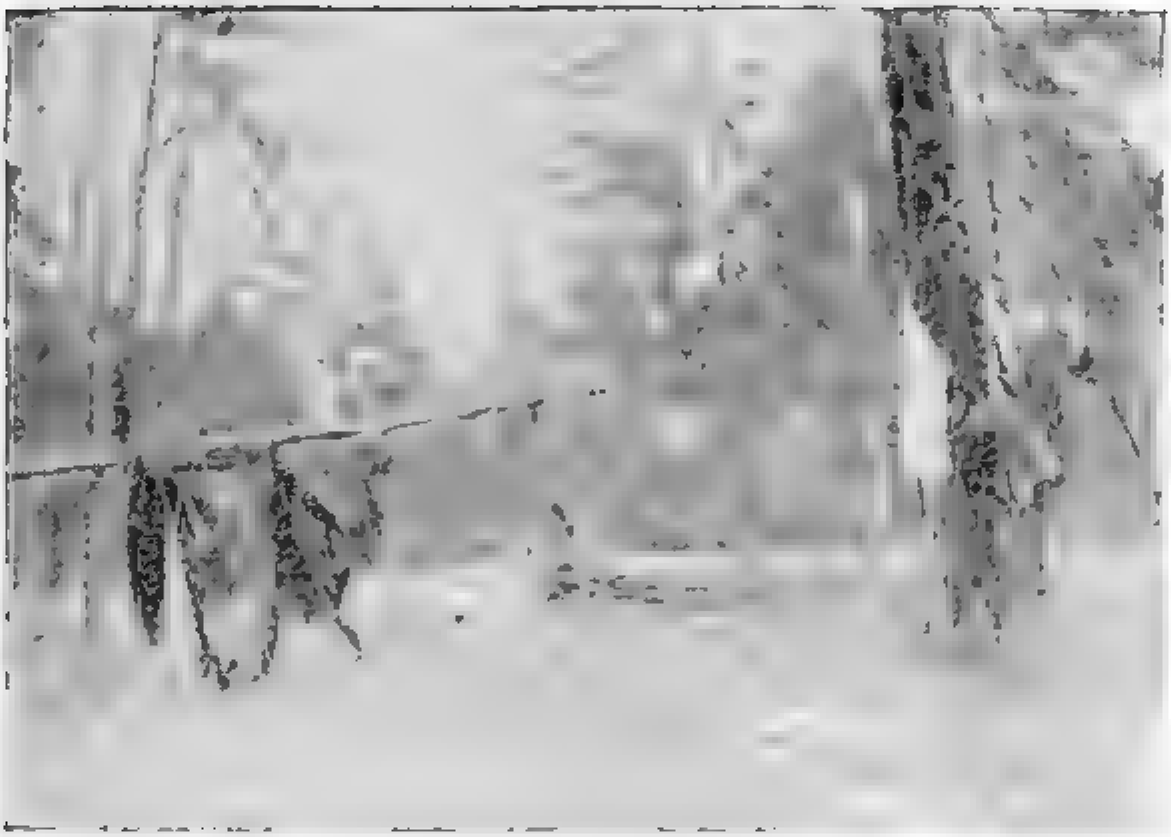
Летний б[illegible] стр. 44

Внутренний вид юрты. Перед юрты—„Кат-нета"—стр. 44

Стар[illegible] „[illegible]" Юрт[illegible] „[illegible]", [illegible] Пу[illegible]".

Шаман—„Ёлта-ку" —Стр. 121—128.

Жертвенное место—„Юм-сур-луаг" Близ устья притока Ваха—р. Кулун-ёгана"—стр. 102.



Жертвенное место „Лунг сур-трех сы[illegible] пай“—„Лунг живет приклад[illegible] камень-остров“ стр. 103.

Жертвенное место—„Трех сылта-пай-кор-тегор“, —„Прикладный остров—болотный заяц“—Общий вид—стр. 104.

Жертвенное место—„Ирех-сылта-пай-кор-тегор". Плащи духа богатырей-предков. Стр. 105.

Жертвенное место—„Ирех-сылта-пай-кор-тегор"—Жертвенный амбар—„Ирех-лавоз"—стр. 105.

Жертвенное место—„Колок-ёган-лунг-параны"—„Колок-ёгана лунг лесной" стр. 107.

Жертвенное место „Пугос-лунг"—„Мать-дух" - стр. 107.

Замечанные опечатки и погрешности.

Страница	Строка	Напечатано	Следует
13	27 снизу	Юргу	Югру
15	2 сверху	изображение истукана	изображение старухи
28	21 снизу	Томской	Тымской
29	8	вместе	вместо
41	8 сверху	кюх	кух
44	9 „	перед юртой	перед юрты
47	7 снизу	„История Сибири"	„Описание Сибирского царства."
51	3 „	Дучин-Горгавич	Дунин-Горкавич
66	5 „	Анупин	Анучин
58	14 „	сёх	сёг
69	3 „	лыт-мальты	лыт-мальки
69	4 „	мальты-ох	мальки-ох
69	8 „	мальты	мальки
78	1 „	Irtasch-ostijaken	Irtysch-Ostjaken
78	3 сверху	пур-тюгол	пут-тюгол
78	9 „	пот-нюр-тонтох	пут-нюр-тонтох
89	5 снизу	Маддендорф	Миддендорф
110	21 „	Тахтпэн	Тахтэн
101	18 „	Тоглон-виях-лунг	Тоглон-ваях лунг
145	20 „	комлях	кымлях
150	18 „	на другой	на другую
155	17 сверху	ваеженка	важенка
166	13 снизу	1 столбец нянька	нянь на
166	12 сверху	2 столбец Вотн-ике	Вонт-ике
167	12 „	2 „ пипельте	пянельте
168	6 снизу	2 „ пот	пут
169	1 сверху	1 столбец пур-тюгол	пут-тюгол
173	10 снизу	1 столбец Ingri	Iugri
173	11 „	1 „ Ingoria	Iugoria
173	12 „	1 „ Igoria	Iugoria

z 14,50